

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLII

ИИМК(2)

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · 1952

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — член-корр. АН СССР *А. Д. Удадьцов*
Зам. отв. редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, Б. Н. Граков,
С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

Г. Б. ФЕДОРОВ

СЕССИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АН СССР, ПОСВЯЩЕННАЯ АРХЕОЛОГИИ ПРИБАЛТИКИ

В г. Тарту Эстонской ССР 22—26 мая 1951 г. состоялась вторая сессия Института истории материальной культуры АН СССР, посвященная вопросам археологии советской Прибалтики¹. В работе приняли участие археологи Москвы, Ленинграда, Таллина, Тарту, Риги, Резекне, Вильнюса, Шауляя, Новгорода, Пскова, Минска, Петрозаводска и других городов. На сессии были представлены республиканские академии наук, университеты, музеи и другие научные учреждения.

Сессия была созвана в Тарту — одном из старейших культурных и университетских городов нашей страны, где ведется особенно большая археологическая работа по изучению прошлого Прибалтики.

Правительство и Академия наук Эстонской ССР, Институт истории, партийные, советские, общественные организации г. Тарту проявили исключительное внимание к сессии, создав все необходимые условия для ее успешной работы.

Период между двумя сессиями ИИМК АН СССР, посвященными вопросам археологии Прибалтики, ознаменовался величайшими победами советского народа в борьбе за построение коммунистического общества в нашей стране, крупнейшими достижениями в области науки, важнейшим из которых является выход в свет гениальных трудов товарища Сталина по вопросам языкознания.

Работы товарища Сталина имеют огромное значение для всей советской науки, в том числе и для археологии советской Прибалтики. В свете указаний товарища Сталина особое значение приобретает изучение древнейшей истории Прибалтики, исследование взаимоотношений между славянскими, летто-литовскими и эстонскими племенами. Отсюда важнейшей задачей в настоящее время является переработка всей археологической периодизации Прибалтики в свете указаний товарища Сталина и окончательное освобождение ее от периодизации, построенной буржуазными археологами под влиянием немецкой националистической школы.

Вместо фантастических стадий, конструировавшихся марристами, особое значение приобретает последовательное изучение археологических культур на территории Прибалтики в соответствии с указаниями товарища Сталина об изучении конкретного процесса исторического развития.

Для успешного разрешения этих задач необходимы совместные усилия археологов Прибалтики и смежных республик.

¹ Первая сессия состоялась в 1949 г. в Ленинграде. Часть докладов, прочитанных на этой сессии, публикуется в настоящем выпуске КСИИМК.

Открывая сессию, директор ИИМК АН СССР А. Д. Удадьцов подвел итоги археологического изучения Прибалтики за последние годы и наметил важнейшие задачи, стоящие перед археологами в изучении истории ее материальной культуры от палеолита до позднего средневековья.

С докладом «Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян» выступил директор Института славяноведения АН СССР П. Н. Третьяков. Докладчик показал, что восточнославянские племена, упомянутые в «Повести временных лет» как локальные группы, сложились не в VII—IX вв., как считали ранее, а еще в первой половине I тысячелетия н. э. В докладе были подробно освещены характерные особенности каждой из этих локальных групп, а также использованы данные исследований археологических памятников полей и улицей, проведенных Б. А. Рыбаковым в последние годы, и материалы Г. Б. Федорова по изучению тиверцев. В культуре восточнославянских племен ярко прослеживаются очень древние местные традиции, опровергающие теорию переселения славян из южных областей.

Раннесредневековое славянство в I тысячелетии до н. э. имело своих местных предков, составлявших три основные группы: Лужицкую, Днестровско-Среднеднепровскую (связанную со скифским миром) и Верхне-Днепровскую, из которых каждая, несмотря на ряд общих черт, имела свои культурные особенности.

Докладчик подверг критике точку зрения многих археологов, которые, исходя из неверной «теории» Н. Я. Марра, эти племена I тысячелетия до н. э. считали стадияльными предшественниками славян. Исходя из указаний товарища Сталина, докладчик показал, что культура славян и их язык представляют собой результат длительного развития и что уже в I тысячелетии до н. э. упомянутые выше три группы являлись славянами, а самое деление славянства на различные группы в этот период представляет не начальный, а заключительный этап славянской этногонии. Возникновение трех групп древнеславянских племен происходило во II и III тысячелетиях до н. э., т. е. в период, который археологами с точки зрения славянского этногенеза ранее не изучался.

В эту эпоху племена Средней и Восточной Европы составляли четыре локальные группы: 1) охотничье-рыболовческих племен лесной полосы Восточной Европы; 2) охотничье-рыболовческих и позже — скотоводческих племен степной полосы Восточной Европы; 3) дунайских и днепро-днепровских (Трипольских) земледельческих племен; 4) средневропейских охотничье-рыболовческих и примитивно-земледельческих племен, занимавших бассейны Вислы, Одера и отчасти Эльбы.

В начале II тысячелетия до н. э., когда среди племен четвертой группы получило распространение скотоводство, образовались пастушеские племена, занимавшие Верхнее и отчасти Среднее Приднепровье, верховья Днестра, верхнее течение Дуная, бассейны Вислы, Одера и Эльбы, Ютландию, южную Скандинавию и юго-восточную Прибалтику. Эти племена не составляли однородной этнической группы. Из них выделилась одна группа, расселившаяся в Повисленье, Приднепровье (среднеднепровские племена) и по юго-восточной Прибалтике (культура одиночных могил).

Именно на основе этой группы во II тысячелетии до н. э., в эпоху бронзы, сложилось несколько племенных групп, являвшихся непосредственными предками указанных выше трех раннеславянских племенных групп. В условиях первобытно-общинного строя внутри них нарастали диалектные различия, в результате чего и произошло, вероятно, отделение литовских племен от славянских. В ходе истории в состав славянства включались и иноязычные племена: даки, фракийцы, в какой-то части кельты, собственно скифские (ирано-язычные) племена, сарматские, литовские, угрофинские и многие другие. В свою очередь часть славянских племен подверг-

лась ассимиляции со стороны кельтов, скифов и др. Процессы ассимиляции особенно энергично протекали в конце I тысячелетия до н. э. и в I тысячелетии н. э., в эпоху ломки первобытно-общинного строя, сложения классового общества и государственности и в обстановке «великого переселения народов», когда шло заселение славянами Балканского полуострова. В этот период приостановилось нарастание диалектных различий и началась консолидация славянских племен вокруг наиболее активных и передовых антского и склавинского союзов; этот процесс продолжался и в последующие столетия, в течение которых определились уже другие центры консолидации. А. Л. Монгайт (Москва) в докладе «Кризис буржуазной археологии»¹ подчеркнул, что в капиталистических странах археология все более используется в качестве орудия империалистической агрессии и для оправдания чужденоненавистнической проповеди расизма, классового и национального угнетения. Докладчик ярко обрисовал реакционную роль так называемой «культурно-исторической школы» с ее проповедью расизма и войны как основы исторического прогресса, в разжигании военной истерии и в идеологической подготовке немецко-фашистской агрессии; разоблачил последователей этой «школы» на западе, действующих по указке американских империалистов. Наиболее откровенную реакционную позицию в буржуазной археологии занимают англо-американские археологи. Для них характерны в настоящее время: открытый расизм, выделение так называемых «примитивных» народов, по отношению к которым империалистическая агрессия является чуть ли не «культурной миссией»; утверждение, что американцы — единственные наследники великой средиземноморской цивилизации; проповедь космополитизма в археологии, отрицание необходимости изучения отдельных культур, искусственное конструирование некоей общечеловеческой культуры, попытки оправдать претензии американских агрессоров на мировое господство и т. д. Докладчик показал, что антиисторичность и идеализм буржуазной археологии, так называемая «теория непознаваемости исторического процесса», и признание культуры нематериальной категорией определили отсталость методики полевых исследований и организации научно-исследовательской и музейной работы в капиталистических странах. А. Л. Монгайт отметил, что, ориентируясь на самую передовую в мире советскую науку, археологи стран народной демократии и прогрессивные ученые в капиталистических странах достигли значительных успехов. Доклады П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайта привлекли особенное внимание аудитории и вызвали оживленные прения.

С докладом «Городища I тысячелетия до н. э. и начала II тысячелетия н. э. на территории Эстонии» выступил крупнейший археолог Прибалтики Х. А. Моора (Тарту).

Слабая изученность городищ на территории Эстонии, как показал Х. А. Моора, объясняется не только тем, что в период буржуазных правительств на археологические работы отпускались ничтожные средства, но и тем, что самый вопрос о научном исследовании этих памятников буржуазная археология не в состоянии была поставить. Лишь с восстановлением советского строя в Эстонии были созданы все предпосылки для подлинно научного археологического изучения древних памятников на основе марксистско-ленинской методологии. В плане археологических исследований текущей пятилетки раскопки городищ выдвигаются в качестве одной из основных задач. В связи с этим необходимо систематизировать имеющиеся материалы и сделать хотя бы предварительные выводы, чтобы определить важнейшие проблемы, связанные с изучением городищ.

В развитии эстонских городищ можно различить четыре этапа. На первом, относящемся к I тысячелетию до н. э., городища представляли собой

¹ А. Л. Монгайт. Кризис буржуазной археологии, КСИМК, вып. XL, 1951.

укрепленные поселения; на втором, охватывающем первые века нашей эры, они превращаются в убежища военного времени, для которых характерны довольно слабые укрепления; на третьем этапе, с V по X в. н. э., возникает довольно много небольших, но сильно укрепленных городищ-убежищ. На четвертом этапе, в XI—XII вв., появляется небольшое число крупных и сильно укрепленных городищ в важнейших центрах племенных, или, вернее, территориальных, объединений. Докладчик конкретными примерами охарактеризовал развитие городищ на каждом из четырех этапов и убедительно связал этот процесс с историей развития производительных сил и с социальными изменениями, а также наметил основные задачи, стоящие перед советскими археологами при дальнейших работах по изучению городищ на территории Эстонии.

П. З. Куликаускас (Вильнюс) рассказал об изучении археологических памятников Литовской ССР в 1948—1950 гг. и подчеркнул, что только с восстановлением советского строя в Литве были созданы благоприятные условия для развития археологической науки.

На территории Литовской ССР обнаружена стоянка каменного века (Пудоишкис) в районе торфяников, где при добыче торфа найдены изделия из кости, рога, кости животных, уголь и т. д. В 1950 г. продолжались раскопки курганов второй половины I тысячелетия до н. э. в Курмайчай, где найдены трупосожжения без вещей. Значительно больше материалов обнаружено при раскопках могильников I тысячелетия н. э., производившихся в 1948—1950 гг. Значительные результаты достигнуты во время разведывательных экспедиций в западной и юго-восточной Литве, во время которых зарегистрированы обнаруженные городища и произведены раскопки нескольких могильников. Докладчик отметил, что перед археологами Литвы стоят задачи систематического и полного изучения памятников, исследования городищ и стоянок, а также организация разведок, публикация материалов и издание археологических работ по археологии Литвы.

Следует отметить, однако, что в интересном докладе Куликаускаса почти совсем не приводилось данных по изучению основного вида археологических памятников — поселений. Из всех прибалтийских республик Литва наиболее богата городищами. Их в настоящее время на территории Литовской ССР зарегистрировано свыше тысячи, в то время как в Латвии их насчитывается лишь немногим более трехсот, а в Эстонии около ста. Несмотря на это, литовские археологи, уделяя много внимания важному делу исследования могильников, игнорируют изучение основного вида археологических памятников — городищ, в то время как эти работы плодотворно осуществляются в Латвийской и Эстонской ССР.

Э. Д. Шнорре (Рига) выступила с докладом «Археологические исследования Института истории материальной культуры АН Латвийской ССР за последнюю пятилетку». Важнейшей задачей латвийских археологов за истекшую пятилетку был критический пересмотр положений буржуазной археологии. Главным районом археологических полевых работ в соответствии с разрабатываемой темой о связях латгалов с восточнославянскими племенами была восточная часть Латвии. В результате археологических раскопок был изучен могильник IX—XII вв. в селе Нукшас и произведены исследования ряда могильников VI—XIII вв. Кроме того, начато изучение городища Асотэ на правом берегу Даугавы. Добытые материалы позволили существенно обогатить знания в области экономики и социальных отношений в Латгалии в I и начале II тысячелетия н. э. и в первую очередь позволили углубить разработку проблемы связей латгалов с их соседями — восточнославянскими племенами.

Как явствует из трех упомянутых выше обзорных докладов, археологические исследования в Прибалтике, несмотря на ряд достижений, не приняли еще должного размаха.

Это объясняется прежде всего отсутствием нужного числа специалистов-археологов, на подготовку которых университеты прибалтийских республик должны обратить особое внимание.

А. Я. Брюсов (Москва) посвятил свой доклад вопросу о заселении европейской части СССР в неолитическую эпоху. Подвергнув критике тенденциозные гипотезы буржуазных археологов о заселении севера СССР с запада, докладчик показал, что древнейшие мезолитические стоянки Прибалтики, как и более поздние, имеют себе параллели не на западе, а на востоке, в частности на Урале. Заселение севера узкой полосой от Урала до Прибалтики происходило с востока в бореальный период или в начале атлантического периода. В III—II тысячелетиях до н. э. эта полоса была перекрыта вторичным заселением с юга, в частности из районов бассейна Оки, охватившим весь север до Белого моря. В конце II тысячелетия до н. э. были заселены Кольский полуостров (из Карелии) и Большеземельская тундра (вероятно, из Западной Сибири). Племена, заселившие в древности север европейской части СССР, судя по преемственности материальной культуры, являются предками позднейших местных племен. В процессе расселения иногда происходили крупные столкновения между племенами, вытеснение и ассимиляция одних племен другими (например, фатьяновской и поздняяковской культур).

Доклад А. Я. Брюсова имеет особое значение для изучения древнейших периодов истории Прибалтики и смежных территорий.

Л. Ю. Янитс (Тарту) выступил с докладом «Неолитические стоянки на территории ЭССР». Докладчик отметил, что планомерное изучение неолитических памятников началось в Эстонии лишь после восстановления советской власти. Он подвел предварительные итоги, подробно обрисовав различные типы стоянок, вещевой материал, указал на их датировку, а также сделал интересные выводы о занятиях и социальных отношениях населения на территории Эстонской ССР в период неолита. Л. Ю. Янитс сформулировал основные проблемы, стоящие перед археологами, изучающими эпоху неолита в Эстонии, и подчеркнул, что успешная разработка этих проблем возможна лишь при тесной координации с исследованием соответствующих памятников в соседних братских республиках.

Л. В. Ванкина (Рига) посвятила доклад интереснейшей торфяниковой стоянке в Сарнате, подробно описав найденную керамику, янтарные, кремневые и другие изделия. Докладчик отметил, что деревянные ковши с изображением птичьих голов имеют сходство с находками в Горбуновском торфянике на Урале. Основным занятием жителей стоянки было рыболовство и охота, но имело значение и земледелие, о чем свидетельствуют находки мотыг. По вещевому материалу сарнатская стоянка датируется второй половиной II тысячелетия до н. э.

Н. Н. Гурина (Ленинград) подвела итоги археологическому изучению (за 1946—1950 гг.) эпохи неолита и раннего металла на северо-западе европейской части СССР, подробно охарактеризовав изученность указанной территории до 1946 г. В истории Кольского полуострова в результате плодотворных археологических работ установлены четыре этапа: арктические палеолит и неолит, периоды бронзы и раннего железа (древних саамских поселений). Докладчик отметил характерные черты каждого из этапов. Исследование ранее совершенно не изученных древностей средней, западной и южной Карелии позволило остановиться на проблеме путей заселения Кольского полуострова, установить своеобразие археологических памятников, разработать относительную датировку древностей юго-западной Карелии, обнаружить отдельные поселения, относящиеся к эпохе раннего металла, и установить факты, указывающие на непрерывную обитаемость этой части Карелии и связь культуры саамов с древней местной культурой. В исследовании Ленинградской области особое значение имеют разведки

и исследования памятников, относящихся к эпохе развитой бронзы, близких к ранним городищам «дьякова» типа. В заключение Н. Н. Гурина четко сформулировала основные задачи изучения северо-запада европейской части СССР и подчеркнула, что, руководствуясь гениальными указаниями товарища Сталина, советские археологи смогут с достаточной полнотой раскрыть сущность ее древней истории.

Археологическое изучение Кольского полуострова, Карелии и Ленинградской области и сопоставление данных, полученных в этих районах, позволило Н. Н. Гуриной установить сущность исторического процесса, происходившего на всей этой обширной территории.

Доклад Э. Бривкалнэ (Рига) был посвящен древним поселениям у городищ на территории Латвийской ССР. Таких поселений обнаружено более 50, все они различны по размерам. Применение геологического зонда позволило определить площадь и границы ряда поселений (Асотэ, Кулдита). Предварительными раскопками вскрыты остатки жилищ, плавильных печей, орудия и предметы, свидетельствующие о развитии ремесла, земледелия и скотоводства. Находки монет и привозных вещей указывают на развитие торговли. Более детальное исследование (раскопки) намечено провести на одном из важнейших поселений — Тервет.

А. К. Вассар (Тарту) рассказал об исследовании укрепленного поселения Асва на острове Сааремаа. Для изучения важнейшего в древней истории Эстонии периода раннего металла, который игнорировался буржуазными археологами, большое значение имеет исследование Асва. Здесь в последние годы вскрыта площадь в 325 м². Докладчик подробно охарактеризовал местоположение и форму поселения, особенности культурного слоя, различные строительные периоды в истории поселения. Ряд находок свидетельствует о том, что основным занятием жителей было рыболовство, охота на тюленей, зверей и птиц, в меньшей степени — скотоводство и земледелие. Известна была выработка шерстяных и льняных тканей, обработка кожи, дерева, рога. Широко развито было изготовление керамики, весьма сходной с дьяковской и лужицкой. Плавильные тигли и глиняные формы для отливки гривен и наконечников копий, бронзовые слитки и т. д. указывают на изготовление местного бронзового литья. Находки янтарных изделий свидетельствуют о межплеменном обмене. Отдельные железные предметы найдены в незначительном количестве лишь в верхних, наиболее поздних слоях. Поселение датируется периодом от VIII в. до н. э. по первые века нашей эры и является поселением родовой патриархальной общины, древнейшим городищем на территории Эстонии. Городища этого типа близки по времени и инвентарю курганам с каменными ящиками, а также подобным поселениям на территории Латвии и в верховьях Волги и Днепра. Докладчик наметил основные задачи дальнейшего изучения городища Асва.

С. А. Тараканова (Москва) прочла доклад о городищах Псковской области, планомерное исследование которых началось в последние годы. Изучению подверглись древние городища I тысячелетия н. э. (Псковское и Камно). Незначительное число подобных городищ на территории области указывает, что более распространенными в I тысячелетии были неукрепленные поселения (селища). Исследования дали возможность установить, что почти с первых веков своего существования городища были ремесленными центрами, продукция которых шла на удовлетворение потребностей окрестных сел. Высоко развитая материальная культура, существовавшая здесь, весьма сходна с культурой антов Среднего Поднепровья. Дальнейшее изучение городищ этого типа и более поздних феодальных городищ должно дать много материала для выяснения вопросов славянского этногенеза и славяно-балтийско-финских взаимоотношений.

Ф. Д. Гуревич (Ленинград) охарактеризовала в своем докладе ранее почти не изучавшиеся поселения Калининградской области I тысячелетия

н. э. Докладчик выделил четыре группы поселений: 1) городища, расположенные на мысах,—однослойные, характеризующиеся черной лощеной керамикой и относящиеся в основном к первой половине I тысячелетия н. э.; 2) болотные городища первой половины и конца I тысячелетия н. э.; 3) нагорные городища — двуслойные памятники со сложными оборонительными сооружениями, бытовавшие с первой половины I тысячелетия н. э. до средневековья; 4) селища, как правило примыкающие к мысовым городищам.

Для городищ характерны наземные прямоугольные жилища на каменном основании. Данные, полученные при изучении городищ и могильников, позволили охарактеризовать культуру населения области в первой половине I тысячелетия н. э. как экономически передовую. Уже в III—IV вв. здесь существовало развитое сельское хозяйство, производилась выплавка железа, велась торговля, о которой свидетельствуют находки римских монет и привозных вещей. В конце I тысячелетия появляется гончарная керамика славянского типа, что указывает на заимствование гончарного круга от славян. Важнейшая наша задача — определение культурно-исторического места, занимаемого памятниками I тысячелетия н. э., что поможет разрешению проблемы заселения этой территории.

Я. В. Станкевич (Ленинград) прочла доклад на тему «Поселения первого тысячелетия нашей эры верхнего течения Западной Двины». Широкими разведывательными работами 1949—1950 гг. на этой территории обнаружено свыше 150 археологических памятников, относящихся к различным эпохам от неолита и бронзы до средневековья. В числе этих памятников 50 городищ и селищ и свыше 80 курганных групп и могильников. Эти памятники делятся на четыре группы:

1) Древнейшие поселения первых веков нашей эры — городища с кольцевым валом на возвышенностях или мысах, а также единичные селища на мысах; для памятников характерна сетчатая керамика.

2) Поселения середины I тысячелетия н. э.—городища с кольцевым валом на возвышенности и городища на мысах с валом с напольной стороны, отличающиеся мощным культурным слоем, гладкой лепной штрихованной и орнаментированной зашпирами керамикой, аналогичной керамике синхронных памятников центральной Белоруссии, западной части Смоленской области, Литвы и частично Латвии. Городища сопровождаются селищами и могильниками. Раскопками на городище Подгай вскрыто пять жилищ-полуземлянок с глинобитными очагами; найдены пряслица позднелужицкого типа, железные орудия, баночные, гладкие и штрихованные сосуды. Судя по находкам зерен пшеницы, зернотерок и костей домашних животных, основным занятием жителей было подсечное земледелие и скотоводство.

3) Поселения конца I тысячелетия н. э., представляющие небольшие городища, расположенные на мысах или возвышенностях. Культурные отложения многослойны. Городища сопровождались селищами и могильниками с круглыми насыпями.

4) Поселения великокняжеской эпохи XI—XII вв., представленные городищами-детинцами с кольцевыми валами; расположены на мысах и возвышенностях. К городищам примыкают открытые поселения — посадки. Культурные слои характеризует найденная гончарная керамика, стеклянные браслеты, шиферные пряслица и другие предметы. Поселения сопровождаются курганными могильниками и жальниками.

Изучение древних поселений Псковской области дает картину преемственности в развитии материальной культуры в этом районе, издревле заселенном славянами. Появление здесь в середине I тысячелетия густой сети поселений находится в связи с проходящим по Западной Двине «великим водным путем». Процесс развития местной славянской культуры

шел в тесном взаимодействии с развитием культуры соседних племен. Для дальнейшего изучения памятников Псковской области необходимо координировать работы с исследованиями смежных территорий Белоруссии и Прибалтики.

И. П. Шаскольский (Петрозаводск) остановился на некоторых вопросах древнейшей истории Таллина. Вопреки измышлениям прибалтийских немецких буржуазных историков, приписывающих создание Таллина датско-немецким завоевателям XIII в., и вопреки буржуазным эстонским историкам, рассматривавшим возникновение Таллина в результате датской и немецкой торговли и мореходства, докладчик показал, что Таллин возник в результате внутреннего развития Эстонии в X—XII вв. Древний Таллин был одним из важнейших торговых портов Балтики и вел торговлю с русскими землями, со Средним Поволжьем, с Данией, Швецией и германскими землями. Изучение исторической топографии города позволило установить размещение двух главных частей города, основных улиц. В XII—XIII вв. в Таллине постоянно жило в особом квартале, или «конце», русское население. Названия Таллин и Линданисе не являются первоначальными. Древнейшим названием города было летописное Кольвань, связанное с именем Калев из народного эпоса. В 1219 г. Таллин был уже важнейшим центром Эстонии, а вовсе не «возник» в это время, как утверждают буржуазные историки. Первоочередной задачей является археологическое изучение старых кварталов города.

Р. К. Куликаускиене (Вильнюс) прочла интересный доклад о погребениях с конями в Литве IX—XII вв. Охарактеризовав особенности и виды погребений, встречающийся в них инвентарь и эволюцию обряда погребений, докладчик сделал ряд интересных обобщающих выводов.

Два доклада были посвящены крупнейшим достижениям советской археологии в области методики полевых исследований.

Т. С. Пассек ознакомила участников сессии с методикой раскопок энеолитических поселений, а Б. А. Рыбаков — с методикой раскопок средневековых городов.

Наряду с общим успехом сессии необходимо отметить отсутствие теоретических докладов, построенных целиком и непосредственно на прибалтийском археологическом материале.

По всем заслушанным докладам развернулись оживленные прения. Для участников сессии была организована под руководством Х. А. Моора экскурсия по южной части Эстонской ССР для ознакомления с раскопками наиболее выдающихся археологических памятников. В зале заседаний сектор археологии Института истории АН ЭССР развернул выставку, посвященную археологическим исследованиям. На сессии был продемонстрирован кинофильм «Трипольская культура» о раскопках трипольской археологической экспедиции ИИМК под руководством Т. С. Пассек.

Участники сессии единодушно приняли следующую резолюцию:

«Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания положили основу для нового этапа не только в области лингвистики, но и других исторических наук, в частности для археологии. Это особенно относится к той части археологических исследований, которые ставят задачей изучение этногонии народов нашей родины, поскольку язык и этнос неразрывно связаны друг с другом. Советская археология, ставящая своей конечной целью восстановление конкретной истории далекого прошлого с древнейших времен до сложения и развития народностей и феодального общества включительно, должна и может осуществить это, руководствуясь ясными и четкими высказываниями И. В. Сталина, открывшего новые пути и поставившего новые задачи перед советской исторической наукой».

Многие из заслушанных на сессии докладов прямо или косвенно были посвящены проблемам этногонии народов СССР. Используя указания

И. В. Сталина, докладчики показали возможность разрешения этих важных вопросов и дали критику неверных положений марровской «школы», долгое время оказывавшей вредное влияние на работы некоторых советских археологов.

В докладах была подвергнута критике буржуазная археология, ее реакционность и отсталость, приводящая многих из буржуазных археологов к прямому отрицанию объективных исторических закономерностей. Было показано, как буржуазная археология все более и более становится орудием империалистической агрессии.

Ряд докладов, обобщающих итоги археологического изучения Прибалтики за последние годы, показал несомненное превосходство советской науки, марксистского анализа при решении вопросов древней истории и превосходство методики полевых исследований, разработанной в Советском Союзе.

За два года, прошедшие со времени первой сессии, отряд советских археологов сделал новые и крупные успехи в построении археологической науки на базе марксистско-ленинской теории. Советские археологи ставят и решают на основе археологических источников крупные исторические и культурно-исторические вопросы.

Сессия показала, что некоторые поставленные в 1949 г. задачи или разрешены, или намечены пути к их разрешению, но за истекшее время перед археологами Прибалтики возникли новые важные проблемы. Необходимо подвергнуть самой решительной критике буржуазные извращения в археологии и истории Прибалтики, в частности критически рассмотреть гипотезу о так называемой «культуре шнуровой керамики», дававшую и дающую повод буржуазным археологам для фашистских построений. Необходимо провести широкое изучение памятников культуры «одиночных погребений» (с боевыми топорами), ее происхождения и роли в балто-славянском этногенезе.

Необходимо также, как указано в решении первой сессии, расширить систематическое изучение городищ и селищ, в частности на территории Литовской ССР, не ограничиваясь раскопками только могильников. Без детального изучения мест поселения нельзя получить подлинной картины исторического развития. Следует уделить особое внимание связям прибалтийских племен с восточнославянскими племенами и развитию их совместной борьбы с германскими захватчиками.

Сессия рекомендует продолжить и расширить изучение средневековых городов ввиду большого исторического значения этих древних центров. Желательно обратить внимание на поиски и раскопки памятников конца I тысячелетия до н. э. и первых веков нашей эры, чтобы увязать между собой более ранние и более поздние памятники. При исследовании неолитических стоянок нужно принять меры к более точной их хронологизации. Особенно важны для этой цели раскопки многослойных и торфяниковых стоянок, вроде стоянки на реке Иче, стоянок Двиете и Сарнате и других им подобных.

Для изучения балто-славянских отношений нужно исследовать неизученную до сих пор археологически широкую полосу по восточному берегу Чудского озера. Сессия рекомендует произвести археологическое исследование Клайпедского района Литовской ССР.

К работам, связанным с археологическим изучением Прибалтики, следует привлечь археологов смежных с Прибалтикой союзных республик.

При решении поставленных задач не следует связывать себя рамками административных границ республик, а выходить за них в случае необходимости. В этих целях нужно расширить коллективную работу археологов различных республик в организуемых совместно раскопках. Это относится

не только к археологам Прибалтики, но и к археологам РСФСР, в частности к сотрудникам ИИМК АН СССР.

Сессия считает совершенно необходимыми специальные работы по периодизации древней истории и истории материальной культуры прибалтийских республик на основе марксистско-ленинской теории и решительную ликвидацию влияний порочной системы периодизации, созданной в прошлом под воздействием тенденциозной немецкой археологии.

В прибалтийских республиках должен неукоснительно применяться закон об охране археологических памятников; сессия предлагает академиям наук Прибалтики принять на себя контроль за его выполнением.

Особое внимание следует обратить на подготовку кадров квалифицированных советских археологов в связи с ростом археологических исследований в Советском Союзе. Это относится, в частности, к Академии наук Литовской ССР и к Карело-Финскому филиалу АН СССР, где недостаток в кадрах археологов может затруднить организацию специальных секторов археологии.

Сессия обращает внимание соответствующих отделов академий наук Прибалтики на положение с консервацией и хранением добытых при раскопках материалов. При камеральной обработке коллекций желательно применение всех современных методов консервации и лабораторных анализов.

Сессия указала на слабую издательскую деятельность по публикации материалов по археологии, в особенности новых, что вызывает лишние командировки в музеи Прибалтики для изучения фондов.

Желательно скорейшее восстановление музея с археологическим отделом в Вильнюсе.

Сессия постановила созвать третью сессию по археологии Прибалтики в 1953 г. в Риге; организацию ее включить в планы соответствующих институтов. Для подготовки сессии дирекции ИИМК АН СССР предлагается организовать специальную комиссию, включив в нее, помимо сотрудников ИИМК, Х. А. Моора (Эстония), Э. Д. Шнорре (Латвия), П. Э. Куликаускас (Литва) и И. П. Шаскольского (Карело-Финская ССР).

Участники сессии единодушно выразили благодарность эстонскому правительству и Академии наук Эстонской ССР за радушный прием.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ДРЕВНИЕ ПАМЯТНИКИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ
И ЗАДАЧИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Культура древних обитателей юго-восточной Прибалтики (Калининградская область), граничащей на севере и востоке с Литовской ССР, на юге с польскими землями, а с запада омываемой Балтийским морем, тесно связанная с культурой восточнобалтийских племен, имела много общего с славянским миром. Но немецкая националистическая наука отгородила глухой стеной древнюю историю народов юго-восточной Прибалтики и славянства. Труды буржуазных немецких ученых были направлены на то, чтобы исторически оправдать завоевание юго-восточной Прибалтики тевтонским орденом.

Исследование древностей юго-восточной Прибалтики начинается с 40-х годов прошлого века.

Вторая половина XIX в. была периодом интенсивного накопления материалов. Один за другим раскапываются привлекавшие немецких археологов обилием инвентаря могильники, особенно в Приморском районе. Многочисленные предметы из металла (бронзы, железа, реже серебра) заполняют хранилища Кенигсбергского музея, превращая его в богатейшее собрание местных памятников старины.

Накопление материала немецкими буржуазными археологами производилось в соответствии с определенной схемой, направленной на обоснование якобы зависимых, «вассальных» отношений балтийских племен от германских, время от времени появлявшихся на исконной земле народов Прибалтики.

На материале могильных памятников прибалтийских племен создаются схемы периодизации эпохи железа, которые с внесением соответствующих исправлений сохранили у немецких авторов свое значение в последующее время и имели широкое хождение в археологии фашистского периода.

Все немецкие археологи действовали сообразно той цели, которая была поставлена перед прусской наукой еще в 60—70-х годах XIX в.— показать якобы животворное влияние на культуру юго-восточной Прибалтики временно оседающих по соседству германских племен.

Идейным руководителем немецкой археологии в 20-х годах нашего века был Г. Коссигна, носитель наиболее реакционных идей пангерманизма. Под влиянием его «учения» появляются сводные труды по археологии юго-восточной Прибалтики.

Извращающая факты немецкая фашистская археология пытается доказать зависимость древнейшей истории племен юго-восточной Прибалтики от

волн германской экспансии. Взаимоотношения между славянами и прибалтийскими племенами рисуются только антагонистическими.

Националистической деятельности немецких археологов в Прибалтике до Октябрьской революции до некоторой степени противопоставлялось активное участие русских археологов в изучении прибалтийских древностей. Это нашло свое выражение как в раскопках на территории Эстонии, Латвии и Литвы и в публикациях их результатов, так и в организации двух археологических съездов — IX в Вильне и X в Риге, — посвященных прибалтийским древностям.

При всем несовершенстве методологии старой русской археологической науки она все же была преградой для откровенной пропаганды немецкой националистической археологии.

За годы господства буржуазных правительств в Эстонии, Латвии и Литве археология восточной Прибалтики, изолированная от советской науки, в своих теоретических построениях в значительной мере подпала под влияние немецкой националистической археологии.

Но все же раздавались отдельные голоса прогрессивных прибалтийских ученых-археологов против антиисторической трактовки восточнобалтийской культуры.

Необходимо повести борьбу за преодоление тяжелого идейного наследства прусской археологии, воспринятого археологией восточной Прибалтики; в первую очередь следует создать новую периодизацию восточнобалтийских древностей, взамен прежней, целиком основанной на порочной схеме.

В самом деле, обратимся к периодизации одного только железного века восточной Прибалтики, начиная с I в. н. э. Здесь ранний железный век соответствует времени от начала н. э. до 400 г., средний — от 400 до 800 г. и новый, или поздний, железный век — от 800 до 1250 г. В этой схеме восточнобалтийских древностей даже не изменены отправные даты прусской периодизации — они механически перенесены на всю восточную Прибалтику. Ранний железный век соответствует периодам «В» и «С», т. е. это готский период древнебалтийской культуры с позднейшим переселением германских племен с Вислы. Средний железный век — это периоды «D» и «E», характеризующиеся немцами как повсеместная консервация древнебалтийской культуры в связи с уходом германцев. Поздний железный век соответствует времени викингов, с появлением которых в Прибалтике якобы расцвели торговля и ремесло. Завершается этот период серединой XIII в., т. е. завоеванием Прибалтики немецким орденом. Как видим, схема явно тенденциозна. Кроме того, она не отражает внутреннего процесса изменения хозяйственной, социально-экономической и культурной жизни Прибалтики. Последние работы советских археологов ярко свидетельствуют об отрицании ими тенденциозных немецких периодизаций.

С вхождением Эстонии, Латвии, Литвы и Калининградской области в состав СССР началась новая эра в развитии прибалтийской археологии. Подавляющая часть ученых, археологов Прибалтики, выбрала единственно правильный путь, путь создания своей науки на основе марксистско-ленинской теории.

Попытаемся охарактеризовать основные материалы, которыми мы располагаем для изучения древней истории юго-восточной Прибалтики. Об этой территории сохранился ряд письменных свидетельств древних авторов. Таково известное место из «Германии» Тацита, который в главе 45 называет жителей берега Балтийского моря эстиями и сообщает о них ряд ценных сведений. «Они, — пишет Тацит, — поклоняются матери богов и носят как символ своих верований изображения кабанов. Это у них — заменяющая оружие защита, гарантирующая почитателю богини безопасность даже среди врагов. Они редко пользуются железным оружием, часто же дуби-

нами. Над хлебом и другими плодами земли они трудятся с бóльшим терпением, чем это соответствует обычной лениности германцев. Они также обыскивают и море и одни из всех на его отмелях и даже на самом берегу собирают янтарь, который сами называют «glesum». Но какова его природа и откуда он берется, они, будучи варварами, не доискиваются и не имеют об этом точных сведений. Он даже долго валялся у них (без употребления) среди других отбросов моря, пока наша страсть к роскоши не создала ему славы. Сами же они его совсем не употребляют. Собирается он в грубом виде, приносится (на рынок) без всякой отделки, и они получают за него плату с удивлением»¹.

Балтийское побережье было единственной областью, поставлявшей янтарь, который очень ценили римляне. Тацит неправ, утверждая, что жители, добывавшие янтарь, не знали до римлян его употребления. Археологические находки, относящиеся еще к неолиту, свидетельствуют, что в местах добычи янтаря из него умели делать украшения, амулеты и другие предметы. Подтверждение свидетельству Тацита можно видеть в том, что янтарь вывозился лишь в виде заготовок.

Между первым свидетельством Тацита об эстиях и последующим известием о них проходит пять веков. В VI в. н. э. прибалтийские племена упоминаются Иорданом² и Кассиодором³. В IX в. эстиев, живущих рядом со славянами, упоминал Эйнгарт, биограф Карла Великого⁴, а в 890 г. скандинавский путешественник Вульфстан, посетивший южную Прибалтику, сообщил, что страна эстиев очень велика и в ней много городов⁵. Вульфстан был последним автором, называвшим жителей Балтийского побережья, добывающих янтарь, эстиями.

В 965 г., т. е. 75 лет спустя, Ибрагим ибн Якуб, проезжавший через западнославянские страны, говоря о жителях Балтийского побережья, употребляет термин «брус», т. е. прус: «Жилища брусом у окружающего моря, и они имеют особый язык, не знают языков соседних им народов; и славятся они храбростью: когда приходит к ним войско, то никто из них не ждет, чтобы к нему присоединился его товарищ, а выступает, не заботясь ни о ком, и рубит своим мечом пока не умрет»⁶.

Под названием «пруссы» знает эстиев и наша летопись: «ляхове же и пруси чюдь приседают к морю Варяжскому»⁷.

В течение всего I тысячелетия н. э. обитатели юго-восточной Прибалтики, добывавшие янтарь, известны, таким образом, под именами сначала эстиев, а затем пруссов. Вероятнее всего, что этническое наименование эстиев охватывает население более обширной территории Балтийского побережья, чем наименование пруссов. В термине «эстии» сохранилось наиболее древнее обозначение жителей этой территории. «Пруссы» стало сборным именем западнобалтийских племен в конце I тысячелетия.

В 1075 г. Адам Бременский упоминает в числе прусских племен самбо — жителей Самбийского полуострова, область которых находится вблизи полян и руссов⁸.

О набегах норманов на Самбийский полуостров пишет Саксон Грамматик⁹.

¹ Древние германцы. Сборник под ред. А. Д. Удальцова. М., 1937, стр. 80—81.

² Иордан. Гетика, § 23. Перевод Е. Ч. Скржинской.

³ Monumenta Germaniae Historiae. Scriptores, т. XII. Берлин, 1844, стр. 142 и сл. В дальнейшем МН.

⁴ Einhardus. Vita Karoli Magni-imperatoris, стр. 612.

⁵ Scriptores Rerum Prussicarum, т. I. Лейпциг, 1861, стр. 732 и сл. В дальнейшем SRP.

⁶ Ф. Вестберг. Комментарий на записку Ибрагима ибн Якуба о славянах. СПб., 1903, стр. 146.

⁷ ПСРЛ, т. I, 1843, стр. 3.

⁸ SRP, I, 239.

⁹ Там же, стр. 235.

В XIII в. в связи с завоевательными походами Тевтонского ордена, теснимые немцами пруссы находят убежище в русских землях: «Придоша Пруси ко Тройденови из своей земли неволею перед немци, он же прия е к себе и посади часть их в Городне, а часть их посади во Вьслониме»¹. Эти переселенцы вплоть до последнего времени сохраняли особенности своего языка среди литовцев Гродненской губернии². В дальнейшем сведения о пруссах появляются у писателей, сопровождающих крестоносцев, и в первую очередь в трактате Петра Дусбургского, написанном во второй половине XIII в.

Таким образом, в письменных источниках известия о племенах юго-восточной Прибалтики встречаются на протяжении почти 1500 лет. Основная ценность их заключается в том, что они свидетельствуют о непрерывном заселении этой территории, начиная с I в. н. э. На основании данных Тацита (I в. н. э.) и Иордана (VI в. н. э.) можно считать, что между I и VI вв. н. э. здесь обитали одни и те же прибрежные жители, добывающие янтарь, — эстии.

Как ни драгоценны данные письменности о древнейших обитателях янтарного берега, не им, однако, принадлежит главная роль в построении древней истории этой земли. Главный источник изучения древнейшей истории Прибалтики — это археологический материал.

Мы уже отмечали, что в восточной Пруссии велись значительные археологические работы, но объектом этих работ являлись исключительно могильные памятники. Большие могильники с обильным ярким инвентарем заслонили собой изучение поселений, материал которых, внешне мало эффектный, но имеющий большую научную ценность, не интересовал немецких археологов. На территории Калининградской области более чем за 100 лет изучения археологических памятников не было сколько-нибудь систематически исследовано ни одно поселение. Археологические коллекции поэтому несколько односторонни по подбору.

Тем не менее критическое изучение массового материала могильников, а особенно погребального обряда, помогло бы советским археологам осветить ряд вопросов древнейшей истории юго-восточной Прибалтики, если бы во время Великой Отечественной войны все коллекции не были утрачены. В нашем распоряжении сохранились только публикации немецких археологов, о методологической порочности и тенденциозности которых мы уже упоминали.

Попытаемся дать обзор основных памятников Калининградской области. Ограничиваемся классификацией памятников по трем основным крупным эпохам в истории общества — камня, бронзы и железа.

1. П а л е о л и т. Следы пребывания человека на этой территории в эпоху палеолита почти не известны. Единственная находка этого периода — наконечник отполированного костяного копья из окрестностей г. Гурьева.

2. М е з о л и т. Изделия, относящиеся к этой эпохе, представлены случайными находками, обнаруженными главным образом в торфяниках. Это орудия из кремня — микролиты и более крупные изделия. Среди поделок из кости встречаются гладкие или зубчатые острия, ножи и крючки. Случайные находки, относящиеся к эпохе мезолита, происходят из окрестностей Гурьева, Багратионовска, Приморска, Янтарного и других мест Калининградской области (рис. 1—7).

Мезолитические находки сходны с инвентарем известного памятника Кунда в Эстонской ССР.

¹ ПСРЛ, т. II, 1846, стр. 206.

² Э. Вольтер. Следы древних пруссов и их языка в Гродненской губернии. ИОРЯС, т. XVI, кн. 4, стр. 154.

3. Неолит. Памятники этого времени известны главным образом по случайным находкам. Исключение представляет ранненеолитическое поселение, раскопанное в 20-х годах XX в. у б. имения Цедмар, близ д. Серово Озерского района. При раскопках были обнаружены наземные жилища,

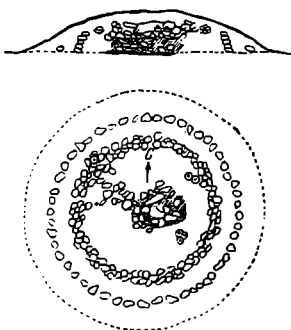
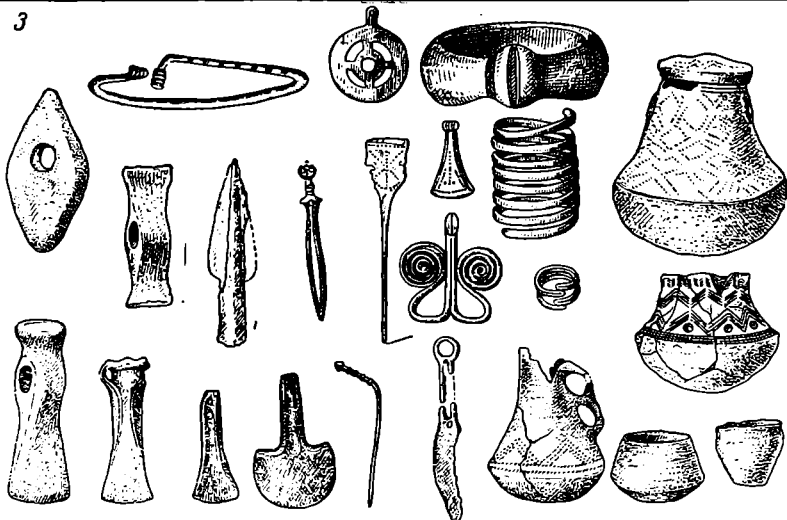
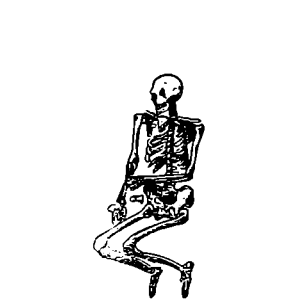
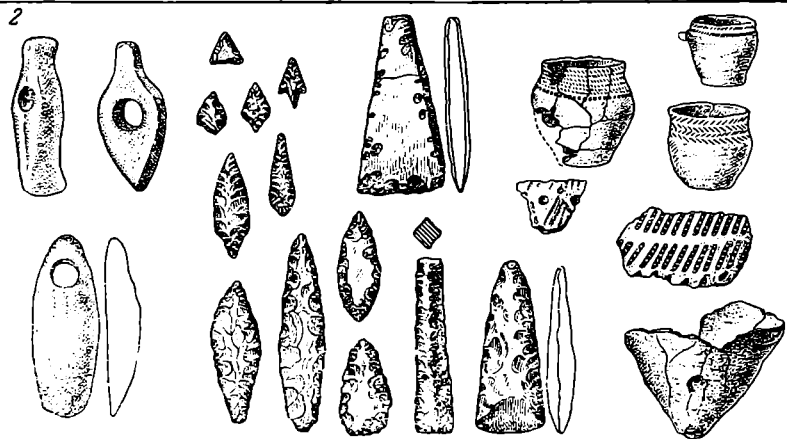
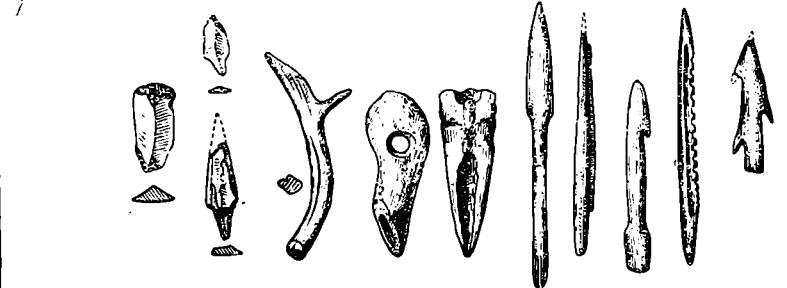
Археологическая эпоха	Основной тип погребений	Руководящий инвентарь
Эпоха бронзы		3
Неолит		2
Мезолит		1

Рис. 1. Археологические памятники юго-восточной Прибалтики.

1 — орудия эпохи мезолита; 2 — типичные погребения и инвентарь эпохи неолита; 3 — типичные погребения и инвентарь эпохи бронзы.

в которых оказались изделия из кости и керамика. На поселении обнаружены кости животных и рыб.

Неолитические памятники известны на Куронской косе. На этой полосе земли, имеющей в ширину всего 1—1,5 км и омываемой Балтийским морем и Куронским заливом, на дюнах, прилегающих к заливу, часто

встречаются черные пятна очагов и среди них керамика, кремневые изделия, кусочки янтаря и поделки из него, кости животных и т. д.

Неолитические погребения отмечены на Куронской косе и у с. Моховое около Зеленоградска. Захоронение производилось по обряду труположения, скорченно, на боку. В погребениях встречаются каменные топоры, мелкие кремневые орудия, костяные иглы и керамика.

Случайные находки, относящиеся к эпохе неолита, происходят из различных мест Калининградской области и представлены главным образом изделиями из кремня. Керамика представлена круглодонными и остродонными сосудами с ямочно-гребенчатым орнаментом. Таким образом, она аналогична керамике лесной полосы европейской части СССР. Встречается и керамика со шнуровым орнаментом. Из других находок, относящихся к эпохе неолита, следует упомянуть поделки из янтаря. Это антропоморфные и зооморфные подвески и миниатюрные изображения орудий. Встречаются украшения и амулеты в виде пробуровленных камней и зубов животных (рис. 1—2).

4. Эпоха бронзы. Территорией с многочисленными памятниками эпохи бронзы является Приморский район (б. Земландский полуостров) — центр добычи янтаря.

Погребальные памятники эпохи бронзы представлены курганами. Они исследованы в большом количестве в Вершкове, Приморье, Сальском, Синявине, Кремневе и др. Курганы сложены из камней, в основании их встречаются концентрические каменные круги. Внутри кургана камеры из камня.

В наиболее древних памятниках погребение совершается по обряду труположения; в эпоху поздней бронзы, которая здесь доходит до 500 г. до н. э., распространяется трупосожжение.

Известен ряд кладов оружия и украшений.

Инвентарь, относящийся к эпохе бронзы, во многом близок неолитическому. Это наблюдается в керамике: круглодонные неорнаментированные сосуды эпохи ранней бронзы сходны с неолитическими сосудами, украшенными шнуровым орнаментом.

В эпоху поздней бронзы появляются широкогорлые, вытянутые сосуды с двух- или трехчастной ручкой и изредка лицевые урны; одновременно появляются кельты, двусторонние мечи, топоры с полукруглым лезвием, наконечники копий, а также украшения в виде несомкнутых гривен, браслетов, булавок и т. д. (рис. 1—3).

Торговля янтарем придает специфический характер местным памятникам эпохи бронзы. Здесь можно встретить много импортных изделий, свидетельствующих о связях с отдаленными территориями уже в эпоху ранней бронзы, например с Кавказом. Таковы спиральные пряжки, ажурные подвески, булавки с трапециевидной головкой и другие украшения.

5. Эпоха железа. Курганы, впервые появившиеся в эпоху бронзы, широко распространены и в эпоху раннего железа. На грани нашей эры курганы исчезают, уступая место грунтовым могильникам, которые являются единственной формой погребальных памятников в течение всего первого и начала второго тысячелетия нашей эры. Преемственность грунтовых могильников от курганов выражается в том, что в первых долго сохраняются свойственные курганам каменные ящики и кладки.

Нет возможности даже вкратце перечислить раскопанные грунтовые могильники первой половины I тысячелетия н. э. Следует указать, что памятники этой эпохи (так называемого «римского времени») исследовались больше остальных. Из-за обилия погребальных памятников Приморский район Калининградской области называли «сплошным могильником». Грунтовых могильников первой половины I тысячелетия н. э. довольно много и в других районах Калининградской области; в них большое число захо-

ронений. Так, в могильнике близ Чехова 400 погребений, близ с. Долькайм 250, близ с. Рудау 160, близ Грейбау 344 и т. д.

В грунтовых могильниках наряду с трупоположением отмечено и трупосожжение. В III—IV вв. обряд трупосожжения начинает вытеснять трупоположение. Тогда же появляются захоронения с конем.

В могильниках первых веков нашей эры появляется новый разнообразный инвентарь (рис. 2—7). На некоторых изделиях можно вновь отметить черты, характерные для изделий предшествующей эпохи, например округлые сосуды, относящиеся к I—II вв. н. э., являются как бы дальнейшим развитием биконических (ребристых) сосудов, свойственных эпохе бронзы. Для керамики III—IV вв. характерны крупные сосуды типа ведер, встречающиеся вместе с маленькими урнами с ручками или без них.

В погребениях много орудий (ножи с изогнутыми лезвиями, серпы, ножницы, кресала) и оружия (наконечники копий, щиты, режущие мечи); встречаются предметы конского убора.

Украшения очень разнообразны. В I—II вв. н. э. для грунтовых могильников показательны профилированные глазчатые фибулы; в III—IV вв. появляется серия арбалетовидных фибул; гривны, которые в I—II вв. н. э. имели трубчатые окончания, в III—IV вв. имеют на несомкнутых концах петлю и крючок, а самые концы их обернуты проволокой. Браслеты I—II вв. н. э., по форме походившие на гривны, в III—IV вв. н. э. становятся пластинчатыми, с полукруглыми несомкнутыми концами. Часто встречаются спиральные браслеты. Для могильников Калининградской области первой половины I тысячелетия н. э. характерны круглые и прямоугольные поясные пряжки, подвески, спиральные трубочки. Украшения изготовлены преимущественно из бронзы. Для III—IV вв. преобладают украшения, покрытые эмалью. С первых веков нашей эры появляется много бус — стеклянных, пастовых, бронзовых и янтарных.

Время до IV в. включительно отмечено находками римских, преимущественно бронзовых, монет.

Начиная с первых веков нашей эры в Приморский район попадают изделия из северного Причерноморья (арбалетовидные фибулы, прямоугольные и полукруглые пряжки, булавки, перстни и т. д.). Изделия, прототипы которых находят в северном Причерноморье и Поднепровье, встречаются здесь и в более позднее время; их появление также связано с торговлей янтарем.

Многие из могильников I—II вв. н. э. на территории Калининградской области служат, как свидетельствуют монетные находки и инвентарь, местом захоронения вплоть до IV в. н. э. Другие же, возникшие в III—IV вв. н. э., продолжают служить местом захоронения и в первые века второй половины I тысячелетия н. э.

Характер памятников V—VI вв. в Калининградской области не вполне ясен. Тогда как на мазурских землях (Польша) погребальные памятники V—VII вв. принимают новый облик — трупосожжения в урнах с отверстиями — и в их инвентаре появляются хорошо известные по древностям юга СССР пальчатые фибулы, на территории Калининградской области обряд погребения, повидимому, остается неизменным. Памятники этого времени, датирующиеся поздними типами арбалетовидных перекладчатых фибул, продолжают старую традицию могильников первых веков нашей эры.

Особую группу составляют могильники конца I тысячелетия н. э. Сходство их с предшествующими лучше всего выражено в трехъярусном грунтовом могильнике около Советска. Нижние захоронения его, совершенные по обряду трупоположения, находятся на глубине 1,20 м; первый слой сожжений залегает на глубине 90 см, второй — на глубине от 60 до 30 см. Инвентарь погребений всех трех ярусов свидетельствует о том, что перед нами три последовательные стадии этнически однородной культуры.

Нижний ярус погребений, датируемый пережиточными формами арбалетовидных фибул, относится к VIII в., в то время как дата поздних сожженных доходит до XI в.

Могильные памятники начала II тысячелетия н. э. исследовались также в большом числе. По своему устройству они представляют кострища на каменном помосте. Никаких внешних признаков такой могильник обычно не имеет. В могильниках часто встречаются захоронения коней.

В инвентаре этой группы памятников обращает на себя внимание керамика, относящаяся к концу I и началу II тысячелетия н. э. Она представлена типично славянскими формами. Это горшки, сделанные на гончарном круге, с линейно-волнистым и штамповым орнаментом, столь характерным для западнославянской керамики. Остальной инвентарь также близок славянскому: разные подковообразные фибулы, витые гривны, мечи, наконечники копий, предметы конского убора, весы и гири к ним и пр. (рис. 2—2).

В XIII в. юго-восточная Прибалтика была завоевана тевтонским орденом; началась насильственная христианизация населения. Однако и после завоевания язычество продолжало еще долго жить. Захоронения по языческому обряду бытовали вплоть до XIII—XIV вв., а пережитки язычества — до XVII в. включительно.

Калининградская область была, таким образом, заселена с эпохи мезолита, а может быть, даже с палеолита.

Преемственность между памятниками эпох неолита и бронзы сказывается в сходстве керамики и орудий. Курганные могильники эпохи бронзы переходят в памятники раннего железа. С переходом к грунтовым могильникам одни и те же памятники служат местом погребения в течение столетий; это особенно хорошо наблюдается на примере большого количества могильников Приморского района, который является центральным местом добычи янтаря. Это обстоятельство и способствовало концентрации здесь населения. Удаленные от побережья районы населены менее плотно, но, несмотря на отдельные местные различия их памятники свидетельствуют об одной и той же культуре, родственной культуре населения побережья.

При изучении древней истории Прибалтики нельзя упускать из вида, что население ее соседило со славянами, западными и восточными.

Этими положениями и следует руководствоваться, намечая основные проблемы, связанные с археологическим изучением этой территории.

Калининградская область является западной границей распространения культуры так называемой ямочно-гребенчатой керамики лесной полосы европейской части СССР. Территория, на которой распространена ямочно-гребенчатая керамика, более всего насыщена янтарем. Это обстоятельство выдвигает проблему древнейших связей областей, занятых культурой ямочно-гребенчатой керамики, с берегом Балтийского моря, где добывался янтарь.

Дальнейшее исследование эпохи неолита позволит изучить и другую культуру, одним из признаков которой является сосуществующая с ямочно-гребенчатой шнуровая керамика, синхронная фатьяновской.

Изучая эпоху бронзы, следует иметь в виду, что в это время появляется земледелие. Общий облик культуры эпохи бронзы на территории Калининградской области сходен с лужицкой, памятники эпохи бронзы сходны также с синхронными им памятниками Поморья на юге Балтики. В Поморье, так же как и в Калининградской области, основным погребальным сооружением служат курганы с каменным основанием и обкладкой. Обряд погребения — трупосожжение в урнах. Сходство с курганами юго-восточной Прибалтики отмечается и в инвентаре. К этому типу памятников прилегают синхронные курганы Курмайчай в Литве (восточная Прибалтика), открытые и опубликованные П. Куликаускасом.

Описанные сооружения эпохи бронзы, повидимому, могут сопоставляться с могильниками Белорусской ССР. Памятники эпохи бронзы в Белоруссии исследованы мало. Однако еще А. А. Спицын обратил внимание на могильник в с. Начал Лидского уезда Гродненской губернии с погребениями в виде каменных ящиков, с сосудами, поставленными в широкую отлогую яму. Спицын предполагал, что время древнейших погребальных сооружений этого рода уходит в медный или бронзовый век. Традиция употребления каменных могил в Полесье жила чрезвычайно долго: по Неману захоронения в каменных могилах совершались до XIII—XIV вв.¹

В эпоху бронзы внутри области распространения единой культуры резко намечаются местные особенности отдельных групп памятников.

Ввиду сказанного при изучении памятников эпохи бронзы на территории Калининградской области чрезвычайно важно выделить специфические черты местной культуры, сравнивая ее с синхронными культурами соседних территорий, выяснить, каковы взаимоотношения носителей этой культуры с восточными и западными соседями и в чем отличие местной культуры от классических лужицких памятников. Таковы основные задачи, связанные с изучением памятников эпохи бронзы.

Центральной задачей при изучении древнейших эпох истории юго-восточной и восточной Прибалтики является проблема происхождения славян и прибалтийских племен.

Изучение истории I тысячелетия н. э. в юго-восточной Прибалтике должно быть подчинено основной задаче — уяснению взаимоотношений славянских и балтийских племен. С этим вопросом связано выяснение причин, обусловивших определенное сходство исторических памятников пруссов и славян. Особенно бросаются в глаза славянские черты керамики пруссов и то, что балтийские племена в конце I и начале II тысячелетия н. э. не знают иной керамики, кроме славянской.

Археологические данные подкрепляются лингвистическими. Еще в прошлом веке языковедами было установлено значительное сходство в грамматическом строе славянских и балтийских языков. Только в балтийских языках сохранились те слова и обороты, которые в славянских языках уже давно исчезли.

Разрешение проблем этногенеза и многих других, более частных проблем на материале археологических памятников Калининградской области поможет окончательно разрушить пангерманистские теории, миф о «культуртрегерской» роли готов и норманов в Прибалтике. Археологический материал убедительно показывает, что балтийские племена с развитой самобытной культурой с успехом противостояли германским пришельцам.

Конец I тысячелетия н. э. в Прибалтике считался по немецкой периодизации норманским. Вся юго-восточная Прибалтика, как писали немецкие и шведские буржуазные археологи, была усеяна факториями викингов. Однако это не подтверждается. Единственный памятник в Калининградской области, который можно считать норманским, это курганный могильник с трупосожжением Вискаутен у с. Моховое около Зеленоградска. Он резко отличается от обычных грунтовых могильников, и в инвентаре его довольно много скандинавских вещей. Но этот памятник единственный в своем роде. Ряд вещей, найденных в юго-восточной Прибалтике, которые было принято считать норманскими, на самом деле местного производства.

Роль готов и норманов преувеличивалась, в частности, потому, что не исследовались поселения древней юго-восточной Прибалтики, а все схемы и периодизация строились на изучении могильного инвентаря. Игнорирование материалов городищ юго-восточной Прибалтики нельзя считать про-

¹ А. Спицын. Могильники с каменными цистами в Виленской губернии. ИАК, 12, стр. 26 сл.

стой случайностью; оно закономерно в свете тех задач, которые ставила перед собой прусская археология. При раскопках поселений могли бы с предельной ясностью выявиться все специфические особенности культуры и быта местных племен, изучение которых не входило в задачу немецкой буржуазной археологии; ее тенденциозность отразилась и в направлении работ по археологии восточной Прибалтики. Археологи стран восточной Прибалтики уже могут продемонстрировать интересный материал поселений, добытый за последние годы.

Исследование городища Старой Ладogi разрушило теорию о роли норманов в Приладожье. Исследование поселений Калининградской области явится одним из конкретных путей разоблачения норманистских построений.

Почти все сказанное относится и к исследованию Клайпедской области, древняя культура которой, под именем Мемельской, в значительной мере трактовалась с целью обоснования отторжения этой территории от родной ей Литвы.

Прибалтийские археологи, составляющие новый отряд советских ученых, стоят сейчас перед перспективой революционной перестройки своей науки на основе марксистско-ленинской методологии.

Коллектив ИИМК, выступивший инициатором в деле помощи методологической перестройки, не останется в стороне от этого насущного для всей советской археологии дела. Нет сомнений, что общими усилиями будет создана новая марксистско-ленинская и, следовательно, единственно правильная наука о прошлом Прибалтики, которая разрешит важнейшие проблемы древнейшей ее истории и окончательно разоблачит фальсификации немецкой националистической науки.

Х. А. МООРА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИБАЛТИКИ

Советская Прибалтика — одна из довольно хорошо изученных в археологическом отношении территорий нашей великой страны. Археологические памятники Эстонской и Латвийской ССР и Калининградской области исследованы лучше, чем памятники Литовской ССР, вследствие тех исключительно тяжелых условий, в которые был поставлен после восстания 1863 г. литовский народ.

В Эстонской и Латвийской ССР проведен учет, обмеры и описание всех известных археологических памятников; размещение памятников отмечено с возможной точностью на карте. В результате получился сравнительно полный обзор основных типов памятников и их географического распространения. Для Литвы, кроме устаревших археологических карт известного вильнюсского любителя древностей Ф. В. Покровского, была составлена археологическая карта П. Ф. Тарасенко¹. Однако она недостаточно подробна и не дает возможности проследить географические условия, в которых находятся памятники.

Начиная с 70—80-х годов прошлого столетия в Эстонии и Латвии почти непрерывно велись раскопки. За это время накопился значительный археологический материал, позволяющий проследить в нем местные черты. В Литве систематические раскопки производятся лишь с 1930 г.

По археологии Эстонии и Латвии имеется сравнительно большая литература² и библиография (последняя, однако, не доведена до наших дней). По археологии Литвы, кроме предварительной сводки А. А. Спицына³, издан также обзор работ за 1918—1938 гг.⁴

Таким образом, по исследованию древностей Прибалтики сделано немало, но большая часть полевых и теоретических работ относится к досоветскому периоду, когда археология, как и вся историческая наука, находилась на службе интересов господствующей буржуазной верхушки. В археологических работах того периода господствовал ненаучный формально-вещеведческий метод. Поэтому эти работы должны подвергнуться тщательной критике с точки зрения марксистско-ленинской методологии. Должен сказать,

¹ Р. Тарасенка. Lietuvos Archeologijos, Medžiaga. Каунас, 1928.

² Важнейшая литература по археологии Эстонии перечислена в статье: Х. Моора. Археологические исследования в Эстонии за последние 20 лет. КСИИМК, вып. X, стр. 89—94. Библиография по археологии Латвии приведена в «Latviešu vesture», I. Рига, 1938.

³ А. А. Спицын. Литовские древности. Каунас. 1925.

⁴ Senovė IV. Kaunas, 1938.

что это требование в полной мере относится и к моим собственным работам. Наша основная задача в настоящее время — дать на основе марксистско-ленинской методологии новые обобщающие работы по древнейшей истории Прибалтики. Для Латвийской и Эстонской ССР первые попытки в этом направлении уже сделаны.

В ответственной и сложной работе по перестройке нашей науки крайне важна товарищеская поддержка, критика и советы археологов старших братских республик. Археологическая работа местных республиканских исследовательских учреждений Прибалтики до сих пор страдает оторванностью от работ центральных общесоюзных учреждений. Следствием этого является некоторая узость перспектив. Естественно, мы должны работать прежде всего над прибалтийскими проблемами и материалами, но для более плодотворной работы необходимо сотрудничество с археологами общесоюзных и близких нам по тематике соседних республиканских институтов (в частности, необходим просмотр и обсуждение рабочих планов). Сотрудничество без сомнения будет содействовать тому, что из намеченных работ создадутся исследования широкого значения и большой актуальности. Нет надобности подчеркивать важность проведения совместных экспедиций, совещаний, издания материалов и т. д. — все это может и должно быть реализовано на основе общей работы и планирования.

Прежде чем перейти к конкретным вопросам археологического исследования отдельных периодов, необходимо указать, что периодизация древнейшей истории Прибалтики, созданная буржуазными учеными, основывалась на несущественных, формальных признаках. В настоящее время, когда в основу периодизации кладется развитие производительных сил и производственных отношений, эта старая периодизация должна быть заменена новой, созданной на основе марксистско-ленинского понимания истории.

Перехожу к характеристике отдельных периодов. П а л е о л и т на территории прибалтийских республик пока не обнаружен.

М е з о л и т. Древнейшими памятниками, свидетельствующими о пребывании человека в Прибалтике, являются дюнные стоянки, открытые в южных и юго-восточных возвышенных районах Литовской ССР (рис. 3). В их инвентаре встречаются изделия свидерских типов. Указанные стоянки лежат примерно на той же географической широте, что и соответствующие волго-окские. Севернее, на территории Латвийской и Эстонской ССР, свидерские памятники пока не обнаружены. В торфяниках низменных частей названных республик найдено довольно много рыболовных и охотничьих орудий из кости и рога. Часть этих изделий синхронна, повидимому, упомянутым кремневым находкам свидерских типов, большинство же их относится, как нам кажется, к несколько более позднему времени¹.

Из наиболее ранних роговых изделий Латвии следует упомянуть наконечник гарпуна с двусторонними зубцами, найденный вместе с другими роговыми и костяными изделиями при углублении реки Двиэте на юго-востоке Латвийской ССР. Наконечник имел характерную позднепалеолитическую форму, по всей вероятности, он был изготовлен из рога северного оленя. Сохранился лишь снимок с этого наконечника. Так как по данным палеогеографов северный олень в Прибалтике исчез в VIII тысячелетии до н. э., то предметы из рога этого животного не могут быть отнесены к более позднему времени.

В большинстве костяные и роговые изделия, найденные в Прибалтике, имеют, как сказано, несколько более поздний возраст, они относятся к так называемой культуре кунда, которую обыкновенно воспринимают как восточную параллель культуры маглемозе. Культура кунда получила свое название по местонахождению памятника, открытого в 80-х годах прошлого

¹ О мезолите Литвы см. статью Р. Яблонските в настоящем выпуске.

столетия близ города Кунды, на южном побережье Финского залива. Прежде из Кунды были известны почти исключительно костяные рыболовные орудия, найденные в торфянике, на дне бывшего озера. В 1933 г. в Кунде

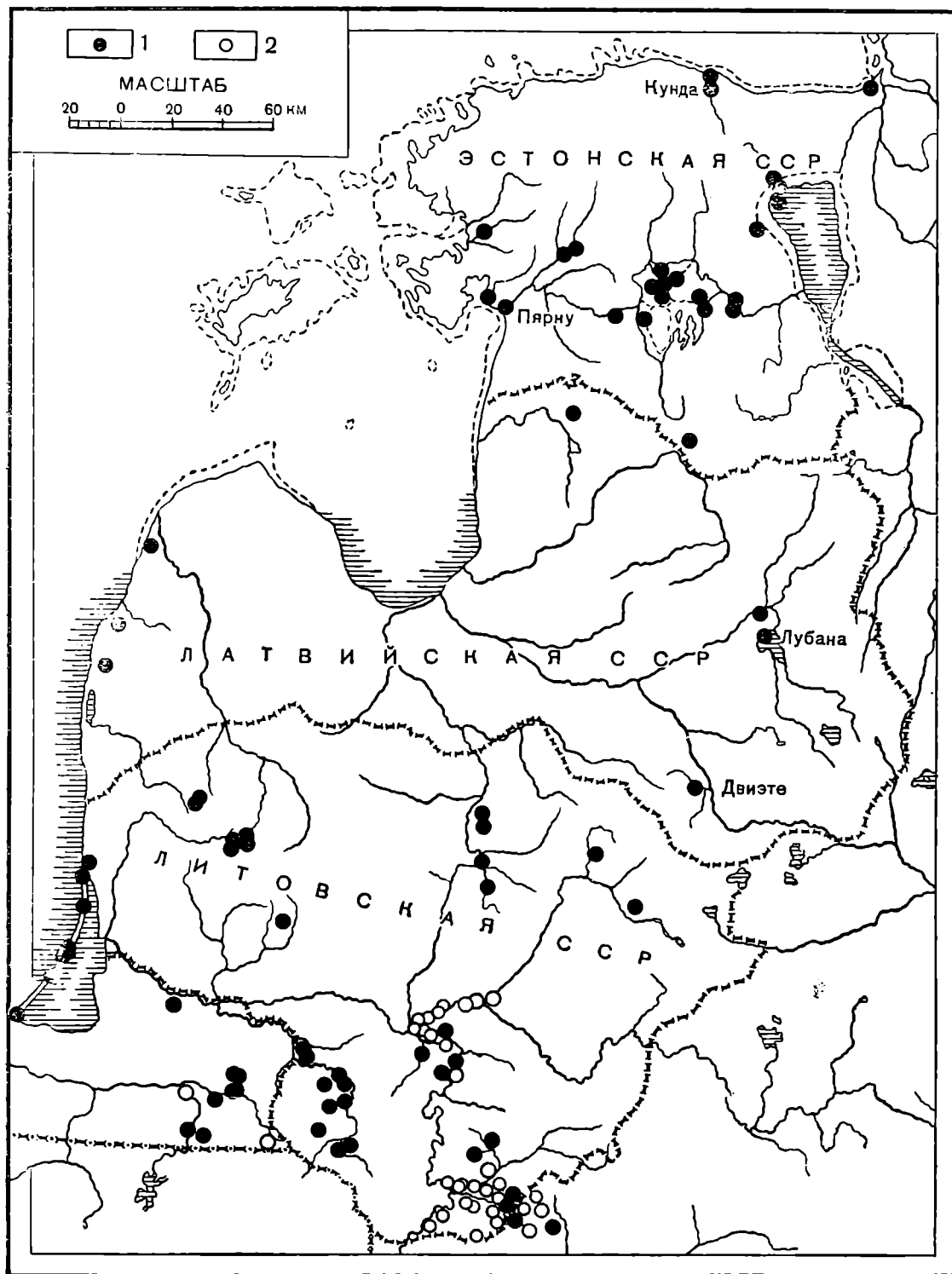

Рис. 3. Схема размещения мезолитических памятников в Прибалтике.
1 — костяные и роговые предметы типа кунда; 2 — кремневые предметы свидерских типов.

была открыта стоянка, расположенная на островке бывшего озера и давшая в результате раскопок 1933—1937 и 1949 гг., кроме поделок из кости, также богатый инвентарь из камня. В результате этих раскопок (отчет о них

опубликован)¹ в настоящее время получено более 2500 находок, среди которых преобладает мелкий инвентарь из камня: скребки, резцы и т. п. Орудия изготовлялись преимущественно из кварца, так как кремнем северная Прибалтика бедна. Раскопки показали также, что в Кунде существовали стоянки не только в эпоху мезолита, но и в эпоху неолита. Мезолитический возраст древнейших находок из Кунды установлен по характеру найденных предметов, а также на основании пыльцевого анализа, показавшего, что соответствующий слой относится к бореальному периоду, т. е. к VII—VI тысячелетию до н. э.

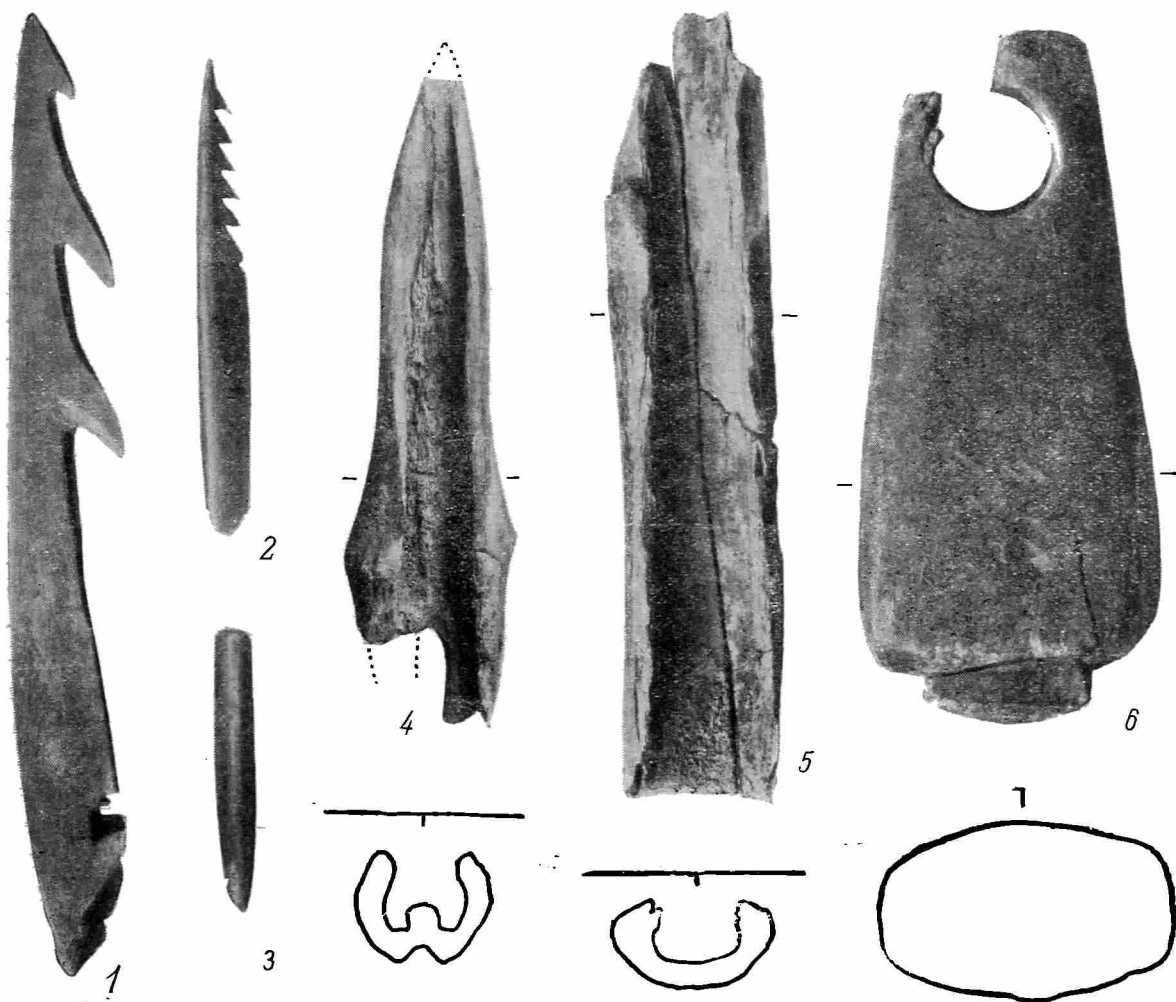

Рис. 4. Предметы из кости и рога, найденные в Кунде.

1, 2 — наконечники гарпунов; 3 — острие; 4 — наконечник копья; 5 — желобчатое долото; 6 — топор со вставным лезвием.

В Сийвертси, на окраине города Нарвы, открыт еще один мезолитический памятник. Раскопок там не производилось, хотя исследование представляло бы большой научный интерес. Найдены костяные орудия, остатки рыболовной сети, грузила и поплавки, напоминающие находки из Антреа на территории Ленинградской области. Пыльцевой анализ показал, что в Сийвертси культурный слой относится к переходному периоду, от бореального к атлантическому климату, т. е. примерно к концу VI — началу V тысячелетия до н. э.²

¹ *Õpetatud Eesti Saltsi Aastaraamat*. 1934, Тарту. 1936, стр. 225 сл. Более детальная трактовка всех мезолитических памятников на территории Эстонии, в том числе и Кунды, дана в работе «Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar», вып. 66, Стокгольм, 1948.

² «Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat», VII, Тарту, 1932, стр. 48 сл.

На территории Латвии заслуживает особого упоминания озеро Лубана, на дне которого после снижения уровня воды, начиная с 1938 г. найдено довольно много костяных и роговых изделий, из которых многие относятся к эпохе мезолита. Можно надеяться, что дальнейшие поиски на побережье озера приведут к открытию места стоянок. Характерно, что как в Кунде, так и в Лубана встречены, кроме мезолитических предметов, также предметы неолитического возраста. Некоторые костяные поделки из Лубана на основании их формы могут быть отнесены даже к ранней бронзе. То же самое необходимо сказать и о наборе костяных предметов, найденных в упомянутой уже нами речке Двиэте на юго-востоке Латвийской ССР¹. Из сказанного выше можно предположить, что названные места были заселены непрерывно от мезолита до эпохи бронзы. Это обстоятельство имеет немаловажный интерес. Укажем на то, что, по принятым теперь датировкам, конец мезолита относят к V тысячелетию до н. э., а начало неолита — появление ямочно-гребенчатой керамики — датируют началом III тысячелетия до н. э. Получаемый, таким образом, разрыв, — очевидно, результат неточности наших хронологических построений. В действительности такого перерыва не могло быть.

Кроме перечисленных комплексов, имеются и случайные находки мезолитического характера. обстоятельное исследование мест этих случайных находок поведет, по всей вероятности, к открытию новых стоянок. Необходимо подчеркнуть, что прибалтийские памятники мезолита имеют не только местный интерес. Поэтому дальнейшее их изучение — задача большой важности.

Эпоха неолита в Прибалтике представлена значительным количеством подъемного материала, состоящего главным образом из сотен каменных топоров и долот разных видов, в меньшем числе других орудий и керамики. Прежде, когда к археологическому материалу подходили с чисто формальной стороны, все каменные орудия относили к каменному веку. Более тщательное исследование показало, что значительную часть найденных в Прибалтике каменных изделий, в первую очередь сверленных топоров, необходимо датировать более поздними эпохами вплоть до раннего железного века. К этому вопросу мы еще вернемся.

Число открытых до сих пор неолитических стоянок невелико. Изучены они мало. По общему характеру, расположению на берегах рек и озер и по обычной для них ямочно-гребенчатой керамике прибалтийские стоянки примыкают к широко распространенной неолитической культуре первобытных охотников, рыболовов и собирателей других северных районов нашей страны, имея, однако, некоторые местные черты. Неолит представлен в Прибалтике по числу памятников и по их инвентарю несравненно более скромно, чем в таких общеизвестных районах распространения неолитической культуры лесной полосы, как Приладожье, Прионежье, Верхнее Поволжье, не говоря уже о долине Оки. Учитывая сравнительно хорошую археологическую обследованность Эстонии и Латвии, немногочисленность неолитических памятников, очевидно, можно объяснить только тем, что местные природные условия не были столь благоприятными для неолитических рыболовов, охотников и собирателей, как в указанных, значительно гуще населенных соседних местностях. Неолит на территории Литвы изучен пока очень слабо, поэтому о литовских памятниках этой эпохи трудно еще составить определенное мнение. Только в некоторых районах, например, на Куршской косе, собран сравнительно большой подъемный материал, относящийся к неолиту.

Из сказанного, разумеется, не следует, что изучение неолита в северных частях Прибалтики можно было бы отнести на второй план. В Эстонской

¹ О находках из Лубана и Двиэте см. журнал «Senatne un Māksla», 1938, I, стр. 71 сл.; 1939, I, стр. 31 сл.

и Латвийской ССР известны некоторые стоянки, давшие интересный инвентарь. Упомянем хотя бы многослойную дюнную стоянку в Пурциемсе, на юго-западном побережье Рижского залива, где в разновременных слоях найдено несколько видов керамики, много янтаря и два своеобразных глиняных идольчика¹. Особого упоминания заслуживает стоянка Ича, к северо-востоку от озера Лубана, давшая, наряду с большим количеством ямочно-гребенчатой керамики, образцы шнуровой и текстильной и представляющая, таким образом, как памятник со смешанным инвентарем выдающийся научный интерес. В Эстонии частично раскопана и продолжает исследоваться торфяниковая стоянка, расположенная в низине Чудского озера, южнее устья реки Эмайыги на берегу речки Акали (у хутора Конса). Эта стоянка дала немало изделий из кости. В разновременных слоях ее обнаружена керамика, начиная с ямочно-гребенчатой и кончая типами, характерными для эпохи железа.

Можно предположить, что при дальнейшем исследовании здесь удастся проследить непрерывность существования поселения рыболовов и охотников в течение весьма продолжительного времени, по крайней мере до эпохи раннего железа.

Изучению неолита Прибалтики буржуазная археология не уделяла должного внимания, и поэтому эта эпоха исследована пока слабо. Несмотря на сравнительную немногочисленность неолитических памятников Прибалтики, изучение их имеет значительный интерес и для исследования соседних областей. Большое значение имеет разрешение вопроса, представляла ли неолитическая культура Прибалтики особую группу или она являлась непосредственным ответвлением культур смежных территорий, например новгородского или белорусского неолита.

С конца неолита наблюдается оживление меновых связей Прибалтики с соседними областями. Примером может служить хотя бы распространение прибалтийского янтаря.

Переход от неолита к эпохе бронзы (т. е. поздний неолит и начало бронзы или период с третьей четверти II тысячелетия до конца того же тысячелетия до н. э.) изучен также сравнительно слабо. Этот период представляет собой важный этап в развитии первобытного хозяйства и общественных отношений. Это — время возникновения скотоводства и земледелия и перехода от материнского рода к отцовскому. Памятники ранних скотоводов представляют собой небольшие грунтовые могильники, давшие в числе находок сверленные боевые топоры, шнуровую керамику и кости домашних животных. Эти могильники аналогичны фатьяновским, хотя по инвентарю они несколько беднее последних. Так, например, могильники Прибалтики не содержат изделий из металла².

Приблизительно к тому же времени относится торфяниковое поселение в районе западного побережья Латвии, в Сарнате, несколько севернее города Лиепая (Либава)³. Оно обнаруживает большое сходство, в частности по инвентарю, с известным Горбуновским поселением, несмотря на то, что расстояние между ними 3000 км. Это обстоятельство, а также необыкновенно хорошая сохранность деревянных предметов придают памятнику в Сарнате большую научную ценность, что вызывает необходимость дальнейшего исследования поселения в более широких масштабах. В Сарнате встречены две деревянные мотыги — первая находка в Латвии земледельческих орудий. Нужно полагать, что находимые, в особенности в западных районах

¹ «Senatne un Maksla», 1937, I, стр. 46 сл. Об идольчиках: «Senatne un Maksla», 1937, IV, стр. 83 сл.

² Могильники этого типа изучены пока лучше всего в Эстонии; см. статью Л. Янитса в настоящем выпуске.

³ Обзор результатов раскопок 1938 и 1939 гг. опубликован в «Senatne un Maksla». 1940, I, стр. 41 сл. В 1949 г. раскопки продолжались.

Литвы и на юго-западе Латвии, каменные сверленные мотыги имеют ту же датировку.

Характерно для этого периода то, что наряду с памятниками, свидетельствующими о возникновении скотоводства и земледелия, продолжают бытовать стоянки охотничье-рыболовческого характера, т. е. в Прибалтике — примерно та же картина, что и в Верхнем Поволжье на том же этапе развития. Типичным поздним поселением рыболовов и охотников является торфяниковая стоянка на берегу озера Тамула в юго-восточной Эстонии, где вскрыто несколько погребений, кратко описанных в упомянутой выше статье Л. Янитса. Несмотря на местные особенности, эта стоянка имеет значительное сходство с известными нам памятниками каргопольской культуры — Кубенино и Веретье.

Приблизительно к середине II тысячелетия до н. э., относится появление в Прибалтике первых привозных бронзовых изделий, которые имеют главным образом южноприбалтийский характер, хотя между ними есть и некоторые предметы восточного происхождения.

О бронзовом веке в собственном смысле этого слова можно говорить у нас только начиная с конца II тысячелетия до н. э., а в северных и восточных частях Прибалтики даже с начала I тысячелетия до н. э. В середине последнего тысячелетия до нашей эры появляются первые предметы из железа.

Позднюю эпоху бронзы и начало железного века до I в. н. э. включительно можно в общем связать, имея в виду степень развития производительных сил, в один период. Бронзовые предметы, преимущественно в виде ценного оружия или украшений, найдены в небольшом количестве только в западных частях Литвы и на юго-западе Латвии, между тем как в остальных районах Прибалтики они встречаются сравнительно редко. Хотя находки показывают, что обработка бронзы к этому времени была усвоена повсеместно, все же можно сказать, что металл не имел в этот период решающего значения в производственной жизни, из него изготавливались лишь предметы роскоши. Основной материальной культуры до последних веков до нашей эры продолжают служить орудия из камня и кости. Последователи формалистического направления в археологии, придававшие предметам роскоши из бронзы то же значение, что и орудиям труда, имея в виду редкие находки предметов из бронзы, предполагали, что Прибалтика из-за отсутствия своего металла была в бронзовом веке покинута населением. В настоящее время мы знаем, что Прибалтика в этот период не только не обезлюдела, но ее население продолжало расти. Как показывает найденный на поселениях костный материал, в этот период преобладало скотоводство. В какой-то степени развилось и земледелие; обмен в результате первого общественного разделения труда стал более или менее регулярным явлением.

Для этого периода характерны уже не маленькие могильники с погребениями в грунтовых ямах, а крупные некрополи, чаще всего курганного характера, с коллективными захоронениями. Курганы, встречающиеся в Эстонии и Латвии обыкновенно группами, представляют собой нагромождения камней. Покойников погребали в особо сложенных каменных ящиках¹. В южных частях Латвии и в западных районах Литвы курганы насыпаны большей частью из песка². В Латвии некоторые курганы этого периода содержали сотни погребений и существовали в течение нескольких столетий, что свидетельствует о наличии значительных патриархально-родовых общин. Для западной Литвы и юго-западной части Латвии характерны

¹ Курганные могильники этого рода в Эстонии описываются ниже, в статье М. Х. Шмидехельм.

² По памятникам этого периода в Латвии см. статью Л. В. Ванкиной в настоящем выпуске.

курганы с коллективными погребениями в глиняных сосудах-урнах¹. В южной части Латвии обнаружены также большие грунтовые могильники².

Наряду с могильниками известны поселения эпохи бронзы и начала эпохи железа, расположенные на участках, удобных для использования под пастбища. В Латвии мы знаем несколько открытых поселений, однако большая часть поселений представляет собой, так же как в Эстонии и в Литве, укрепленные городища. В восточных районах Латвии и Литвы они по своему внешнему облику, а отчасти и по инвентарю примыкают к Дьяковским городищам, но в то же время имеют ряд отличительных черт. Так, для них весьма показательна грубая керамика (рис. 5—3 и 4), часто покрытая по всей поверхности зашипами, редко встречающаяся на Дья-

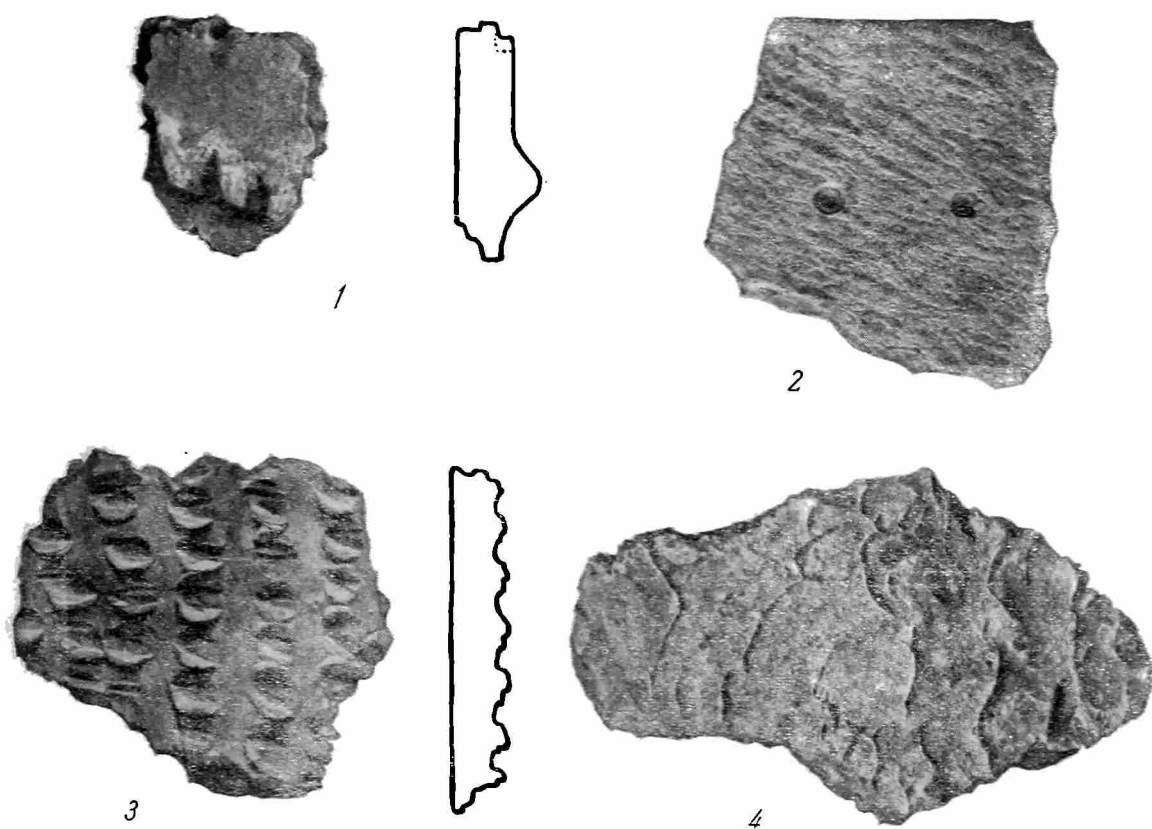

Рис. 5. Образцы керамики ранних городищ Прибалтики.

1 — фрагмент острореберного сосуда с зашипами на утолщении ребра; 2 — обломок сосуда с сетчатым орнаментом (1—2 городище Асва, Эстония); 3 — обломок сосуда украшенного зашипами с городища Говейки (Латвия); 4 — обломок сосуда с шероховатой поверхностью (городище Сарумс, Латвия).

ковских городищах. Восточнолитовские городища, или «пилькальнисы», стали известны в археологической литературе благодаря статье Л. Кржи-вицкого в сборнике, посвященном Д. Н. Анучину³. От этих восточных городищ по характеру укреплений и по керамике несколько отличаются два поселения, из которых одно — Кланги — находится в Латвии близ Риги (описано в статье Л. В. Ванкиной), другое в Эстонии, на острове Сааремаа (Эзель). Эти поселения расположены на невысоких возвышениях и обнесены валом. Материал с поселения на о. Сааремаа (рис. 6—1, 2 и 6) показывает, что оно существовало от середины I тысячелетия до н. э.

¹ Курганы этого типа в Курмайчай описываются в статье П. Куликаускаса.

² См. *Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum*, Rigae, 19—23/VIII 1930. Рига, 1931, стр. 149 сл.

³ Л. Кржи-вицкий. Последние моменты неолитической эпохи в Литве. Сборник в честь семидесятилетия проф. Д. Н. Анучина, М., 1913, стр. 301 сл.

до первых веков нашей эры и что в его хозяйстве видное место занимало скотоводство.

Небезынтересно, что среди находок на упомянутых городищах, как и в инвентаре могильников этого периода, встречаются каменные орудия, в частности сверленные топоры и хорошо отшлифованные долота. Показательно также, что высверлины, образовавшиеся при изготовлении проушных топоров, встречаются чаще среди материалов описываемого периода, чем при исследовании неолитических памятников. Все это говорит за то, что

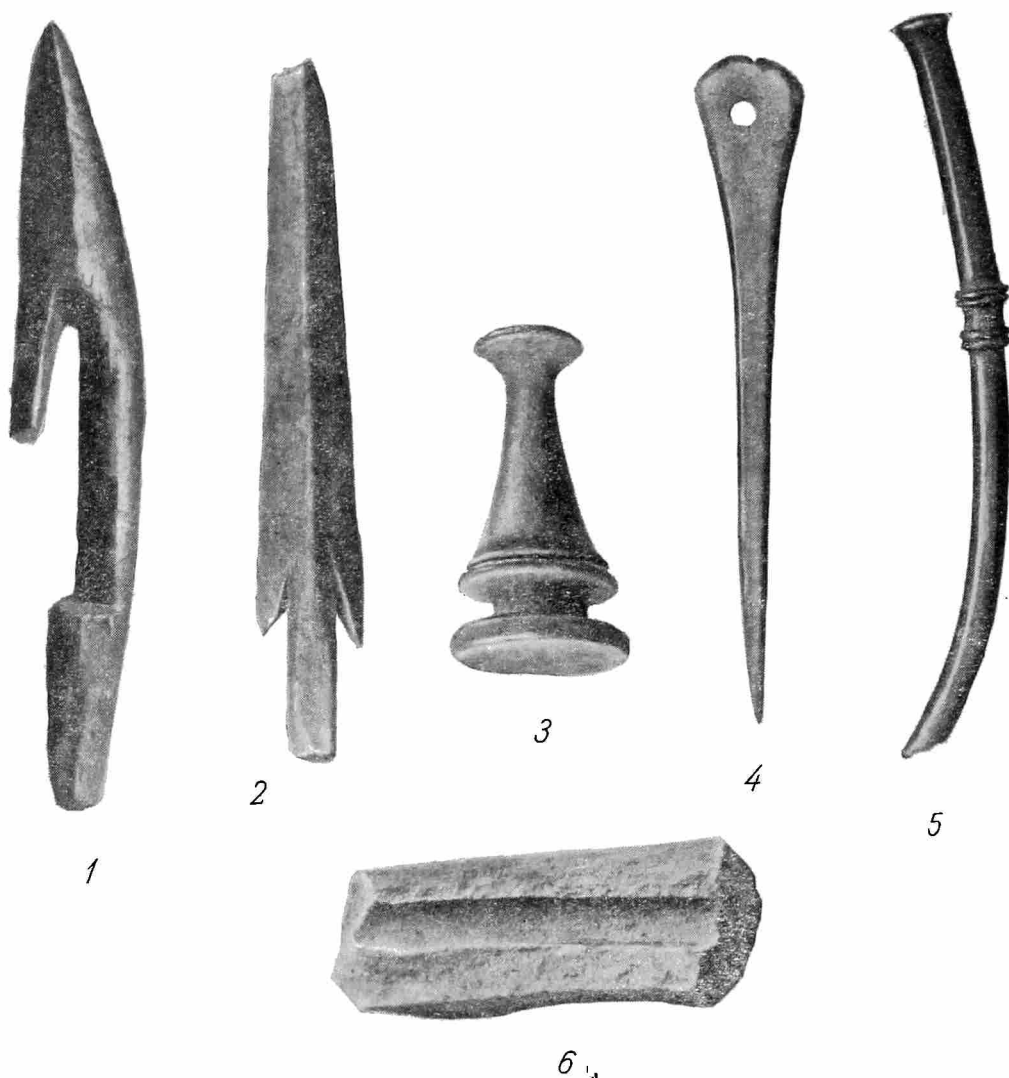

Рис. 6. Находки с городища Асва на о. Сааремаа (Эстония).

1 — наконечник гарпуна, кость; 2 — наконечник стрелы, кость; 3 — пуговица, кость; 4, 5 — булавки из кости, последняя — подражание металлическим булавкам; 6 — обломок глиняной литейной формы.

камень не только продолжал широко применяться для изготовления орудий, но и техника его обработки продолжала развиваться. Однако в каждом отдельном случае трудно определить, какие из найденных в Прибалтике каменных орудий относятся к каменному веку, какие к более поздним эпохам. Перед нами стоит задача — установить критерии, позволяющие отделить чисто неолитические орудия от соответствующих предметов эпохи бронзы и раннего железа.

К сожалению, нужно отметить, что соответственно методу работы того периода, когда археологи обращали внимание в основном на установление форм и типов памятников, указанные выше могильники и городища изу-

чались лишь частично. Поэтому в ближайшие годы нужно будет провести раскопки какого-либо могильника или поселения для всестороннего его изучения.

Разрешение вопросов этногенеза выдвинуто советской археологией в качестве одной из центральных задач изучения истории первобытного общества. Если в Прибалтике для более ранних периодов еще недостает материала, позволяющего делать правильные выводы о явлениях этногенеза, то, начиная примерно с середины последнего тысячелетия до нашей эры, многие археологические памятники дают возможность проследить постепенное формирование тех этнических групп, из которых впоследствии образовались, с одной стороны, балтийские или летто-литовские народности, а с другой — финские, ливы и эсты. Буржуазная археология хотя и уделяла внимание вопросам этногенеза, но исходила из псевдонаучных метафизических теорий о «праязыках»; поэтому все концепции и выводы, к которым в этой области пришла буржуазная историография, необходимо отбросить. Мы должны решать вопросы этногенеза заново, на других основах, на основах сталинского понимания их сущности.

Говоря о необходимости подойти по-новому к разрешению проблем этногенеза, хотелось бы обратить внимание на важность изучения одного частного вопроса. Нет сомнения, что с середины последнего тысячелетия до нашей эры может быть прослежено формирование не только летто-литовцев, но и родственных им восточнославянских племен. Изучение этих процессов в настоящее время исключительно интересно. Для освещения их недостает материала, так как при буржуазных правительствах именно восточные районы наших республик оставались наименее исследованными. Поэтому скорейшее изучение археологических памятников в восточной полосе Прибалтики и в соседних с ней районах Белоруссии и РСФСР весьма важно не только для разрешения проблемы этногенеза восточных славян, но и для освещения процесса формирования балтийских племен.

Следующий период, с I по IV вв. н. э., представлен многочисленными могильными памятниками, давшими весьма богатый материал. Этот период изучен лучше, чем другие этапы древнейшей истории Прибалтики. Железо и бронза получили широкое применение. Находки показывают, что обработка металлов и ткачество достигли заметного технического совершенства. Обмен, сохраняя межплеменной характер, стал хозяйственной необходимостью.

В устройстве могильных памятников разных районов и в их инвентаре сказываются ярко выраженные местные особенности¹, в которых отражается, с одной стороны, окончательное выделение разных племенных групп, с другой — некоторые различия в экономике отдельных районов. Размежевание этнических групп, слабо отраженное памятниками, относящимися к концу эпохи бронзы и к началу эпохи железа, выступает теперь на археологическом материале с исключительной четкостью. Следует отметить необыкновенно ясное выражение в археологическом материале особенностей племенных групп, тем более что родовые отношения, как мы ниже увидим, находились в этот период уже в процессе явного разложения.

Особую группу представляют прежде всего памятники, характерные для юго-западной Латвии и примыкающих к ней прибрежных районов Литвы, а также для районов нижнего течения Немана. Здесь курганные могильники с коллективными захоронениями предшествующего периода сменяются некрополями с одиночными погребениями в грунтовых ямах². В хозяйстве этой группы племен, размещавшихся в низменных прибрежных районах

¹ H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. I и II. «Opetatud Eesti Seltsi Toimetused», XXV, Тарту, 1929; XXIX, 1938.

² Об этом переходе см. в статье П. Куликаускаса в настоящем выпуске.

Прибалтики, наряду с земледелием заметно развивается и скотоводство. На это указывает между прочим появление в мужских погребениях железных кос-горбуш. Находки горбуш — свидетельство расширения заготовок сена, очевидно, с переходом к стойловому содержанию скота. Появление одиночных погребений, между тем как в остальной Прибалтике продолжают бытовать коллективные, связано, как нам кажется, с тем, что здесь семейные общины предыдущего периода уже распались и хозяйственной ячейкой стала обособленная малая семья. У племен юго-западной Латвии и западной части Литвы родовой строй, таким образом, в первых веках нашей эры находится уже в стадии разложения.

Носителями этой культуры на юго-западе Латвии и в северной части приморской полосы Литвы были предки известного нам из более поздних источников племени куршей (или «корси» древнерусских летописей), а в районе устья Немана, вероятно, предки племени скальвов.

В центральных и восточных районах Литвы, а также в южных частях Латвии распространены курганные могильники с коллективными захоронениями. Они состоят обычно из групп в 4—5, а иногда и в 20—30 курганов. В каждом кургане у основания имеется венец из валунов, внутри кургана лежат на различных уровнях погребения иногда до десяти, а в восточной Латвии в некоторых случаях до двух-трех десятков. Здесь мы имеем дело с некрополями семейных общин, в хозяйстве которых ведущую роль играло подсечное земледелие, хотя уже было известно и пашенное земледелие. Эти памятники принадлежали, очевидно, предкам жемайчей (жмуди), аукштайчей, земгаллов, латгаллов и других племен, населявших позже центральные и восточные районы Литвы и Латвии.

Весьма своеобразны по форме могильные памятники этого периода в северной Латвии и в Эстонии. Они принадлежали, несомненно, предкам ливо-эстонских племен. Могильные сооружения, связанные преемственно с каменными курганами с ящиками конца эпохи бронзы, сложены из камней. Они имеют, как правило, прямоугольные очертания и окружены оградкой из больших валунов или известняковых плит. Нередко такие могильные «камеры» с оградами располагались по нескольку в один ряд, в силу чего подобные могильники называются также рядовыми оградами (рис. 7). Каждая ограда содержит несколько, а нередко и довольно много захоронений. От курганов с ящиками эти могильники отличаются тем, что они расположены не группами, а единично или по два-три; распространены они в возвышенных районах с благоприятной для первобытного земледелия почвой. Каменные могильники с оградами — по всей вероятности, коллективные могильные сооружения больших семей. Экономической основой существования семейных коллективов было, очевидно, подсечное земледелие. На основании некоторых данных можно полагать, что начинало распространяться и пашенное земледелие. Могильники с рядовыми оградами на севере Прибалтики, подобно курганам с коллективными захоронениями на юге, представляют известную параллель длинным курганам соседних кривичей и сопкам новгородских славян.

Как видно из сказанного, могильники I — IV вв. н. э. известны по всей Прибалтике сравнительно хорошо, но требуют в дальнейшем дополнительного изучения — прежде всего вскрытия их целиком. Бытовых же памятников мест поселений мы пока совсем не знаем. Следует отметить, что на исследованных городищах культурные слои этого времени незначительны.

В первые века нашей эры вместе с ростом обмена и межплеменного общения наблюдается, в частности, усиление связей Прибалтики с соседними восточными и юго-восточными областями, в особенности с Приднепровьем. Об этом свидетельствует появление в Прибалтике изделий, украшенных эмалью. Нужно уделить поэтому особое внимание археологическому изучению славяно-балтийской пограничной полосы.

Следующий период, с V в. примерно до середины IX в., характеризуется распространением пашенного земледелия и развитием территориальной общины, а также имущественным расслоением населения. Эти процессы в археологических памятниках отражаются прежде всего в исчезновении могильников с коллективными захоронениями и в распространении погребений одиночного характера. В Литве и Латвии курганы с коллективными захоронениями уступают место погребениям в грунтовых ямах. Курганы продолжают встречаться лишь у восточно-литовских племен. В Эстонии исчезают могильники с оградами. Правда, каменные могильники еще сохраняются, но они сооружаются уже не сразу в виде больших ограждений — «камер», а постепенно и без особого порядка. Среди погребений в Прибалтике начинают выделяться отдельные могилы, снаб-

Рис. 7. Нью, близ г. Тарту. Частично раскопанный каменный могильник с оградками из крупных валунов.

женные богатым инвентарем, часто ценными серебряными украшениями. Нередки находки кладов из серебряных и даже отдельных золотых предметов.

В связи с разложением родовых отношений учащаются военные столкновения. Появляется необходимость усиления вооружения, что находит отражение и в археологических памятниках. Мужские погребения снабжены, как правило, несколькими копьями, топорами и крупными боевыми ножами, наиболее богатые — даже мечами. О возросшей потребности в обороне свидетельствует наблюдаемое с середины первого тысячелетия усиление укрепления городищ.

Процессу обособления в это время отдельных семей, повидимому, способствовало распространение пашенного земледелия, которое, очевидно, в этот период стало по всей Прибалтике основной формой обработки земли, хотя прямых археологических доказательств этому пока нет. Памятники этого периода, даже могильные, исследованы еще недостаточно. Мы не имеем ни одного могильника, раскопанного целиком. Еще слабее изучены многочисленные городища, которые в то время достигли нового этапа развития. Учитывая, что именно городища могут дать новые материалы для

освещения бытовых и социальных условий, систематические раскопки их крайне важны.

С ростом производства и с дальнейшим развитием общественного разделения труда взаимное общение племен становится более тесным. В V—середине IX вв. наблюдается заметное усиление связей между эстонскими и восточнославянскими племенами. Нет сомнения, что изучение латышских и литовских памятников даст такие же интересные результаты и прольет свет на культурные взаимоотношения между летто-литовскими и славянскими племенами.

Заслуживает упоминания следующее. С VI в. начинается продвижение латгалльских, т. е. восточнолатышских, элементов в северные районы нынешней Латвии, где до сих пор обитали финские племена. Буржуазная археология изображала этот процесс искаженно: она приписывала продвижению латгаллов характер завоевания северной полосы латышской территории, используя эту ненаучную, лживую концепцию для националистической пропаганды¹. На самом деле, как показывают археологические и языковые данные, а для более позднего времени также и письменные источники, мы имеем здесь дело с длительным, мирным проникновением латышских элементов на территорию финских племен и последовавшую затем постепенную ассимиляцию последних первыми. Детально проследить этот процесс мы пока не можем ввиду отсутствия достаточных данных; имеющиеся же материалы требуют нового, критического пересмотра. Освоение латгаллами севера Латвии, несомненно, имело весьма существенное значение и для последующего времени. Поэтому новое изучение этого явления на основе ленинско-сталинского понимания процессов этногенеза — одна из актуальных задач в исследовании древней истории Прибалтики.

Время примерно с середины IX до конца XII в. можно назвать периодом становления раннего феодализма. Общественно-хозяйственное развитие Прибалтики, неравномерное в южных и северных ее частях, несколько отстает от соответствующих процессов у восточных славян. В то время как у литовцев в XII в. происходит выделение своих раннефеодальных князьков, владения которых в середине XIII в. объединяются Миндовгом в единое Литовское княжество, на севере у эстов в XIII в. прослеживается наличие лишь начала феодальных отношений. Социально-экономическое развитие достигает в этот период у племен Прибалтики той ступени, на которой они начинают складываться в народности.

С середины IX до конца XII в. получают дальнейшее развитие основные отрасли хозяйства. Наиболее важно усиление роли пашенного земледелия и скотоводства. Возрастает значение ремесла, которое начинает отделяться от земледелия. Развиваются торговые связи с отдаленными народами, общение с соседями становится теснее. Особенно усиливаются связи племен Прибалтики с восточными славянами, с их растущими городами. Для древней Руси и ее городов — Новгорода, Смоленска, Полоцка и прочих — Прибалтика была «окном» к Балтийскому морю. С другой стороны, для племен Прибалтики, особенно для все более выделяющейся знати, связь с древнерусскими центрами была важнейшим фактором, содействующим дальнейшему экономическому и социальному подъему. Связи с Киевской Русью оказывали сильнейшее влияние на хозяйственное и общественное развитие всей Прибалтики, в первую очередь ее восточных районов, которые в результате этого общения в течение IX—XII вв. все более

¹ Критическую сводку взглядов археологов буржуазного времени дает Г. И. Мосберг в статье «Проблемы этнического состава населения восточной Прибалтики в освещении современной латышской археологической литературы». КСИИМК, вып. VIII, 1940.

и более срастаются вначале экономически, потом и политически, с соседними русскими княжествами.

Ввиду исключительного значения связей Прибалтики с древней Русью следует признать всестороннее изучение их одной из наиболее важных задач для археологов, лингвистов, историков и представителей других смежных дисциплин. В Тарту и в Риге эта проблема включена в план работ соответствующих институтов. Указанные проблемы должны решаться на основе всех видов источников, в том числе и древнерусских летописей, которые приводят первые данные о политической жизни Прибалтики¹. Главными же источниками по древней истории прибалтийских племен и народов являются археологические памятники.

Материальная культура Прибалтики имеет на всем протяжении своего развития много общих черт, придающих ей, несмотря на существенные местные племенные различия, общеприбалтийскую окраску. Наиболее ярко различаются у отдельных племенных групп могильники и по форме и по обрядам погребения. У куршей в прибрежных районах Литвы и юго-западной Латвии, а также у жемайчей (жмуди) в средней Литве распространены (как это детально показано в статье Р. Куликаускиене) грунтовые могилы, в которых до IX в. преобладало трупоположение, а позже более обычным стало трупосожжение². Для аукштайчей, восточнолитовских племен, характерны курганные могильники с трупосожжением. В пограничной полосе между Литовской ССР и Белорусской ССР, наряду с литовскими, имеются также чисто славянские курганы, свидетельствующие о том, что в этой зоне население, очевидно, было смешанным³. Для южнолатышского племени земгаллов и для восточнолатышских латгаллов типичны грунтовые могильники с трупоположением⁴. У латгаллов, под влиянием славянских соседей, распространяются в XI в. курганы с одиночными захоронениями. Курганные могильники состоят в Латгалии (восточной Латвии) в отдельных случаях из сотен насыпей. Для ливов также характерны погребения в одиночных курганах. У эстов еще сравнительно широко распространены каменные могильники. Особенно типичны они для островов Сааремаа и Муху. Но одновременно с ними все шире распространяются захоронения одиночного характера в грунтовых ямах. На востоке Эстонии встречаются курганы — результат славянского влияния.

Могильники Прибалтики богаты инвентарем, в особенности восточнолатышские или латгалльские. Следует, однако, отметить, что состав могильного инвентаря определялся древними, весьма консервативными традициями, и поэтому он не отражает в должной мере имущественной и общественной дифференциации, характерных для этого периода. Между тем эти процессы и формирование классового общества для середины IX — конца XII вв. — наиболее центральные проблемы, от разрешения

¹ Заслуживают быть отмеченными следующие работы: Я. Зутис. Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв. «Историк-марксист», кн. 3 (79), 1940, стр. 39 сл. Из литературы научно-популярного характера упомянем следующие работы: Н. Казакова и И. Шаскольский. Русь и Прибалтика (IX—XVII вв.). Госполитиздат, 1945; I. Šaskolski. Eesti rahva poliitilise ajaloo algperioodist. «Eesti Bolševik», № 5. Таллин, 1947.

² См. также Ф. Д. Гуревич. Обряды погребения в Литве. КСИИМК, вып. XVIII, 1947.

³ Это очень интересное явление заслуживает детального изучения в целях исследования исторических связей между русским и прибалтийскими народами. Возможно, что существование в древности смешанных литовско-славянских племен способствовало возникновению впоследствии литовско-русской государственности. Погребальные памятники Литвы описаны в статье Р. Куликаускиене.

⁴ Из могильников этого типа пользуется наиболее широкой известностью могильник у г. Лудза (Люция), в большей своей части разрушенный кладоискателями. Он содержал сотни погребений, богатый инвентарь которых хранится во многих музеях. МАР, 28 и 14.

которых зависит правильное понимание исторических явлений рассматриваемого периода. Ценным дополнительным источником служат многочисленные клады арабских, византийских и западноевропейских монет, серебряных предметов и слитков. Находками монетных кладов особенно богата Эстония, между тем как на территории летто-литовских племен сравнительно часто встречаются серебряные слитки¹. Нумизматический материал, к сожалению, еще недостаточно изучен.

Уже по отношению к предыдущему времени приходилось подчеркивать важность изучения городищ. Тем более это относится к описываемому периоду развития антагонистического классового общества. В частности,

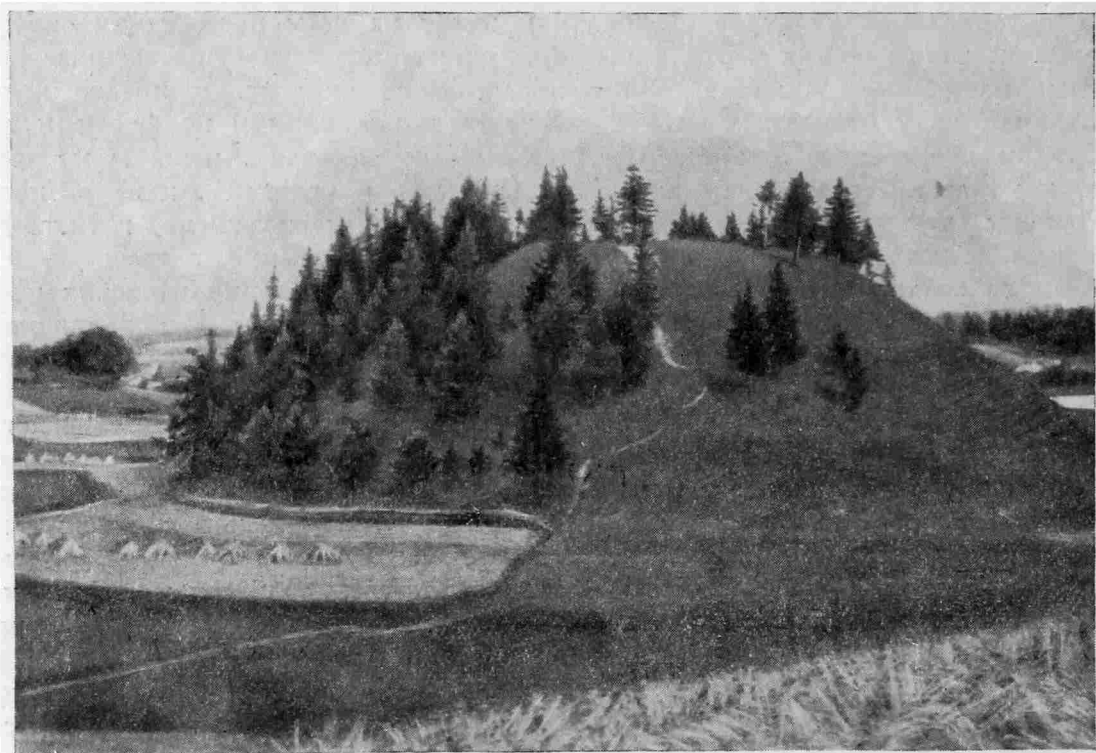

Рис. 8. Городище Отепя

в X—XI вв. возникновение в важнейших центрах племенных или территориальных объединений, мощных укреплений представляется вполне закономерным. Близ укреплений вырастают крупные поселения, в которых постепенно концентрируется ремесленное производство².

Некоторые из укрепленных пунктов имели не только местное значение. Большую историческую роль сыграло, например, городище и поселение Ерсика — «Герцике» хроники Генриха Латышского, на правом берегу среднего течения Даугавы (Двины) — одно из самых крупных городищ Латвии и центр первого образовавшегося на этой территории государства. В начале XIII в. мы застаем здесь зависимого от Полоцка князя Всеволода. Среди построек этого города упоминаются две церкви. Ерсикское княжество возникло под прямым русским влиянием, не в результате завоевания, а мирным путем, в силу местного общественно-хозяйственного развития.

¹ Г. Б. Федоров. Классификация литовских слитков. КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 114 сл.

² Краткие отчеты о результатах раскопок латвийских городищ опубликованы в журнале «Senatne un Māksla» (Рига, 1936—1940). Некоторые результаты изучения древних городищ Эстонии приведены в сборнике «Muistse Eesti linnused» (Тарту, 1939).

В Ерсике мы имеем первый известный нам на территории Латвии центр городского типа. Таким образом, первым городом в Прибалтике, на востоке Латвии, является выросшая в зоне русского воздействия Ерсика. Весьма показательно, что вскоре после основания Риги немецкие феодалы нападают на Ерсик с целью ее уничтожения как соперницы Риги. Ерсика была одним из важнейших узловых пунктов русско-прибалтийских связей. Разумеется, что развернутое археологическое исследование этого пункта имело бы исключительно большой интерес и для истории Прибалтики и для истории древней Руси.

Из других крупных центров отметим Отепя в юго-восточной Эстонии (рис. 8), не раз упоминаемый в древнерусских летописях под именем «Медвежья голова». Отепя был одним из важнейших узлов русско-эстонских связей¹. Я не упомянул исторически известного, больше Отепя, Тарту (Юрьева), потому что в Тарту древние слои сильно нарушены более поздними постройками и археологически его исследовать трудно. На северо-восточном побережье Эстонии лежит крупное городище и древняя гавань Тоолсе, имевшая, очевидно, также важное значение и для областей восточнее Чудского озера. Тоолсе было хорошо известно русским соседям. Этот пункт упоминается в русских летописях (хотя и несколько позже) под названием Белого города. Нет надобности доказывать, что исследование каждого из этих памятников имело бы большой исторический интерес.

Подводя итоги, можно отметить, что древнейшее историческое развитие Прибалтики протекало в общем параллельно развитию соседних областей лесной зоны, например Волго-Окского района. Прибалтика не была каким-либо ведущим центром. К концу первобытно-общинного строя в Прибалтике, за исключением только Литвы, наблюдается даже некоторое отставание по сравнению с соседними русскими областями, где значительно раньше возникли города и образовалась государственность. Тем не менее Прибалтика богата археологическими памятниками, и перед археологами стоят проблемы, исследование которых представляет значительный интерес для истории всей нашей великой Советской страны. Изучение большинства этих памятников является делом, посильным местным работникам и учреждениям. Но некоторые проблемы, прежде всего вопросы культурных взаимоотношений Прибалтики с соседними территориями, а также изучение некоторых особенно крупных памятников требуют объединенной и согласованной работы местных и центральных учреждений.

Нам известны блестящие успехи, которых в годы советской власти, в годы работы под знаменем марксистско-ленинской науки археология достигла в других республиках нашей страны. Археологическое исследование Прибалтики не может отставать от изучения древнейшей истории других территорий, и оно не отстанет. Порукой тому неустанная забота и руководство со стороны партийных органов и правительств всех союзных республик, порукой тому дружественное сотрудничество ученых всех наших республик, перед которыми стоит единая цель — процветание советской науки в интересах дальнейшего укрепления сталинской дружбы народов и дальнейшего роста мощи великой страны социализма.

¹ Археологическое изучение городища Отепя начато Историческим музеем АН СССР в Таллине в 1950 г. и продолжалось в следующие годы.

Р. ЯБЛОНСКИТЕ

МЕЗОЛИТ ЛИТВЫ

Систематические сборы орудий каменного века в Литве были начаты во время археологических и этнографических поездок З. Глогера в 1871—1872 гг.¹ Его коллекции были дополнены сборами М. В. Малахова в Балташишках на Немане². В. Шукевич в результате многолетних исследований (1883—1919) собрал большую коллекцию каменных орудий стоянок в окрестностях Нача³. В начале нашего столетия сборы каменных орудий продолжались в Жемайтии в западной Литве (Т. Довгирдом), в окрестностях Каунаса и в южной Литве⁴.

Собранные материалы были опубликованы в виде более или менее обширных исследований с приложением рисунков, планов, карт и т. п. Тем не менее при систематизации этих собраний приходится сталкиваться с большими затруднениями. Главный недостаток прежних исследований — во-первых, то, что авторы их соединяли в одно целое находки из разных пунктов больших районов, не выделяя отдельных гнезд и часто смешивая материалы стоянок; во-вторых, собирали они только те предметы, которые считали бесспорными изделиями, оставляя все остальное на месте. Вероятно, по этой причине в их коллекциях почти не попадаются резцы, которые обыкновенно были мало ретушированы или совсем не имели ретуши, и очень редки «нетипичные» орудия и нуклеусы.

Названные выше исследователи не пытались систематизировать материалы своих собраний, ограничиваясь в лучшем случае тщательным описанием находок и сопоставлением их с западноевропейскими, и иногда лишь

¹ Z. Gloger. Nad Niemnem i na Podlasiu z czasów użytku krzemienia. «Wiadomości Archeologiczne», I, 1873, стр. 97, 111, 115; он же. Podróż Niemnem i Wisłą. т. III, Варшава, 1888, ч. I, стр. 30—84, ч. II, стр. 248—305; он же. Dolinami rzek. Варшава, 1903.

² М. В. Малахов. Стоянка доисторического человека на берегу Немана. «Изв. Геогр. об-ва», т. XIX.

³ В. А. Шукевич. Об археологических местностях в Лидском и Троцком уездах. «Труды Виленского отделения Моск. предв. комитета по устройству в Вильне IX археол. съезда», Вильно, 1893, I, стр. 96—100; А. А. С[пицын]. Раскопки В. А. Шукевича. ИАК, вып. 29, 1909; W. Szukiewicz. Szkice z archeologii przed-historycznej Litwy, Część I. Epoka kamienna w gub. Wileńskiej. Вильно, 1901; Poszukiwania archeologiczne w powiatach Lidzkim i Trockim (gub. Wileńskiej). «Światowit», т. III, Варшава, 1901, стр. 3—28; он же. Ślady epoki kamiennej w gub. Wileńskiej «Kwartalnik Litewski», I, 1910, стр. 48—62; он же. Poszukiwania archeologiczne w powiecie Lidzkim gubernii Wileńskiej. «Materiały antrop.-archeol. i etnogr.», т. X, 1908, стр. 25—39.

⁴ F. Birkner. Steinzeitliche Funde aus Litauen. Beiträge zur Natur- und Kulturgeschichte Litauens und angrenzender Gebiete. Мюнхен, 1923.

высказывая предположения, в настоящее время не имеющие научного значения.

По окончании первой мировой войны исследование стоянок каменного века в Литве производилось более планомерно, но большая часть собранных материалов не была опубликована. Впервые систематизацией этих коллекций занялись польские археологи В. Антонец¹ и Л. Козловский².

Эти археологи, выбрав из массы мезолитических находок наиболее типичные вещи, распределили их по четырем культурным группам: 1) «костяной культуры», которую впервые выделил среди «литовских древностей» А. А. Спицын³ и которую одни исследователи называют культурой маглемозе⁴, другие — культурой кунда⁵; 2) свидаерской; 3) кампинийской; 4) тарденуазской.

Таким образом, во всех упомянутых трудах находки каменных орудий распределены искусственно по типологическим группам, без выяснения взаимной связи и происхождения отдельных групп изделий и без учета основной массы инвентаря. Так, например, особая кампинийская культура была выделена только на основании находок грубо оббитых топориков и орудий, похожих на клинья; тарденуазская — в связи с наличием поперечных наконечников стрел и т. д. Совершенно не принималось во внимание, что эти руководящие типы составляют лишь незначительную часть инвентаря стоянок.

Новые материалы, собранные главным образом на стоянках по рекам Неману и Вилии, дают более отчетливую картину развития мезолитических культур в Литве. Наша задача — выяснить связь руководящих типов орудий четырех основных мезолитических культур с материалом кратковременных мезолитических стоянок, осветить происхождение этих руководящих типов и взаимоотношения мезолитических культур в Литве. По нашему мнению, так называемые типичные орудия фактически не принадлежали каким-то особым культурам. Одни из них развились на месте из орудий более древних типов, другие появились путем заимствования и, наконец, третьи возникли самостоятельно, заново, будучи вызванными к жизни новыми условиями производства. Попытаемся найти причины, которые способствовали появлению на территории древней Литвы элементов различных культур, выявить комплекс местной культуры и путь ее развития в эпоху мезолита и пояснить, что вызвало обособление литовского мезолита.

Мезолит привлекает внимание потому, что это древнейший, наименее исследованный период каменного века в Литве. Только изучив эпоху мезолита, можно понять тот перелом в жизни общества, который создал последующую раннеолитическую культуру.

Геологические вопросы в связи с топографией литовских стоянок затрагивались многими археологами, поэтому я не буду их касаться в данной статье и ограничусь кратким обзором развития литовской мезолитической культуры.

Комплекс находок мезолитических стоянок. В настоящее время мы еще не имеем возможности установить наличие палеолита в Литве ввиду отсутствия материала. Но, поскольку можно судить

¹ W. Antoniewicz. Archeologija Polski. Варшава, 1928; он же. Czasy przedhistoryczne i wczesnodziejowe ziemi Wilenskiej. Wilno i ziemia Wilenska. I, Вильнюс, 1930, стр. 103—122; он же. Najdawniejsze kultury epoki kamienia. Sprawozdania Polskiej Akad. Umiej., 1932, стр. 9, 30; В. Антонец. Древнейшие остатки человека в северо-восточной Польше и Литве. «Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы», вып. V, 1932, стр. 28—44.

² L. Kozłowski. Młodsza epoka kamienna w Polsce (neolit). Львов, 1924.

³ А. А. Спицын. Литовские древности. «Tauta ir Zodis», т. III, 1925, стр. 114—116.

⁴ L. Kozłowski. Указ. соч., стр. 13.

⁵ В. Антонец. Указ. соч., стр. 43.

по геологическим данным, условия для появления населения на территории Литвы в период позднего палеолита были налицо. На это указывают и отдельные находки на соседних территориях, датированные методом пыльцевого анализа.

Эпипалеолитические стоянки Литвы часто были населены и в более позднее время, в эпоху неолита, что затрудняет их датировку. Но все же имеется достаточно стоянок, относящихся только к одному периоду. Они помогают датировать памятники со смешанным материалом. В настоящее время в Литве можно выявить три типа стоянок, которые следует датировать началом, серединой и концом мезолита. Надо отметить, что эта датировка пока еще не обоснована стратиграфически.

На самых древних стоянках мы имеем следующий комплекс находок. Большинство наконечников дротиков и стрел представляют собой так называемые свидерские острия, т. е. длинные наконечники из пластинок с заостренными концами, иногда с выделенным черешком, обработанными со стороны брюшка солютрейской ретушью. Имеются также наконечники с ретушью только на одном конце и с черенковой частью, оббитой широкими сколами. На более поздних стоянках их число увеличивается. Другими характерными орудиями этих стоянок являются резцы различных палеолитических типов. Скребки большей частью сделаны из длинных толстых пластинок с крупно ретушированным рабочим краем; иногда встречаются двойные. Это скребки мадленского типа, но наряду с ними на самых древних стоянках Литвы попадаются также скребки азильского типа: короткие и широкие или почти округлые. Здесь же встречаются характерные нуклеусы с косо отбитой верхушкой; передняя часть такого нуклеуса обыкновенно оббита продольными сколами для снятия пластинок, а на задней стороне имеются следы скалывания поперечных отщепов. Обычно эти нуклеусы являлись не только ядрищами для отщепления пластинок, но и употреблялись в качестве орудий.

Стоянки подобного типа (например, Эгуляй, Каунасского уезда) по многим основаниям следует датировать начальным мезолитом. Они все находились на высоких берегах Немана и Вилии, а в настоящее время отстоят довольно далеко от берегов этих рек. Их инвентарь (рис. 9) весьма родственен орудиям стоянок раннего (первого) свидерского типа¹, хотя некоторые формы, например скребков, указывают на то, что эта культура древнейших стоянок Литвы может быть отнесена не к палеолиту, как польские стоянки свидерского типа I, а скорее к началу мезолита. Инвентарь литовских стоянок ближе всего стоит к комплексу орудий полесских — эпохи начального мезолита, для которых характерны короткие скребки².

На стоянках следующей группы инвентарь несколько меняется. На памятниках, которые следует отнести к среднему мезолиту (например, Пувочай, Меркинской волости, Алитусского уезда; рис. 10), найдены наконечники стрел свидерского типа, часто очень изящно обработанные. Все большее распространение получают атипичные наконечники стрел, сделанные из пластинок, верхушки которых заострены так же, как у свидерских наконечников. Сохраняются те же типы резцов, но скребки преобладают короткие и округлые. Изредка попадающиеся длинные скребки начинают напоминать такие же орудия более поздних неолитических типов. Нуклеусы еще не теряют цилиндрической формы, с косо наклоненными основаниями, но большинство их становится плоскими спереди, а основания так сильно скошены, что сливаются со спинкой. Такие нуклеусы напоминают некоторые орудия типа топоров, о которых скажем ниже.

¹ L. Sawicki. Przemysł Świdzki I stanowiska widmowego Swidry Wielke I. «Przegląd archeologiczny», т. V, вып. I, Познань, 1933.

² Z. Szmit. Badania osadnictwa epoki kamiennej na Podlasiu. «Wiadomości archeologiczne», X, Варшава, 1929, стр. 36—118.

Общий состав инвентаря не указывает на какие-либо резкие изменения в способах производства. В третьем периоде мезолита этот комплекс дополняется элементами общеевропейского мезолита. Свидерские наконечники

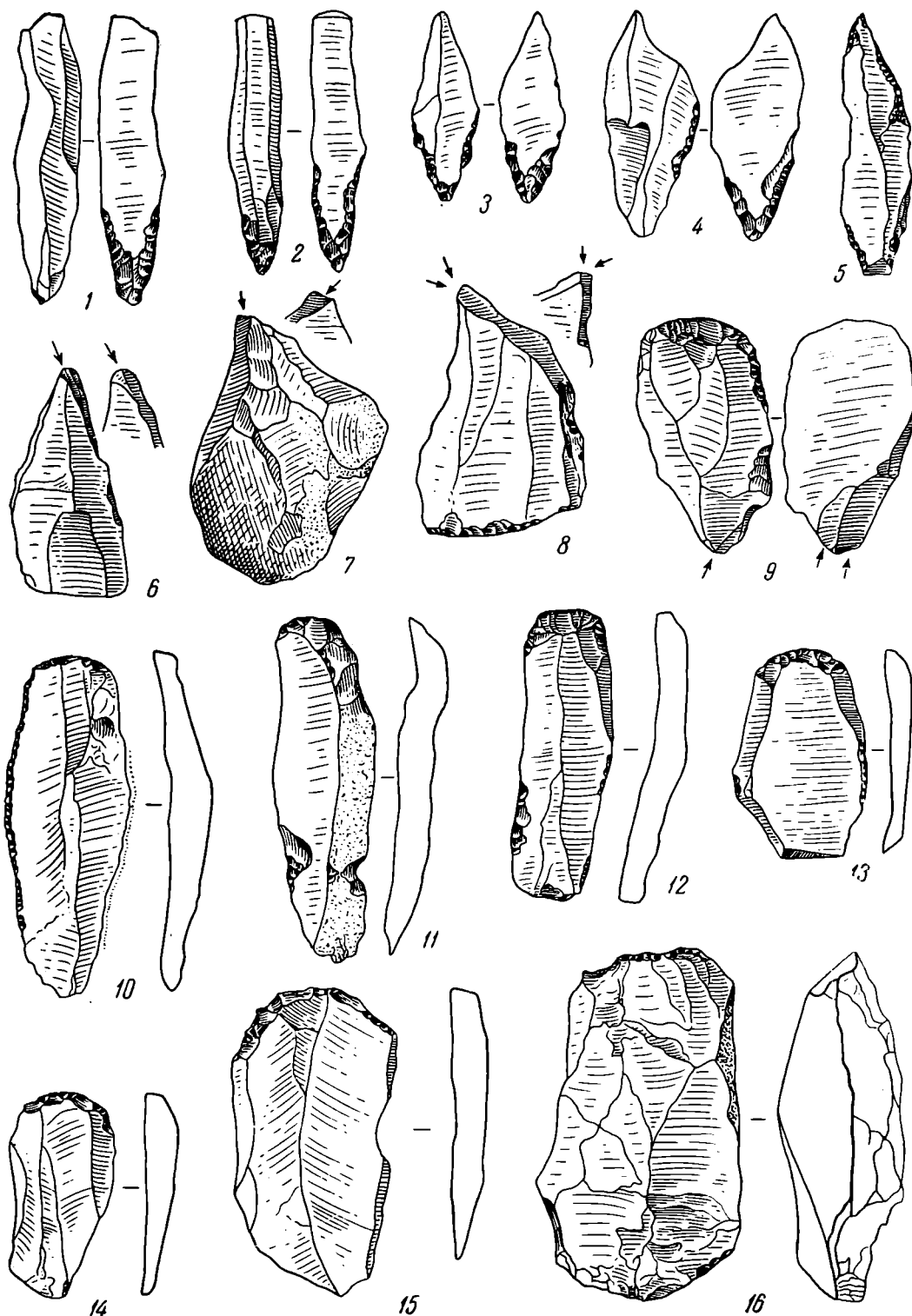

Рис. 9. Эйгуляй, близ Каунаса. Типичные изделия со стоянки раннего мезолита.

постепенно приобретают небольшие размеры; солотрейская ретушь на основаниях становится для них нетипичной. Появляются первые, еще редкие, микролитические орудия — поперечные или короткие наконечники стрел. Таковы, например: поперечный наконечник стрелы из стоянки в Драсяйкяй,

Лапайской волости, Каунасского уезда (рис. 11), толстый, с плотной голубой патиной, характерной и для других мезолитических каменных орудий

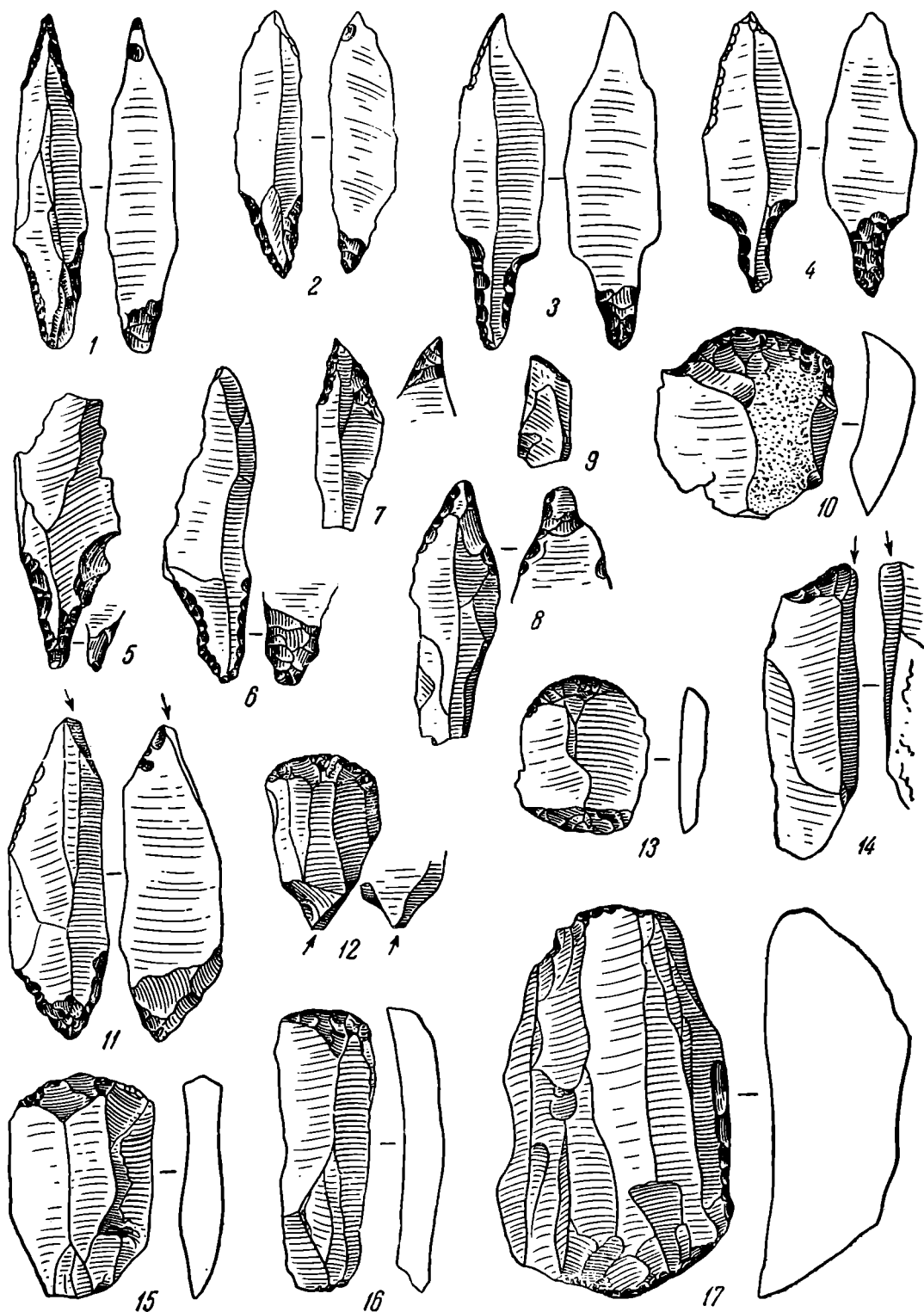

Рис. 10. Пувочай, Меркинской волости, Алитусского уезда.
Типичные изделия со стоянки среднего мезолита.

этой стоянки, и короткий наконечник, найденный на стоянке в г. Вильнюсе, на улице Грибу, вместе с другими мезолитическими изделиями.

Наряду с мезолитическим инвентарем на указанных стоянках изредка встречаются довольно большие, широкие, короткие с ретушированными

черешками и выемкой на вершукке орудия типа наконечников. Характерно, что они обыкновенно обработаны только с одной стороны. Вероятнее всего это были не наконечники стрел, а ножи или проколки, на что указывает

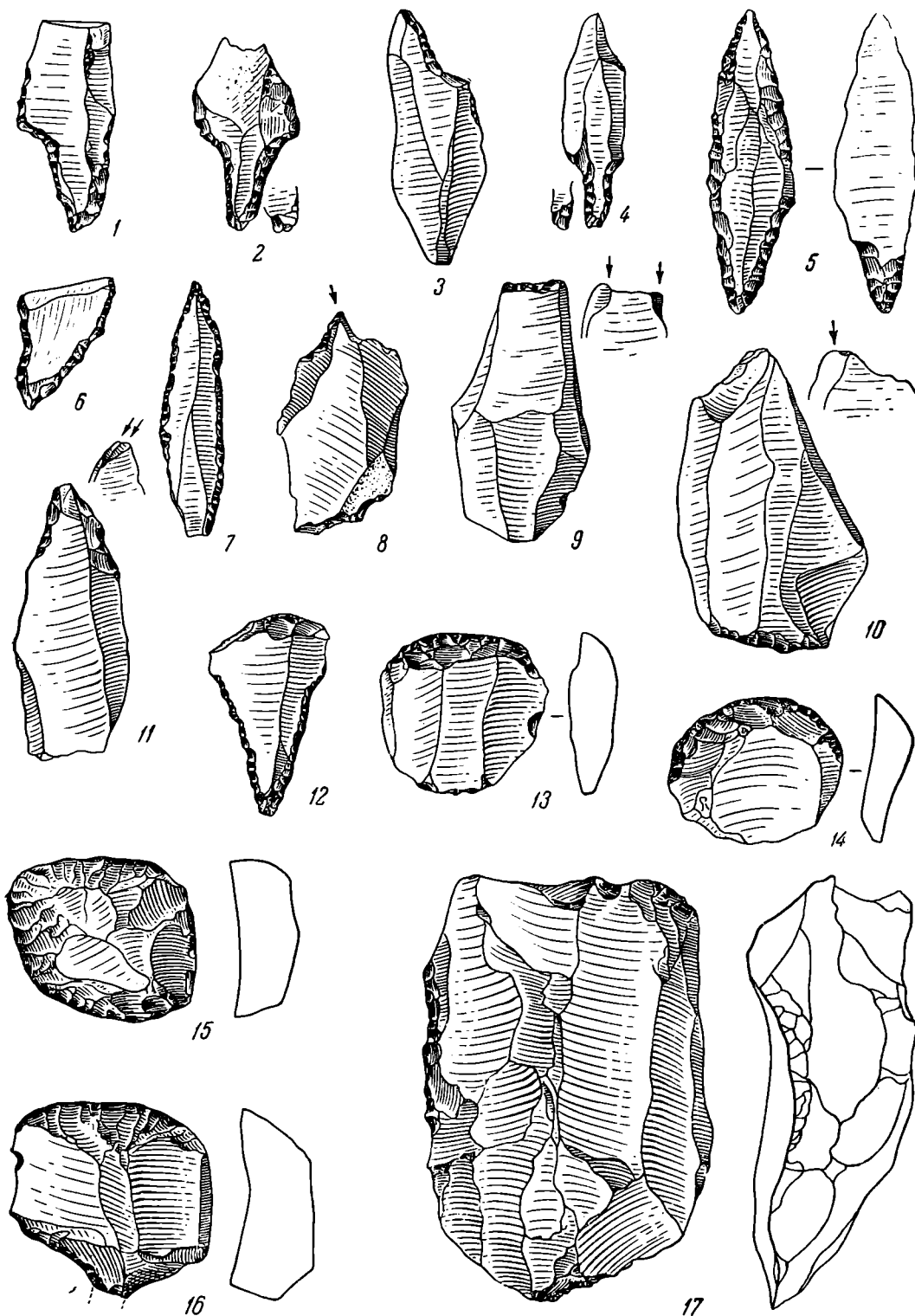

Рис. 11. Драсяйкяй, Лапайской волости, Каунасского уезда.
Типичные изделия со стоянки конца мезолита.

не только асимметричность орудий, но и ретушь, которая скорее притупляет, чем заостряет вершукку.

Из других орудий, характерных для стоянок этого периода, следует отметить резцы. Палеолитические формы типа срединных резцов еще

продолжают существовать, но преобладают угловые резцы, причем часто на конце их имеются по два резцовых скола, так что орудия приобретают форму четырехугольника. Скребки почти все короткие, очень многие округлые, плоских форм еще нет. Нуклеусы небольшие, неправильной формы. На некоторых стоянках начинают появляться новые типы крупных каменных орудий, например клиновидные (рис. 13—4, 5) и топовидные (рис. 13—2, 3, 6).

Подобные комплексы изделий встречаются также в Полесье¹, где они найдены на стоянках дюнных морен. В Литве такие стоянки расположены на высоких берегах рек.

Не подлежит сомнению, что все три типа стоянок связаны со свидерской культурой, проникшей в Литву с юга. Однако материал стоянок показывает, что эта культура сохранилась здесь в виде нетронутого комплекса, но в нее вошли некоторые элементы, которых нет в типичной свидерской культуре, а именно: круглые скребки, широкие наконечники, микролиты и крупные орудия. Короткие скребки, уже существовавшие в свидерской культуре при ее появлении в Литве, были несомненно заимствованы свидерцами от азильской, распространенной в Польше и на Украине.

Широкие наконечники встречаются на мадленских стоянках, известных в Западной Европе, Польше и в южных районах СССР. Но, судя по времени появления их в Литве, можно предположить, что они попали сюда не с юга, где подобные типы не встречаются в мезолите, а из стран, где они характерны для этой эпохи. Поэтому скорее всего их можно сопоставить с материалами аренсбургской культуры² или даже лингби³, тем более что костяные изделия, относящиеся к этой последней культуре, найдены в Калининградской области.

Установив наличие отдельных комплексов находок мезолитических стоянок Литвы, необходимо решить вопрос, каково соотношение между этими комплексами и культурами костяной, тарденуазской и кампинийской, упоминающимися в литературе по каменному веку Литвы.

Костяная культура. Костяные изделия попадаются в Литве не реже, чем в соседних странах, но датированные находки известны в настоящее время только на смежной территории Калининградской области. Самые древние из этих находок относятся ко времени около 16 тысячелетий до н. э.⁴ Таким образом, люди сразу появились после того, как исчезли ледники и появилась растительность, а также дичь, привлекавшая первых охотников. Это, по всей вероятности, были небольшие группы людей, забредшие в новую, еще пустынную местность. Не подлежит сомнению, что одновременно могло начаться заселение Литвы.

Дать более или менее определенную датировку костяных изделий Литвы, хотя бы путем сопоставления их с орудиями, свойственными какой-либо одновременной культуре, пока не удалось: находки были сделаны случайно, не археологами и по большей части поступали в музей без сопровождающего материала. О том, что были и другие находки, можно судить только по рассказам местных жителей.

Из местонахождений с костяными орудиями известна стоянка на речке Кирсне Калварийской волости, где найден костяной гарпун с бородками с одной стороны (рис. 12) и гарпун с боковыми кремневыми вкладышами. По сообщениям местных жителей, там же найдены рога оленей и зубров с нарезками и кремневые отщепы, которые затерялись. Кроме того, здесь же встречено много костей животных и обнаружен длинноголовый (гипердолихоцефалический) человеческий череп. На другой стоянке при деревне Бал-

¹ Z. Szmit. Указ. соч.

² G. Schwantes. Vorgeschichte Schleswig-Holsteins, стр. 76—81.

³ Там же, стр. 82—87.

⁴ По датировке Г. Гросса, очень сильно преувеличенной.—Ред.

супяй, Марьямпольского уезда, при разработке торфа найдены два гарпуна с бородками и, по рассказам жителей, орнаментированный костяной кинжал, кости людей и животных.

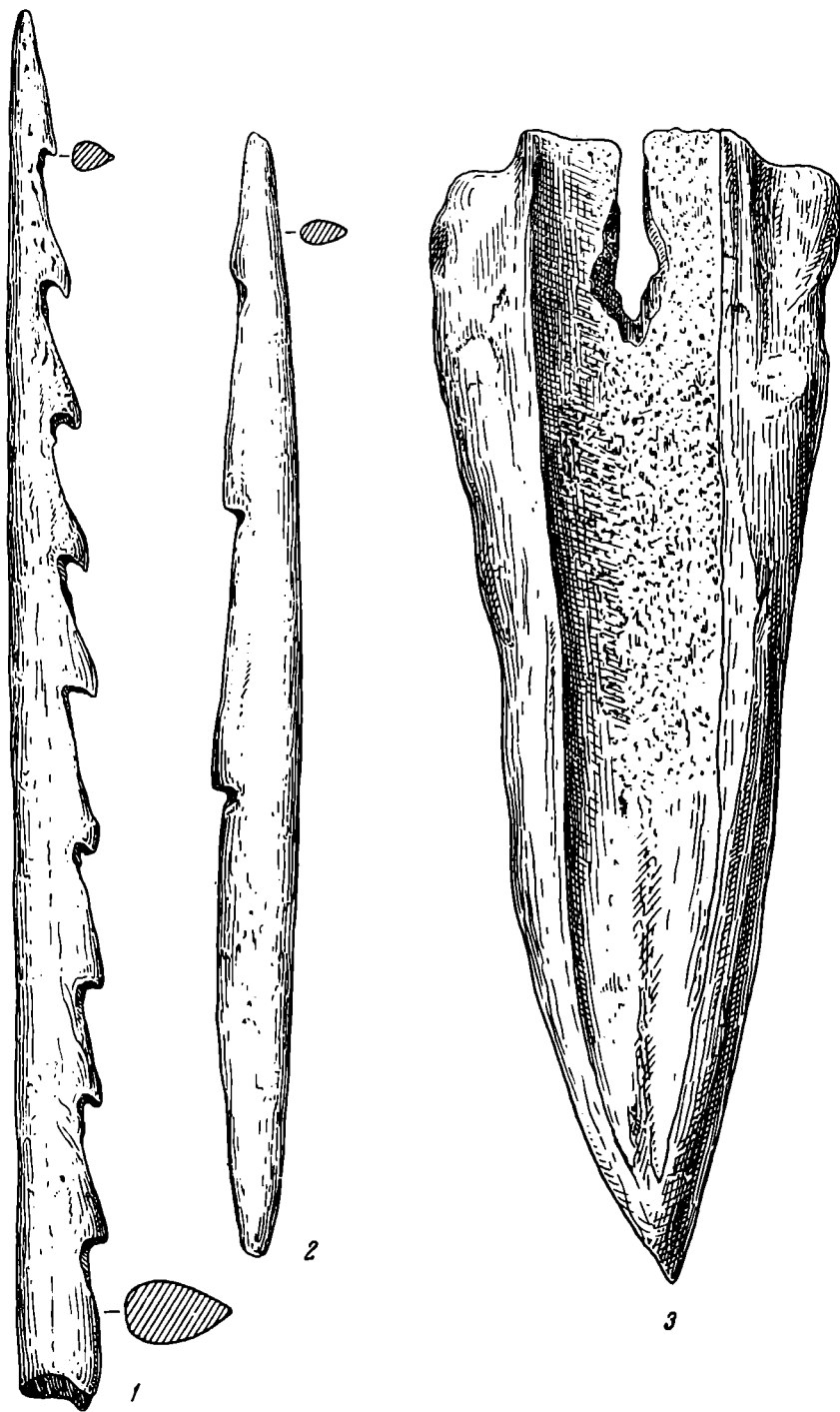

Рис. 12. Костяные мезолитические изделия.

1 — наконечник гарпуна, торфяник р. Кирсна, Калварийской волости, Марьямпольского уезда; 2 — наконечник гарпуна, р. Шешупе, у Пильвишкяй Вилкавишского уезда; 3 — наконечник копья, Утяляй, Немакшчайской волости.

Третья стоянка известна в долине при слиянии рек Решкеты и Вирвиты в Варняйской волости, где на глубине полуметра от дна речки в гравии были найдены четыре костяных наконечника разных размеров, круглых или овальных в поперечнике, и череп короткоголового человека.

Кроме того, известны находки отдельных костяных орудий: наконечников гарпунов с бородками с одной стороны, наконечников гарпунов

с боковыми кремневыми вкладышами, костяных кинжалов, различных наконечников (рис. 12—3), костяных и роговых топоров, рыболовных крючков и других предметов, которые, однако, трудно датировать. Типологически бородчатые гарпуны, кинжалы и, может быть, часть топоров можно отнести к мезолиту, но большинство топоров, по всей вероятности, относятся к неолиту. То же можно сказать и о гарпунах с боковыми кремневыми вкладышами, так как обработанные таким же образом кремневые лезвия нередко встречаются на неолитических стоянках вместе с шлифованными топорами и сердцевидными наконечниками стрел.

Хотя все собранные в Литве костяные орудия найдены отдельно от кремневых (по крайней мере, нет точных данных о встреченных вместе с ними кремневых орудиях), все же нет достаточных оснований относить их к особой, так называемой костяной культуре. Во всяком случае эти костяные изделия были обработаны при помощи кремневых орудий и, по свидетельству лиц, их нашедших, вместе с костяными орудиями иногда встречались и кремневые. В других европейских культурах костяные орудия являются только дополнением кремневых.

По материалам калининградских находок можно судить о том, что первое пришедшее в Литву население уже имело костяные орудия, которые нельзя относить к культуре маглемозе потому, что, по крайней мере, часть литовских костяных изделий — более ранние по сравнению с инвентарем маглемозе и, кроме того, других характерных для этой культуры находок в Литве нет. Скорее можно предположить, что в Прибалтике сложился особый культурный комплекс, которому можно было бы дать название кунда, так как здесь костяные изделия встречаются вместе с кремневыми орудиями свидерского типа. Этот комплекс продолжал существовать и в неолите, особенно на севере Прибалтики.

Тарденуазская культура. На литовских стоянках каменного века находят следующие основные типы орудий тарденуазской культуры: поперечные, т. е. треугольные, четырехугольные — прямоугольные и трапециевидные наконечники, короткие наконечники и так называемые микрорезцы. Все авторы, писавшие о мезолите Литвы, на основании типов орудий относят тарденуазскую культуру Литвы к мезолиту, указывая при этом, что она продолжала существовать и в неолите.

Между тем изучение материалов литовских стоянок приводит к выводу, что местонахождений чисто тарденуазского типа в Литве найдено не было. Тарденуазские изделия составляют в этих стоянках незначительное меньшинство. Первые микролиты, как было указано, появляются в третьем периоде мезолита. На этом основании польские археологи называют подобные стоянки свидерско-тарденуазскими¹.

В. Антонец относит их к чистому мезолиту (анциловый период). Однако для литовских стоянок этого времени такая датировка не подходит, потому что новые микролитические элементы, имеющие связь с тарденуазом, составляют вначале лишь незначительную долю культурного комплекса, в котором в то же время имеется немало элементов других культур.

Изделия тарденуазских типов появляются в Литве в большом количестве в начале неолита; на стоянках этого времени они встречаются вместе с исчезающими уже орудиями свидерского типа и продолжают существовать в позднем неолите и даже в халколите одновременно с сердцевидными наконечниками стрел и шлифованными орудиями. Таким образом, тарденуазскую культуру в Литве нельзя относить к мезолиту, т. е. к тем эпипалеолитическим культурам, которые существовали в течение периода, сменив-

¹ L. Zotz. Kulturgruppen des Tardenosien in Mitteleuropa. «Prähist. Zschr.», 23, 1932, стр. 19; L. Koslowski. Die epipaläolithischen Kulturen in Swidry und Chwalibogowice. Там же, 27, 1936, стр. 252—258.

шего ледниковую эпоху и продолжавшегося до образования современного рельефа земной поверхности и климата.

Отдельные типы микролитических орудий появляются не одновременно. Наиболее древними можно считать поперечные наконечники стрел, которые в небольшом количестве имеются уже в мезолите и существуют долгое время, встречаясь даже в халколите; в это время они характеризуются целиком ретушированной поверхностью. В самое раннее время такие наконечники делались из коротких отщепов, позднее они изготовлялись из обломков пластинок. Редкие в Литве треугольные поперечные наконечники стрел на мезолитических стоянках толстые, с крупной ретушью, а на неолитических — плоские, нередко с ретушированной поверхностью. Равносторонние треугольные наконечники следует относить уже к халколиту или даже к бронзовому веку. Короткие наконечники стрел появляются также в конце мезолита, но обычно встречаются позже, на неолитических стоянках. Микрорезцы характерны для стоянок, датируемых ранним неолитом или переходом от мезолита к неолиту, например для стоянок Ионионис, Памеркине, в долине реки Меркис, для стоянок всех волостей Меркине и др. В типичных мезолитических и неолитических комплексах таких микрорезцов нет. Указанные стоянки можно формально отнести к мезолиту, но по существу они уже не являются эпипалеолитическими и по характеру инвентаря относятся к начальной стадии неолита.

Кампинийская культура. Вопрос о кампинийской культуре в Литве возник в связи с находками крупных кремневых изделий на стоянках каменного века южной Литвы. Происхождение этой культуры было неясно, и, так как в Польше, которая могла бы служить связующим звеном между кампинийскими культурами Дании и Литвы, подобных находок не было, появление ее в Литве пытались объяснить проникновением через Литориновое море из Скандинавии или даже существованием этой культуры на берегах Литоринового моря, которые впоследствии погрузились в воду, и стоянки оказались на дне¹. Л. Козловский относит кампинийскую культуру Литвы к литориновому периоду мезолита, хотя в Литве она продолжала существовать до развитого неолита. Подобные мнения высказывались и другими археологами и основывались на изучении двух основных типов орудий — овальных отбивных топориков и клиньев.

В Литве встречаются два типа овальных топориков — с вертикально усеченными и овально ретушированными концами. Первый тип не является случайной поделкой: это видно из того, что иногда на концах таких топориков сохраняется корка (рис. 13—2). Часто на концах топориков первого типа сохраняется ретушь мезолитических нуклеусов (рис. 13—3). Многие из топориков обтесаны спереди продольными, а с задней стороны широкими поперечными сколами, т. е. по обработке они сходны с мезолитическими нуклеусами с двумя площадками (в особенности I и II периодов) и отличаются от них только тем, что спереди топорики более плоские. Топорики этого типа найдены в Ионионис, в долине Меркис, Памеркине, Максимонис (в волости Меркине) и на других стоянках района Меркине — Варена.

Топорики других типов — с овально ретушированным рабочим краем — имеют, кроме того, рабочую ретушь на боках.

Название «топорики» для первого и второго типов этих орудий не соответствует их назначению и принято скорее всего потому, что они стали впоследствии прототипами шлифованных топоров. Эти топорики попадают иногда на мезолитических стоянках (Драсяйкяй, Лапайской волости, Каунасского уезда; рис. 11—17). Но большинство их следует отнести к раннему неолиту или ко времени, переходному от мезолита к неолиту (Ионионис,

¹ L. Kozłowski. Stan i zadania badań nad epoką kamienną w Polsce. «Wiadomości archeologiczne», VI, Варшава, 1921, стр. 32; он же. Młodsza epoka kamienna w Polsce (neolit), стр. 16.

Памеркине, долина Меркис, волость Меркине и др.). В неолите топорики с изогнутым лезвием подвергаются шлифовке.

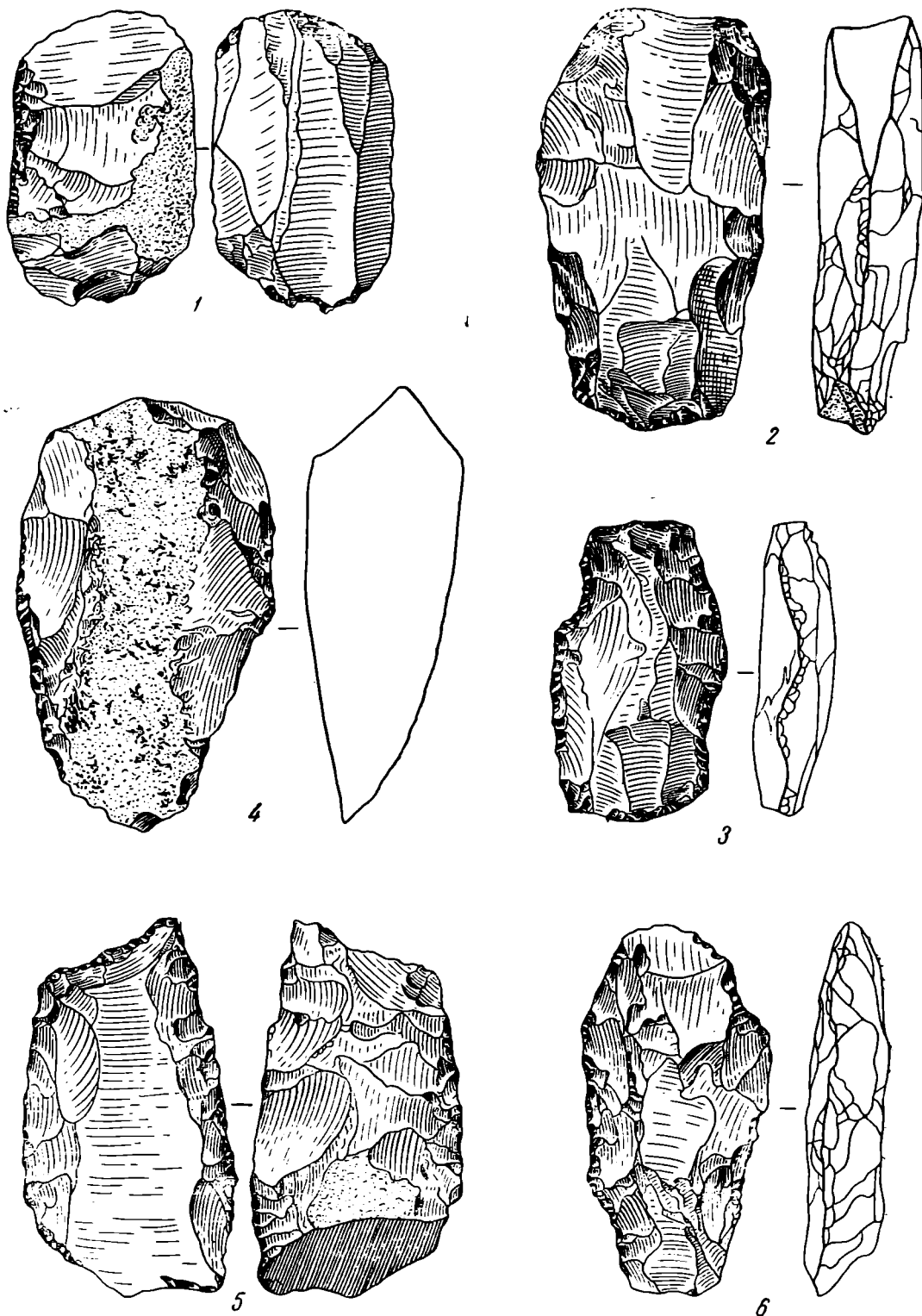

Рис. 13. Крупные кремневые мезолитические изделия.

1 — двуконечный нуклеус, Пувочай 1, Меркинской волости, Алятусского уезда; 2 — топорик с перпендикулярно обрубленными концами, берег р. Меркис у м. Меркине; 3 — топорик того же типа, Памеркине, Меркинской волости; 4 — клиновидное орудие, Неттесос, Меркинской волости; 5 — клиновидное орудие берег р. Меркис у м. Меркине; 6 — топорик с округло оббитыми концами, Ионнионис, Меркинской волости.

Топорики наиболее раннего типа — те, у которых рабочий конец ретуширован округло. Они развились из ударных мезолитических орудий, и часть их очень близка к нуклеусам. Повидимому, в конце мезолита ими

производилась та же работа, что и плоскими нуклеусами, тем более что топорики с суженными концами появляются как раз в тот период, когда исчезают нуклеусы с двумя площадками, и, таким образом, их можно было бы считать продолжением этого типа нуклеусов.

Другой основной тип орудий — клин, название которого тоже не совсем соответствует назначению. Такие клинья попадаются на свидерских стоянках III мезолитического периода (Неттесоси, Глукас Меркинской волости Алитусского уезда). Но сходные с клиньями орудия известны и на стоянках начального мезолита (Эйгуляй, Каунасского уезда). Еще больше клиньев найдено на стоянках раннего неолита или переходного к неолиту времени (Меркине, Ионионис, Максимонис, Памеркине, волость Меркине и др.). Формы клиньев разнообразны, и они не всегда напоминают типичные топорики или клинья. На одном или обоих концах этих орудий обыкновенно имеется ретушь. Самый характерный признак — сделанные оббивной ретушью выемки по краям. К этим же типам следует отнести орудия, у которых один конец ретуширован со стороны спинки, а другой с брюшка. Проследивая дальнейшее развитие клиньев, мы подходим к кремневым топорам, подготовленным для шлифовки.

Анализ материалов приводит к выводу, что в Литве не было кампинийской культуры и что крупные каменные орудия не занесены извне, а развились на месте из более древних крупных кремневых орудий, находимых на свидерских стоянках, и появление их было вызвано новыми жизненными условиями. Этот вывод подтверждается и тем, что никаких других элементов так называемой кампинийской культуры в Литве не найдено.

Таким образом, самой древней культурой каменного века в Литве была свидерская, пришедшая с юга и принесшая с собой некоторые элементы европейского мезолита (азильской эпохи). Костяные изделия составляли в ней вместе с кремневыми орудиями общий культурный комплекс, который постепенно менялся с изменениями условий существования. Население в течение I и II периодов мезолита охотилось, повидимому, главным образом на крупную дичь; значительную часть инвентаря составляли наконечники копий и дротиков. Пока еще нельзя установить, когда на территории Литвы кончился период охоты на северного оленя и началась охота на лося, зубра, медведя, коз и свиней и других представителей фауны современного климата. В III периоде мезолита условия жизни изменяются, в связи с этим для удовлетворения новых потребностей и способов добывания пищи появляются новые типы орудий. Развивается рыболовство, которое получает особое значение в раннем неолите. Рыболовством и следует объяснять большое сходство между типами изделий, которые появились у рыболовов в III периоде мезолита и начальном неолите. Рыболовством и охотой на птиц по всей вероятности можно объяснить и появление микролитов и широких наконечников, бывших, повидимому, не остриями колющих орудий, а лезвиями ножей. Появление крупных орудий было также вызвано возникновением новых производств, которых еще не было в раннем мезолите и которые получили полное развитие лишь в раннем неолите, как, например, изготовление изделий из луба, бересты и древесных корней. Крупные каменные орудия употреблялись, повидимому, не только для копанья корней, но и для добывания кремневого сырья, как в Кампинии.

Микролиты и крупные каменные орудия, появившиеся в конце мезолита, но не получившие в этот период достаточного распространения, начинают развиваться в переходный период от мезолита к неолиту и особенно в раннем неолите. Однако старый мезолитический комплекс исчезает не сразу. Это и понятно, так как охота долгое время оставалась наиболее важным способом добывания пищи. Даже в неолите можно проследить развитие старого мезолитического инвентаря, сильно изменяющегося и дополняемого новыми неолитическими типами орудий, вытесняющими старые. Так,

в неолите долго продолжают существовать свидерские наконечники; на их черешках (на задней стороне) еще сохраняются остатки солотрейской ретуши, которая постепенно уменьшается, а на острие эти неолитические наконечники часто имеют узкий отретушированный клювик. Они попадают на стоянках вместе с сердцевидными, ланцетовидными, поперечными и иными, характерными для неолита типами наконечников; не подлежит сомнению, что свидерские наконечники послужили основанием для развития в неолите и позже, в медном веке или халколите, некоторых типов листовидных наконечников с черешками.

Генетическая связь крупных мезолитических орудий со шлифованными топорами и долотами не кажется достаточно ясной, потому что, благодаря шлифовке, орудия совершенно меняют свое назначение, сохраняя только старую форму. Анализируя этнографические данные, можно заметить, как старые формы орудий приспособляются к новым потребностям жизни. Так могло быть и здесь: рубить нешлифованным орудием было неудобно, но после изобретения шлифовки орудия старых форм шлифуются и приспособляются для рубки. Все это указывает на непрерывность культурного развития в течение всех периодов каменного века.

В Литве мезолитическая культура имеет несколько иной характер и иные пути развития, чем в южных районах. Она однородна как в Литве, так и в Полесье, на западе в Мазовии и на востоке в Белоруссии, приблизительно до Минска. Типы орудий, родственных свидерским, встречаются на восток до р. Оки¹ и далее на север до Онежского озера², но они принадлежат уже культурам неолитического времени.

Не подлежит сомнению, что культура кунда в Эстонии³ является продолжением той же самой мезолитической культуры Прибалтики. Более широкое распространение эта культура получила только в неолите. В мезолите же выделяется особый культурный район, охватывающий, как было указано, Полесье, Мазовию, Белоруссию до Минска и всю южную часть Литвы до Каунаса и Вильнюса и в III периоде мезолита простирающийся еще дальше на север, до уезда Укмерге.

Этот культурный район, границы которого, вследствие неполноты находок, еще не могут быть точно очерчены, выделился по разным причинам; одной из главнейших были, вероятно, географические условия. Бассейн реки обычно является объединяющим центром; по верхнему и среднему течению Немана, а также по нижнему течению Вилии можно ясно проследить культурную общность древнего населения. С юга и востока эту область ограничивают болота, которые в период мезолита были гораздо больше, чем в настоящее время.

Первые группы людей, забредшие сюда после исчезновения ледника, вероятно, возвращались на места прежних поселений и появлялись на территории Литвы только на короткое время. И лишь после того, как стало возможным охотиться круглый год и дичи на месте стало достаточно для существования пришельцев, образовалось постоянное местное население, которое хотя и было бродячим, но, повидимому, не слишком удалялось от своих стоянок. Группы охотников бродили на ограниченном пространстве. Можно допустить, что люди каменного века имели свои охотничьи районы, в пределах которых они передвигались. Разграничение охотничьих угодий и вместе с тем общность охоты дали основание для образования локальных районов, начало которых вырисовывается уже в периоде мезолита.

¹ L. Sawicki. Materiały do znajomości prehistorji Rosji. «Przegląd archeologiczny», III, 2, Познань, 1927—1928; М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Стоянка Елин-Бор. СА, III, 1937, стр. 87—88.

² В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Онежском озере. СА, VI, 1940, стр. 46—62.

³ R. Indreko. Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat. Тарту, 1934, стр. 225 сл.

Л. ЯНИТС

ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ МОГИЛЬНИКИ
В ЭСТОНСКОЙ ССР

Первое поздненеолитическое погребение обнаружено в Эстонии в 1876 г. Могила содержала характерный инвентарь — ладьевидный боевой топор и костяной наконечник гарпуна с двумя рядами зубцов. К сожалению, памятник обнаружили не специалисты, и до нас дошли лишь самые общие сведения об обстоятельствах, при которых были сделаны находки. Вещи, сопровождавшие захоронение, сохранились, но об устройстве могильника, о положении костяков и инвентаря мы почти ничего не знаем. Такая же судьба постигла и большинство других могильных памятников этого времени главным образом вследствие отсутствия у них отчетливых внешне выраженных признаков.

К настоящему времени на территории ЭССР известно 23 местонахождения поздненеолитических погребений, где, по имеющимся сведениям, открыто свыше 70 могил (рис. 14).

Один из наиболее замечательных поздненеолитических могильников Эстонии расположен на северо-востоке республики, в дер. Сопе, Кивнылского района, в нескольких десятках километров к востоку от известной стоянки Кунда (рис. 14—1). Здесь, при распашке плоского песчаного холмика на берегу небольшого ручья, впадающего в Финский залив, в нескольких километрах к югу от высокого берега залива, на незначительной глубине от поверхности, было обнаружено семь костяков. Один из них лежал на боку в скорченном положении. При скелетах найдены костяные изделия, речные раковины и кольцо из янтаря. Вблизи костяков прослеживались темные пятна черной земли с примесью углей.

Позже, продолжая раскопки могильника, археологи обнаружили два женских костяка, лежавших на правом боку в скорченном положении. Ноги одного из них были тесно прижаты к туловищу так, что колени касались груди. Около черепа найдено костяное шило, несколько фрагментов костяных изделий и зуб свиньи. У ног второго костяка находился глиняный сосуд (рис. 15—1), речная раковина и костяное шило, а под плечом — горсть мелких камней, положенных туда, очевидно, намеренно. В пределах могильника, кроме того, найдены отдельные фрагменты каменных изделий и черепки сосудов, относившиеся, вероятно, к погребениям, уничтоженным распашкой. Все обнаруженные здесь костяные изделия изготовлены из костей козы или овцы.

Площадь могильника, повидимому, не ограничивалась указанным холмиком, а распространялась значительно шире. Так, приблизительно в 150 м к северо-западу от описанных погребений при рытье погребка был открыт

костяк, находившийся, судя по справкам, в сидячем положении. Вместе с ним найден каменный топор. Вблизи костяка прослеживались пятна черной земли с примесью углей. У того же погребения найдено еще два ладьевидных каменных топоров. Таким образом, в Сопе мы имеем дело со сравнительно многочисленными погребениями, расположенными на двух возвышенностях на некотором расстоянии друг от друга. Еще один каменный топор был

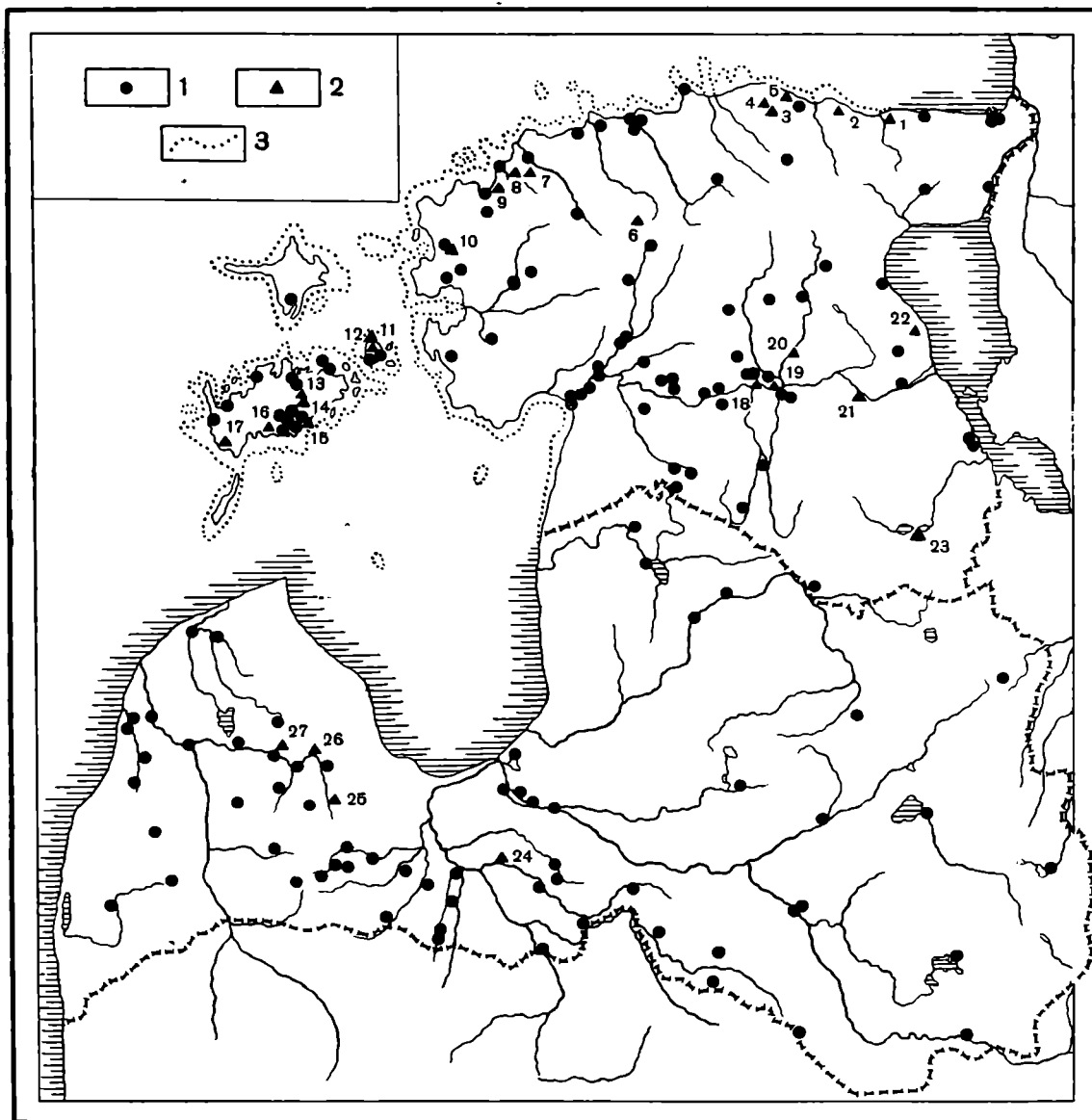

Рис. 14. Карта распространения могильников эпох позднего неолита и ранней бронзы и мест находок ладьевидных каменных топоров на территории Эстонской и Латвийской ССР.

Условные обозначения: 1 — ладьевидные топоры; 2 — могильники; 3 — прибрежная полоса, лежащая в неолите под водой
 1 — Сопе; 2 — Коогу; 3 — Рисувере; 4 — Метсику; 5 — Паювески; 6 — Арду; 7 — Туула; 8 — Лихула; 9 — Ямари; 10 — Ялуксе; 11 и 12 — Кюласема; 13 — Тутку; 14 — Тика; 15 — Кыльяла; 16 — Сайа; 17 — Коки; 18 — Кля; 19 — Кивисааре; 20 — Кунила; 21 — Карлов; 22 — Хаапси; 23 — Тамула; 24 — Рутеники; 25 — Тамас; 26 — Канд. в; 27 — Тояти.

обнаружен и на пространстве, разделяющем могильники. Здесь же, у протекающего вблизи ручья, найден топор из рога лося.

В северо-восточной части Эстонии имеются еще четыре неолитических могильных памятника (рис. 14—2—5) значительно меньших размеров, чем могильник в Сопе. Часть могильников состояла только из одного погребения. В каждом были найдены человеческие кости, с одним или несколькими каменными топорами.

В средней части Эстонии к настоящему времени известен лишь один могильник, обнаруженный при добыче гравия и исследованный археологами. Он расположен в д. Арду в Косеском районе¹ (рис. 14—6) на плоской возвышенности, окруженной торфяником, приблизительно в 100 м от речки Пирита.

В могильнике обнаружены два мужских костяка, положенных на расстоянии 1,5 м друг от друга. Оба лежали на левом боку, в скорченном положении, головой на север. Костяк, расположенный восточнее, залегал на глубине 80—90 см. У черепа найдено каменное долото, возле таза — нож из беловатого камня и фрагмент костяной проколки, на груди — своеобразный костяной предмет в виде длинной палочки с круглым поперечным сечением. Глубина залегания второго костяка 100—125 см. Рядом с черепом

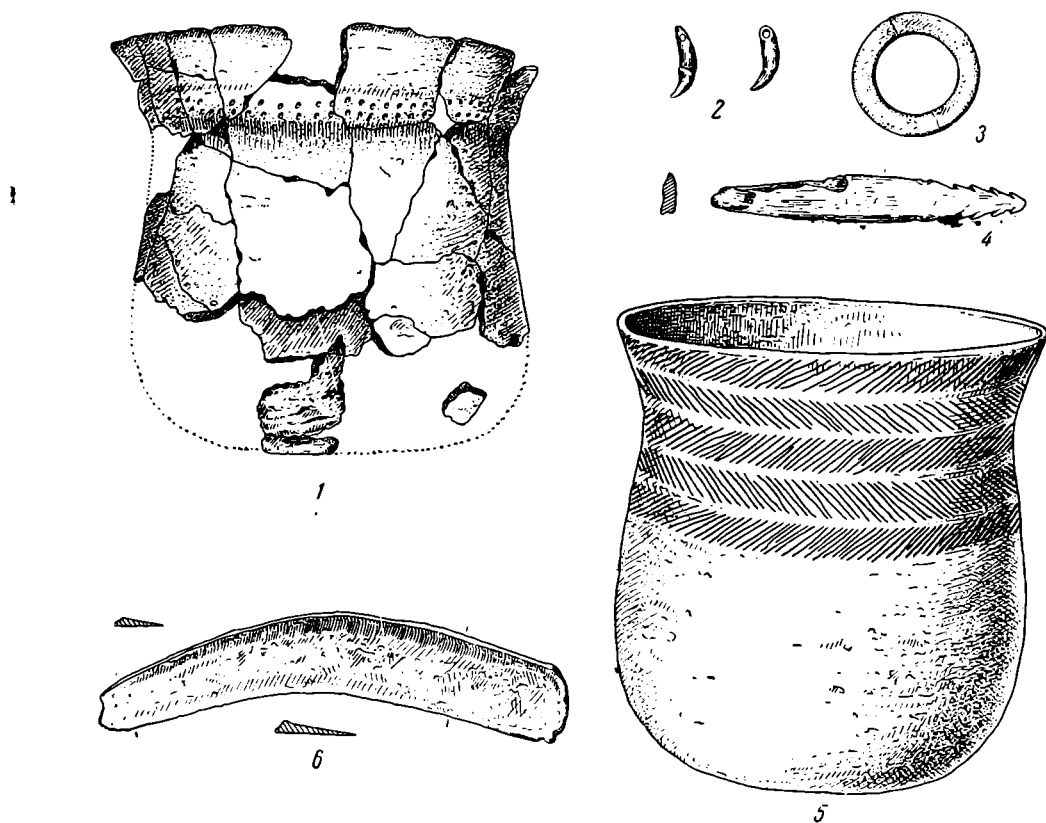

Рис. 15. Инвентарь погребений позднего неолита и ранней бронзы.

1 — глиняный сосуд из Сопе; 2 — привески из зубов; 3 — кольцо из сланца (Кыльяла); 4 — костяной гарпун; 5 — глиняный горшок (реконструкция) из Тика; 6 — бронзовый серп из могильника в Кивисааре.

(реконструкцию головы по черепу см. на рис. 17) найдены ладьевидный каменный топор и черепки с нарезным «ёлочным» орнаментом, видимо от сосуда, разбитого лопатой при выборке гравия². Около правого плеча лежало костяное долото, у правой кисти — маленькое долото из беловатого кремня, шило из кости козы или овцы, проколка из рога и отжимник для ретуширования кремня. Около левой кисти обнаружен нож из белого кремня, у тазовой части — костяная палочка с отверстием в слегка утолщенной средней части, сходная с найденной на груди предыдущего костяка (рис. 16—1—8). На основании формы и местонахождения этих палочек, при наличии некоторых этнографических параллелей можно высказать предположение, что палочки служили для закрепления одежды при помощи шнура, который накручивался на них или завязывался через петли.

¹ «Õpetatud Eesu Seltsi Toimetused», XXX, Тарту, 1938, стр. 185—200.

² При выборке гравия погребение и было обнаружено благодаря находке черепа и каменного топора.

Территория могильника полностью не исследована. Есть основания предполагать существование здесь еще нераскопанных погребений, тем более что поблизости найдены ладьевидный топор и каменное долото.

В северо-западной части Эстонии неолитические могильники известны в четырех пунктах; в двух случаях (рис. 14—8, 9) захоронения сопровождались каменными топорами, в третьем (рис. 14—7) — кремневым нако-

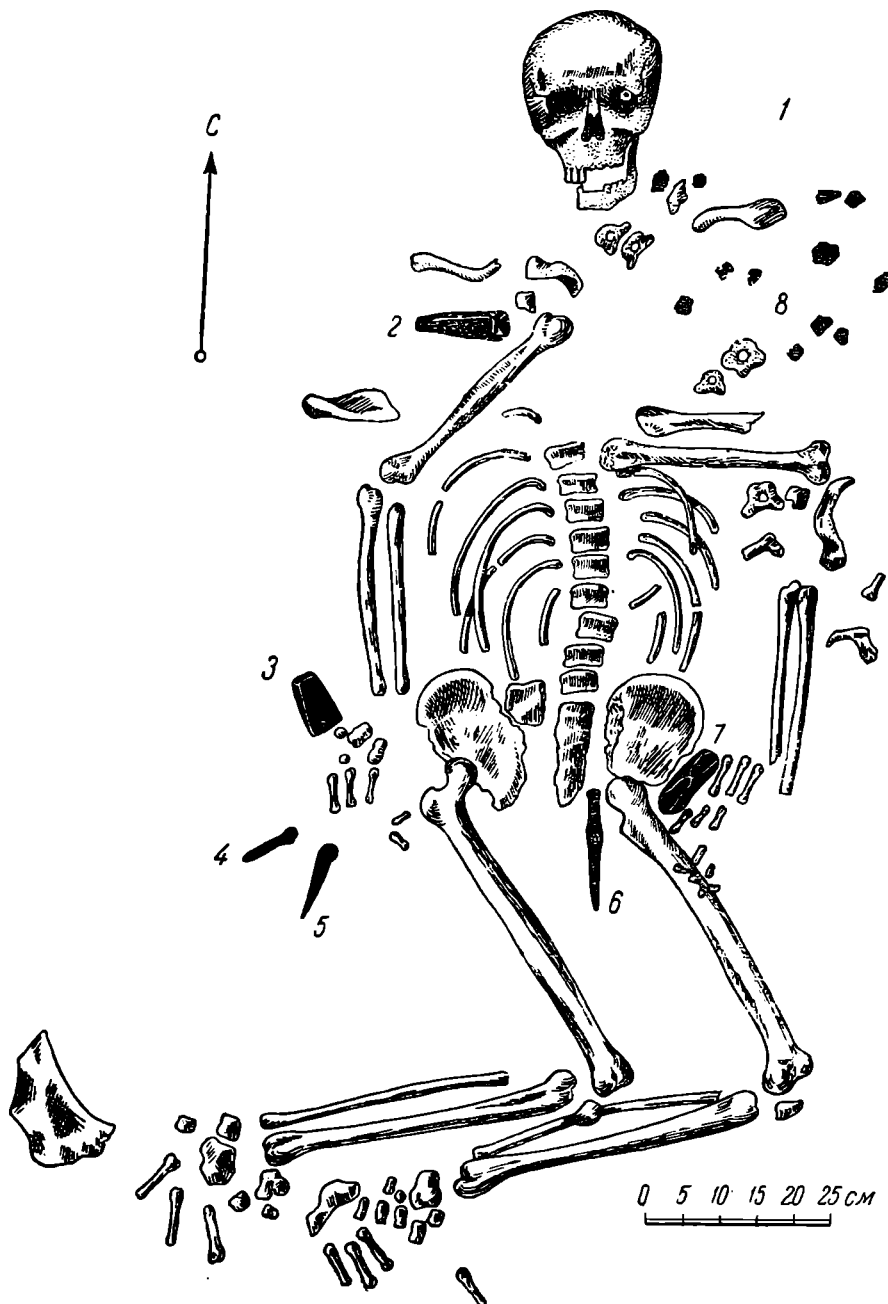

Рис. 16. Погребение в Арду.

1 — боевой каменный топор; 2 — костяное долото; 3 — долото из кремня; 4 — костяное шило; 5 — острие из рога; 6 — костяное просверленное игло; 7 — нож из кремня; 8 — обломки сосуда.

нечником копья. Судя по недостаточно достоверным сведениям, в четвертом могильнике (рис. 14—10) было найдено 11 костяков, лежавших лицом вниз. У одного из них найдено ожерелье из просверленных зубов животных.

Наибольшее число неолитических захоронений известно на островах Эстонии Сааремаа и Муху. Два из них расположены на северо-западном побережье острова Муху, в дер. Кюласема (рис. 14—11, 12), на расстоянии

нескольких километров один от другого. Одно погребение принадлежит к числу первых неолитических погребений, обнаруженных в пределах Эстонии; по названию деревни найденный здесь тип каменного топора стал называться «типом кюласема» (рис. 18—1). Во втором погребении найдено лишь несколько подвесок из зубов животных.

На острове Сааремаа известно пять местонахождений неолитических могильников. К сожалению, ни одно из них не исследовано.

В дер. Тика (рис. 14—14) был обнаружен костяк, возле которого встречены обломки сосудов с нарезным ёлочным орнаментом (рис. 15—5), зуб козы или овцы и двусторонний костяной гарпун (рис. 15—4).

В 3 км от дер. Тика найдены три костяка, сопровождавшиеся обломками сосудов (рис. 14—13). Столько же костяков обнаружено на низком холме, среди болот, близ дер. Кыльяла (рис. 14—15); там найдены сланцевые кольца (рис. 15—3), которые, по сохранившимся сведениям, располагались на груди у одного из покойников, и пять подвесок из зубов кошки, выдры и тюленя (рис. 15—2); здесь же, при выемке гравия, был найден каменный топор. Ладьевидные топоры найдены также в остальных могильниках острова Сааремаа (рис. 14—16, 17).

Переходя к описанию неолитических памятников восточной Эстонии, необходимо прежде всего отметить погребение в городе Тарту, в долине р. Эмайыги (рис. 14—21). Здесь обнаружен костяк мужчины 18—20 лет в вытянутом положении. Близ правой руки его найден каменный ладьевидный топор характерного для Эстонии типа, слева от таза — длинный трехгранный наконечник стрелы из филлита. На груди лежала довольно большая плита известняка.

В нескольких сотнях метров от реки Педья, в западной части Ийгевамаа, в дер. Кунила (рис. 14—20), среди приречных лугов, при выборке гравия обнаружен костяк с ладьевидным каменным топором. Летом 1948 г., при раскопках на том же месте, на глубине более одного метра, были найдены еще два мужских погребения. Один из костяков находился в сильно скорченном положении. Его ноги, согнутые в коленях, прижаты к туловищу, правая рука согнута в локте, левая — под головой; голова повернута лицом вниз. Возле правой руки лежали ладьевидный каменный топор, нож из клыка кабана и резец кабана. По другую сторону костяка — два резца кабана, нож из клыка кабана и нож из кремня. В непосредственной близости от черепа найдено каменное желобчатое долото.

Второй костяк относился, повидимому, к более раннему захоронению. Кости его левой ноги лежали под черепом первого скелета, остальные были смещены при погребении первого покойника. Инвентарь второй могилы состоял из маленького долота белого кремня и двух точильных камней. Среди

Рис. 17. Реконструкция голсвы по черепу из могильника в Арду. Работа М. М. Герасимсва.

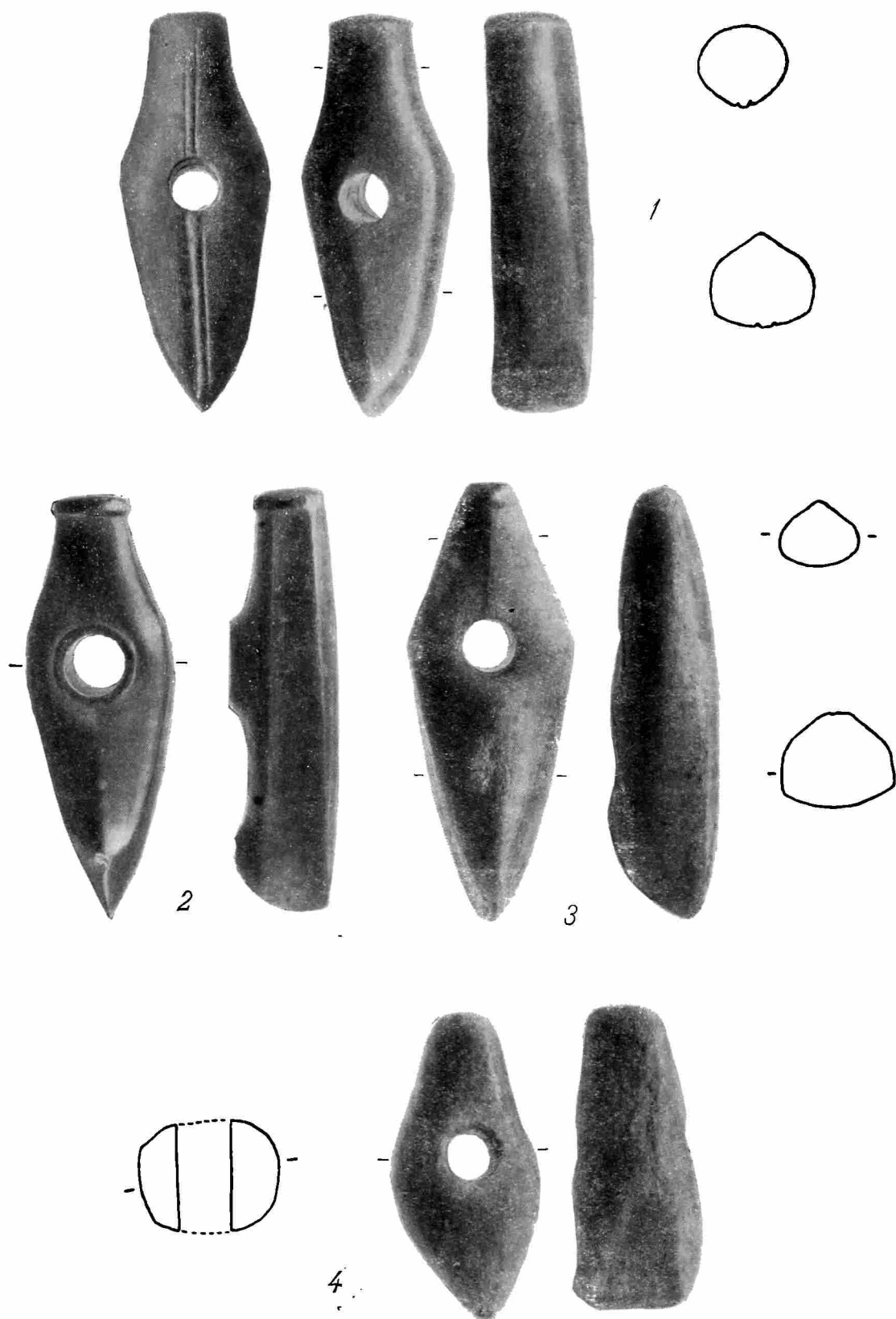

Рис. 18. Основные формы ладьевидных каменных топоров, найденных на территории Эстонии.
 1 — тип кюласема; 2 — тип карлова; 3 — остробовушный топор; 4 — так называемая дегенеративная форма.

человеческих костей найдены три кости домашней свиньи, видимо остатки положенной с покойником пищи. Приблизительно в 5 м от костяков была положена голова домашней свиньи.

К перечисленным могильным памятникам восточной Эстонии следует добавить еще два погребения с ладьевидными топорами, найденные в дер. Хаапси, на западном берегу Чудского озера (рис. 14—22).

Несколько иной характер имеет могильник Кивисааре в восточной части Пыльтсамааского района, на северном побережье озера Выртсарв (рис. 14—19). Для ландшафта этой местности характерны обширные болота, среди которых кое-где возвышаются небольшие друмлины, тянущиеся с северо-запада на юго-восток. В юго-восточной части одного такого друмлина под тонким слоем земли находится слой булыжников различной величины. Под этими камнями и между ними в разное время было обнаружено 24 костяка¹. Покойники погребены на спине, в вытянутом положении. Инвентарь этих могил не богат: просверленные зубы животных, обломки сосудов, осколки кремня, отчасти обработанные в виде скребков, мелкие каменные и костяные изделия, куски дерева, уголь и необработанные кости животных. Особого внимания заслуживает бронзовый серп (рис. 15—6), на основании которого могильник можно датировать концом II тысячелетия до н. э.² Среди костяных остатков преобладают кости диких животных, но вместе с тем здесь представлены и все важнейшие породы домашних животных: лошадь, корова, свинья, овца или коза и собака. К сожалению, нельзя с полной уверенностью сказать, откуда эти кости, из погребений или они попали сюда позже.

На расстоянии нескольких километров от этого могильника, на другом, окруженном болотами друмлине, обнаружено одиночное погребение под каменным настилом; в нем костяк лежал также на спине в вытянутом положении (рис. 14—18). При нем найден кремневый нож.

Отметим еще стоянку с могильником, расположенную в юго-восточной части Эстонии, в Выруском районе, на мысе, выклинивающемся в озеро Тамула (рис. 14—23). В культурном слое этой стоянки обнаружено семь погребений. Два костяка лежали на спине в вытянутом положении, три — на боку или на спине в скорченном положении. От остальных двух погребений сохранились лишь следы.

Могильный инвентарь захоронений со скорченными костяками, насколько удалось его выделить из инвентаря стоянки, весьма немногочисленен.

В погребениях с костяками в вытянутом положении инвентарь богаче. Особенно много просверленных зубов, которые, повидимому, были прикреплены к одежде покойников.

Большого внимания заслуживает погребение 10—12-летнего подростка. Инвентарь, сопровождавший его, помимо зубов животных (рис. 19—11—14; рис. 20—4—14), состоял из двух костяных подвесок в виде фигурок птиц (рис. 19—6; рис. 20—2), украшений из янтаря (рис. 19—1, 2), долота из сланца (рис. 20—20) и различных подвесок из кости (рис. 19—15; рис. 20—16—18). Судя по могильному инвентарю и условиям залегания находок, костяки, погребенные в вытянутом положении, относятся ко времени более раннему, чем костяки скорченные.

На стоянке, лишь незначительная часть которой в настоящее время раскопана, вообще не найдено костей домашних животных и не прослеживается каких-либо следов знакомства с металлом. Жители этой стоянки не знали ни земледелия, ни скотоводства, а жили рыболовством и охотой.

¹ Вследствие плохой сохранности погребений и частичного разрушения их при выборке гравия трудно восстановить их точное число и расчленить инвентарь отдельных могил.

² «Õpetatud Eesti Selsti Aastaraamat», Тарту, 1935, стр. 248, 255 сл., рис. 1, 6.

Тамула является пока единственной во всей Прибалтике стоянкой с могильником. Ее можно сопоставить с другими поздненеолитическими стоянками с могильниками, известными в лесной полосе европейской части СССР: в местностях Кубенино¹ и Караваиха² в Вологодской области, у дер. Языково³ в Верхнем Поволжье, у деревень Гавриловки⁴ и Володары⁵ в Горьковской области.

Рассматривая могильники позднего неолита и ранней бронзы в Эстонской ССР в целом, следует отметить сравнительно большое число их, особенно если принять во внимание относительную ограниченность территории.

Характер этих погребений не совсем одинаков. Глубина залегания костяков различна, она колеблется от нескольких десятков сантиметров до полутора метров. В большинстве случаев могильники содержат несколько костяков, одиночные захоронения встречаются редко. Положение покойников различно — от вытянутого на спине до сильно скорченного; в этих случаях можно предполагать связывание трупа. Имеются сведения, правда не совсем достоверные, о захоронениях лицом вниз и в сидячем положении. Наконец, особое место занимает могильник Тамула, где покойники погребены на стоянке.

Инвентарь около покойников зачастую уложен группами, по несколько предметов вместе. Преобладают каменные или костяные изделия, керамика — в единичных случаях. Характерные предметы — ладьевидные боевые каменные топоры; они найдены в 14 могильниках, а среди случайных находок их насчитывается более ста. Все топоры найдены во время земляных работ, часто на значительной глубине. Есть основания предполагать, что некоторые из них принадлежат захоронениям, в которых кости совершенно истлели. Подтверждением этому может служить сходство мест залегания этих находок с местами расположения могильников.

Боевые топоры — основной датирующий материал. Сходные формы их известны в большом количестве на обширной территории средней, восточной и северной Европы, причем в южной части территории такие топоры относятся к эпохе ранней бронзы; севернее же, где бронзу начали употреблять позже, боевые топоры появляются в позднем неолите.

Можно предполагать поэтому, что ладьевидные топоры в Эстонии изготавливались главным образом во второй четверти II тысячелетия до н. э., хотя, возможно, первое появление их следует отнести к более раннему времени. Разнообразие форм указывает на длительное применение топоров — в течение нескольких веков.

Несмотря на то, что типология боевых топоров Эстонии достаточно хорошо разработана (выделены, например, типы топоров карлова, кюласема, острообушный и др.; рис. 18), относительная хронология их не установлена. Остается неясным вопрос об одновременном существовании топоров различных типов. Только опираясь на далекие параллели, можно высказать предположение, что наиболее древняя форма в Эстонии — топор типа кюласема.

Но как ни приблизительны наши представления о хронологии каменных боевых топоров, все же при помощи их можно хотя бы предположительно датировать могильники. Ко времени существования могильников с

¹ М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино. СА, V, 1940, стр. 38 сл.; она же. Погребения на стоянке Кубенино. «Труды ГИМ», VIII, 1938, стр. 73—91.

² А. Я. Брюсов. Отчет о раскопках 1938—1939 гг. «Труды ГИМ», XII, 1941, стр. 17 сл.; он же. Археологические работы в Вологодской области в 1937—1940 гг. КСИИМК, вып. X, 1941; он же. Раскопки в Чарозерском районе Вологодской области в 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948.

³ О. Н. Бадер. Неолитические погребения на Верхней Волге. СА, III, 1937.

⁴ И. К. Цветкова. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником. КСИИМК, вып. XVII, 1947.

⁵ Она же. Стоянка Володары. КСИИМК, вып. XX, 1948.

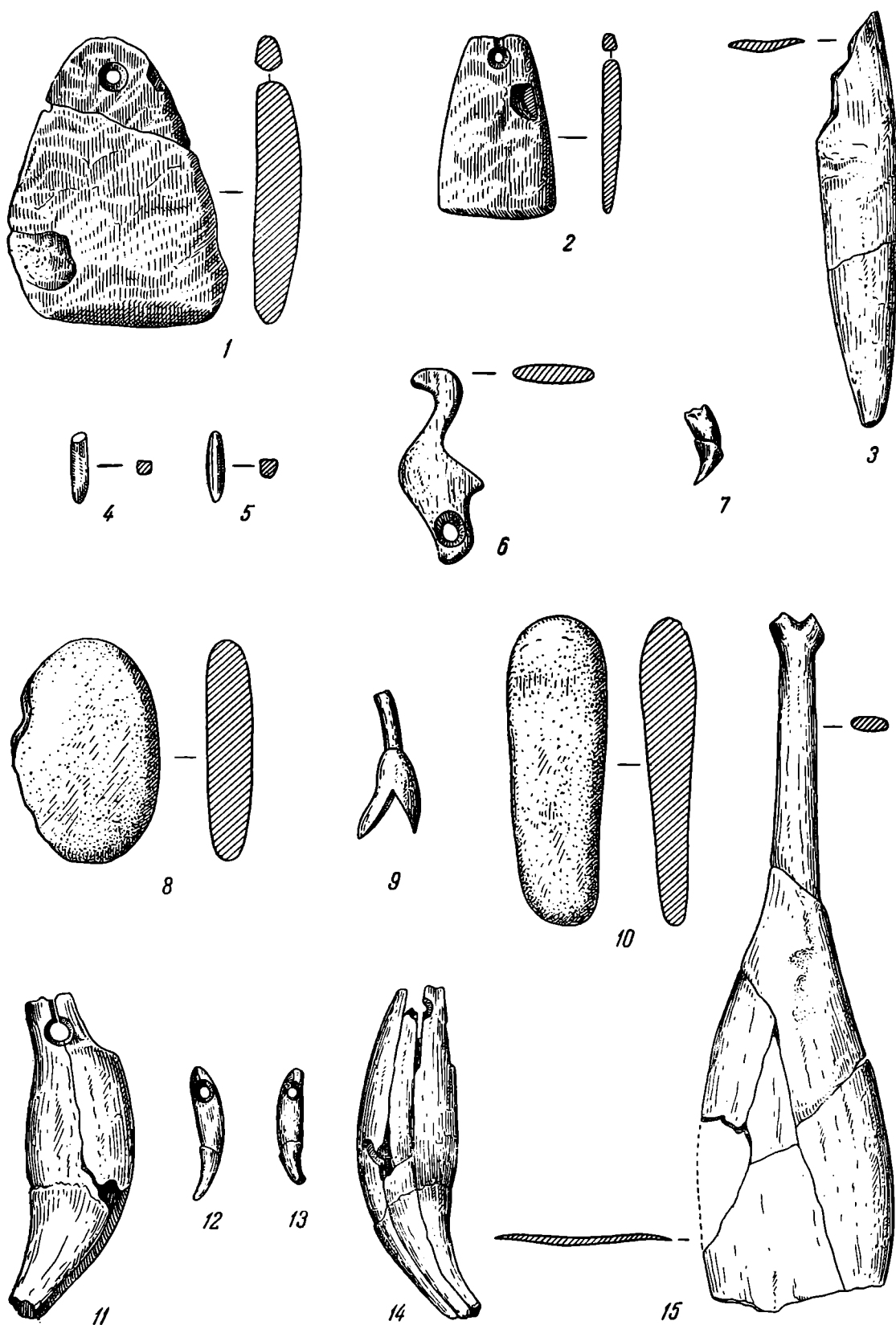

Рис. 19. Инвентарь детской могилы в Тамуле.

Предметы, лежавшие у черепа и на груди костяка: 1, 2 — привески из янтаря; 3 — фрагмент маленького костяного ножа; 4, 5 — кусочки янтаря; 6 — фигурка птицы из кости; 7 — зуб животного; 8, 10 — гальки, лежавшие на груди скелета; 9, 11—14 — привески из зубов; 15 — привеска из кости.

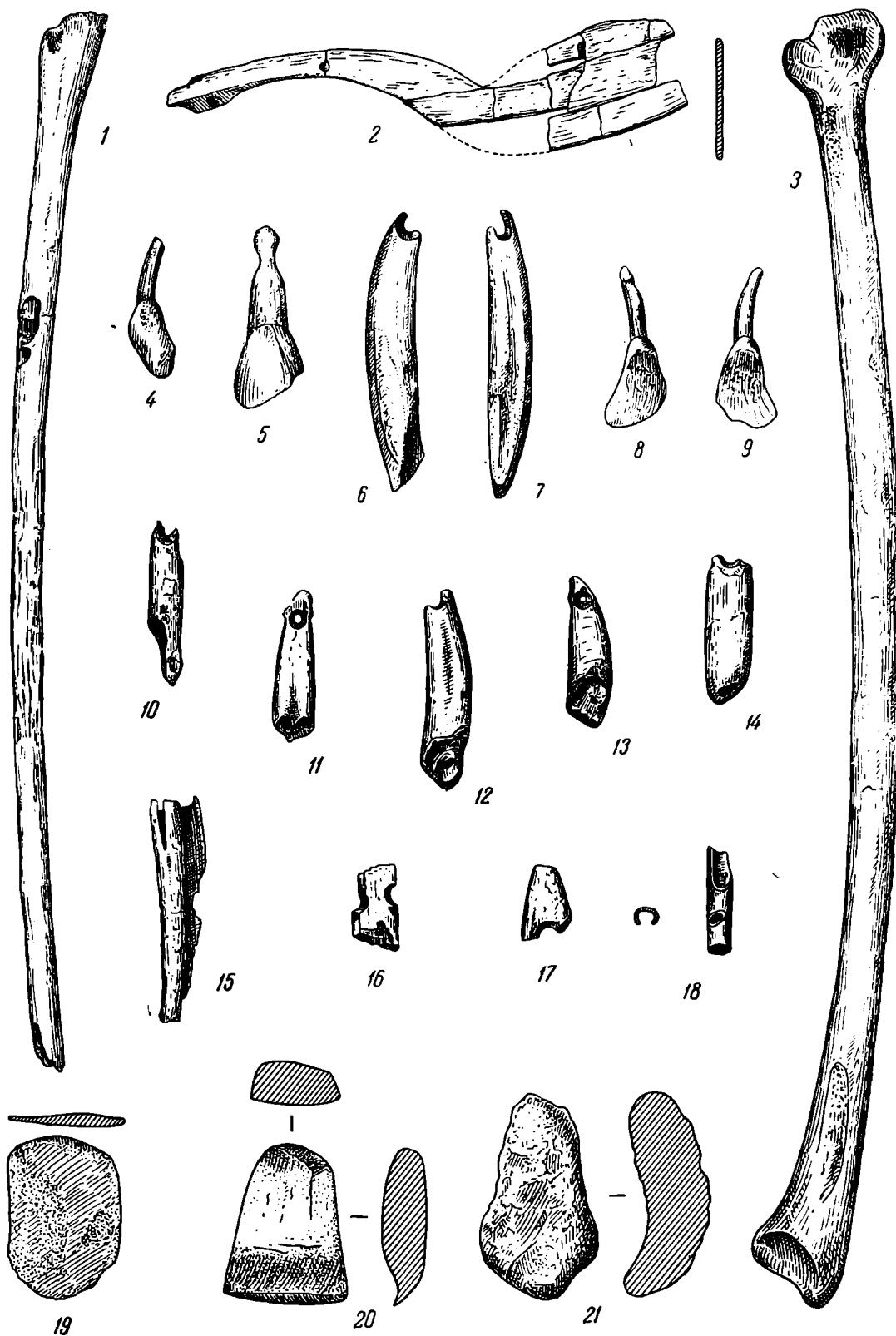

Рис. 20. Инвентарь детской могилы в Тамула.

Предметы, лежавшие на груди и у ног костяка: 1, 3 — кости крыльев журавля; 2 — фигурка птицы из кости; 4 — 14 — привески из зубов; 15 — сверток древесной коры; 16—18 — фрагменты костяных привесок; 19 — фрагмент маленького ножа из сланца; 20 — долото из сланца; 21 — комок окиси железа, отчасти окрасившийся в красный цвет.

ладьевидными топорами следует, повидимому, отнести и погребения в культурном слое стоянки Тамула. Весьма вероятно, что эта стоянка существовала несколько дольше, чем могильник. Могильник Кивисааре на основании найденного здесь бронзового серпа можно довольно точно датировать концом II тысячелетия до н. э. Вопрос о времени остальных погребений из-за отсутствия датирующих предметов остается пока открытым. Исходя из общего характера находок, можно предположительно считать их одновременными могильникам с ладьевидными топорами, хотя некоторые из погребений, возможно, могут быть отнесены к более позднему времени — к эпохе ранней бронзы. Обряд погребения — труположение в грунтовых могилах — сохраняется в Эстонии до второй половины эпохи бронзы, когда он сменяется захоронениями нового типа — в каменных курганах с ящиками (частично с трупосожжением).

Прилагаемая карта (рис. 14) знакомит нас с топографией поздне-неолитических могильников Эстонии. Все они находятся вблизи водоемов, но в некотором удалении от воды и расположены на холмах, окруженных обычными для берегов рек, озер и морей лугами. Ту же картину мы видим и в распределении ладьевидных топоров — случайных находок, относящихся к рассматриваемому периоду. Связанных с поздне-неолитическими могильниками поселений мы пока не знаем. Однако и топография могильников и случайные находки топоров свидетельствуют о том, что произошли некоторые изменения в экономике населения, оставившего эти памятники.

В каждом могильнике, исследованном научно поставленными раскопками, вместе с ладьевидными топорами найдены кости домашних животных: в Арду и Сопе — кости козы или овцы, в Кунила и Сопе — кости свиньи. Кости козы или овцы нередко обработаны в виде различных орудий труда. Таким образом, эти могильники принадлежали племенам, разводившим мелкий рогатый скот (коз, овец) и свиней. Доказательств существования других домашних животных у населения, оставившего самые ранние могильники, пока нет. О непрерывном развитии скотоводства, начиная с конца неолита, свидетельствует могильник Кивисааре, где найдены кости всех главных видов современных домашних животных. Бронзовый серп, найденный там же, свидетельствует о примитивном земледелии, зачатки которого относятся, вероятно, к несколько более раннему времени, чем сам могильник, хотя прямых доказательств этому пока нет.

Переход к новым способам добывания средств существования, из которых наиболее важным вначале оказалось скотоводство, обозначил новую, более высокую ступень развития производительных сил. Естественно, что новые типы производства не могли в своей начальной стадии вытеснить охоту и рыболовство, но, безусловно, существенно дополняли их. Скотоводство приобрело вскоре решающее значение, в связи с чем возникли столкновения между общинами, очевидно, главным образом из-за пастбищ. Об этих столкновениях свидетельствует появление первого специального оружия — ладьевидного топора. Скотоводство и вызванные им столкновения обусловили в то же время повышение роли мужчин в родовой общине. Намечился переход родовых общин от матриархата к патриархату. Отражением этого социально-экономического процесса в идеологических представлениях является захоронение покойников в отдельных могилах, впервые встречающиеся в этот период.

Переход древнего населения Эстонии от рыболовства и охоты к скотоводству был постепенным, о чем может свидетельствовать стоянка на озере Тамула. Здесь не найдено никаких следов земледелия или скотоводства, хотя стоянка датируется в общем тем же временем, что и могильники. Наоборот, здесь все доказательства господствующей роли охоты и рыболовства. Очевидно, в местах, особенно благоприятных для развития примитивного хозяйства, еще долго удерживались охота и рыболовство. Вместе с

тем общины, находившиеся на различных ступенях хозяйственного развития, не оставались изолированными. Мы видим оживление обмена, сопутствующего первому крупному общественному разделению труда. Уже в Тамуле обнаружено много предметов, полученных путем обмена. Найденные здесь многочисленные украшения из янтаря привезены с юго-восточного побережья Балтийского моря, а маленькие сланцевые долота — повидимому с северо-востока (ныне территория Карело-Финской ССР). Возможно также, что часть найденной в Тамуле керамики, резко отличающейся веревочным орнаментом от остальных сосудов, была привозной; отдельные черепки сосудов с таким орнаментом обнаружены на западном побережье Чудского озера, на стоянке Акали, и в Латвии, на стоянке Леяс-Цийскас. Наличие в Акали обломков сосудов с ёлочным орнаментом, аналогичным в погребениях скотоводов в Арду и Тика, свидетельствует о связях между общинами скотоводов и рыболовов-охотников. Материал со стоянки Тамула позволяет поставить вопрос о возможности, на основе дальнейшего развития рыболовства и охоты, перехода к патриархату.

Памятники, связанные с возникновением скотоводства, известны на всем восточном побережье Балтики. Довольно много боевых ладьевидных топоров найдено в Латвии, Литве и Калининградской области. В Финляндии их обнаружено свыше 600. Повидимому, скотоводство в этих областях возникло приблизительно в одно и то же время, распространяясь прежде всего в места, наиболее благоприятные по природным условиям, т. е. туда, где имелись хорошие естественные пастбища. В Латвии больше всего каменных боевых топоров найдено в западной части страны, преимущественно в низине р. Лиелупе (рис. 14). В Финляндии эти топоры концентрируются почти исключительно в юго-западной части, недалеко от побережья, где климат значительно мягче; суровые климатические условия севера и континентальность отдаленных от моря районов, очевидно, не способствовали в те времена развитию скотоводства. Не лишено интереса и то, что на многих, довольно ограниченных территориях развиваются особые формы ладьевидных топоров, характерные только для этих районов. За пределами последних они встречаются в виде единичных экземпляров, полученных, вероятно, путем обмена. Так, например, острообушные топоры, типичные для Эстонии, встречаются и в Финляндии, и, наоборот, топоры финских типов эпизодически обнаруживаются в пределах Эстонии, а в отдельных случаях даже южнее¹. Значительная часть боевых ладьевидных топоров происходит из могильников, пока еще недостаточно исследованных.

Рассматривая культуру первых скотоводческих племен Прибалтики, главным образом Эстонии, нельзя не поставить в высшей степени интересного вопроса о ее связи с фатьяновской культурой. Сопоставляя памятники, отметим следующее. Фатьяновские могильники размером крупнее, чем более или менее одновременные с ними эстонские; инвентарь значительно богаче, особенно керамика, встречающаяся в могильниках Эстонии лишь в единичных случаях. Фатьяновские могильники содержат довольно много бронзовых и медных изделий, в большинстве случаев местного производства. Фатьяновскую культуру поэтому относят к эпохе бронзы, тогда как прибалтийские могильники с ладьевидными топорами имеют неолитический характер; металлические изделия попадали сюда лишь в виде отдельных завезенных предметов. В фатьяновских могильниках встречаются кости свиньи, овцы, козы, коровы и лошади², тогда как в материале Прибалтики костей коровы и лошади пока не обнаружено.

¹ A. Europaeus. Eine in Weissrussland gefundene finnische Bootaxt, Księga pamiątkowa ku uczczeniu siedemdziesiątej rocznicy urodzin prof. dr. W. Demetrykiewicza. «Biblioteka prehistoryczna», I, Познань, 1930.

² А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. МИА СССР, 7, 1947, стр. 10.

Таким образом, можно заключить, что скотоводческие племена средне-русской территории по своему развитию стояли выше населения Прибалтики. У фатьяновцев существовали более крупные общественные коллективы, они умели обрабатывать металл, обладали значительно развитым скотоводством, которое появилось здесь раньше, чем в Прибалтике. Быстрому развитию его способствовали более благоприятные природные условия — широкие пойменные заливные луга у больших рек, каких нет в Прибалтике. Эти крупные реки соединяли территорию, занятую племенами фатьяновской культуры, с Причерноморьем, Кавказом и богатыми залежами различных руд Уралом.

Но, несмотря на различие, между обеими группами памятников нельзя не видеть некоторой общности. Несомненно, что между населением обеих территорий существовали некоторые связи. Вероятно, самым удобным путем была впадающая в Балтийское море Западная Двина, которая, начинаясь на Валдайской возвышенности, пересекает территорию нынешней Латвийской ССР, где были найдены боевые топоры, характерные для фатьяновской культуры, правда только в виде отдельных, плохо обработанных экземпляров.

Учитывая сходство эстонских топоров типа карлова с топорами, характерными для северной группы племен фатьяновской культуры¹, и исходя из того, что этот тип топоров не встречается в Латвии, можно предполагать, что древнее население Эстонии сообщалось с северными фатьяновскими племенами и какими-то иными путями.

Связь между прибалтийскими памятниками и памятниками фатьяновской культуры, устанавливаемая по наличию ладьевидных каменных топоров, должна быть тщательно исследована. Особое внимание нужно обратить на поиски соответствующих могильников на смежной с Прибалтикой территории — в западной и северной части Калининградской области, в Новгородской и Псковской областях.

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 30, рис. 8—12.

Л. В. ВАНКИНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ
ДО НАШЕЙ ЭРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИЙСКОЙ ССР

Эпоха развитой бронзы и раннего железа на территории Латвийской ССР начинается со второй половины II тысячелетия и охватывает I тысячелетие до н. э. Памятники этого периода изучены очень слабо. Ничтожное число находок бронзовых предметов (до 1908 г. их было обнаружено всего лишь шесть) привело буржуазных исследователей прошлого столетия к неправильному выводу о слабой заселенности Латвии в этот период и об упадке культуры, особенно в первые пять столетий до нашей эры. Однако археологические исследования последнего времени и случайные находки бесспорно свидетельствуют о дальнейшем развитии производительных сил и культуры населения Латвии этой эпохи. Археологические памятники, характеризующие этот период, состоят из случайных находок, могильников и поселений (рис. 21).

К случайным находкам относится около 60 бронзовых предметов (топоры, копья, браслеты, бритвы, пинцеты, пуговицы), собранных в различных частях страны. Некоторые из них напоминают такие же предметы из западных областей Литвы и Калининградской области (рис. 22).

Специальным археологическим исследованиям был подвергнут ряд могильников и отдельные поселения. Подавляющее число их расположено в местах, богатых пастбищами и удобных для скотоводства, нередко на берегах рек и озер (рис. 23). Исследовано несколько типов могильников: курганные могильники с каменными ящиками, курганные могильники с каменными кладками, курганные могильники с урнами, ладьеобразные могилы, грунтовые могилы.

Курганные могильники с каменными ящиками. К числу древнейших могильников этого типа относится группа курганов на правом берегу р. Даугава (Западная Двина), в 18 км от Риги, в местности Резнес Рижского района, исследованная в 1933—1935 гг. В прошлом эта местность представляла собой остров в 2,6 км длиной и 400 м шириной; сейчас она граничит с севера с древним руслом реки, заливаемым в половодье. Могильник состоит из семи курганов, высотой 2—3 м при диаметре 20—30 м. Исследование двух курганов этой группы (одного — полностью и другого — на две трети) показало, что мы имеем дело с большими коллективными могильными памятниками, в которых похоронены члены патриархального рода. Так, во втором кургане было вскрыто 310 погребений, расположенных в три яруса.

Верхний ярус содержал 59 каменных ящиков с каменной кладкой или без нее. Наряду с трупоположениями здесь встречены и гнезда с остатка-

ми трупосожжений. Глубина залегания каменных ящиков от поверхности кургана 15—20 см. Ориентировка их радиальная (узкой стороной к центру кургана). Все они сооружены из валунов или обломков доломита.

Средний ярус содержал 182 сожжения. В ящиках найдены бронзовые вещи: пинцеты, бритвы, шилья, а также глиняный горшок; в гнездах с остатками жженных костей обнаружены: янтарная двойная пуговица, каменный двулезвийный топор, высверлина из каменного топора и фрагмент бронзовой бритвы, сходный по типу со скандинавскими, датируемыми началом I тысячелетия до н. э.

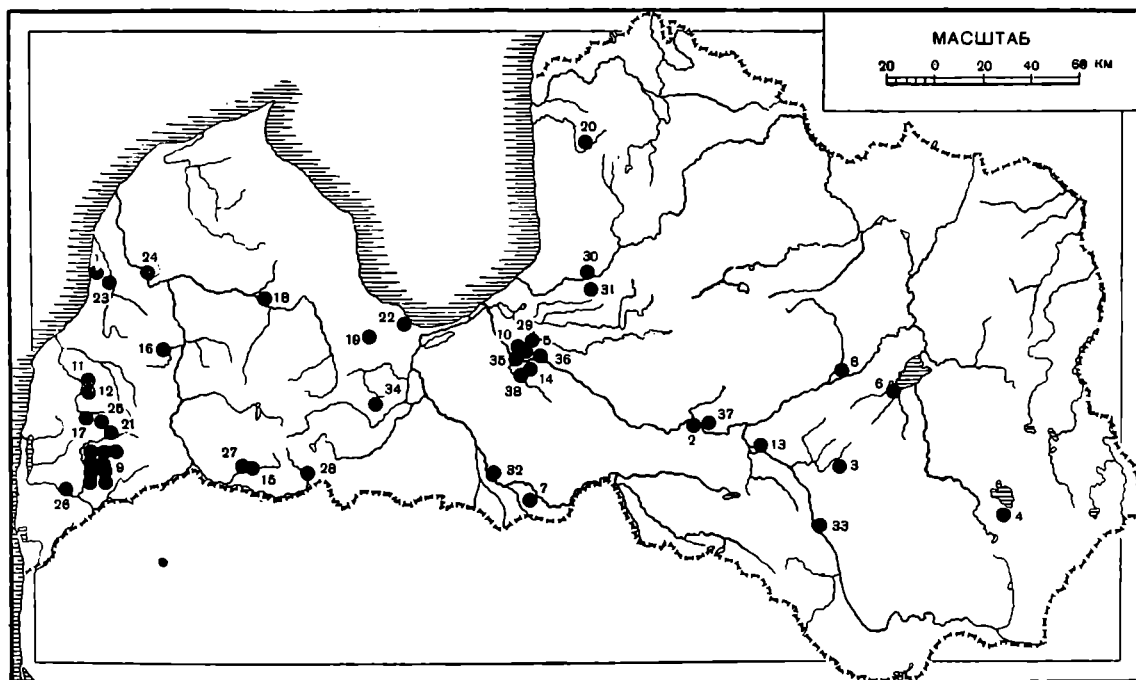

Рис. 21. Находки бронзовых изделий эпохи бронзы на территории Латвийской ССР (1500—500 гг. до н. э.).

1—8 — крылатые топоры (1 — Юрки, Алсунгского р-на; 2 — Алтене, Яунелговского р-на; 3 — Лейтани, Ливанского р-на; 4 — Дравниекс, Дагдского р-на; 5 — Парумба, Рижского р-на; 6 — Варакалянского р-на на зап. берегу Лубанского озера; 7 — Илвини, Бауского р-на; 8 — Сайкава, Мадонского р-на); 9 — клад из 7 боевых топоров и 2 браслетов (Калев, Приекульского р-на); 10 — боевой топор (Парумба, Рижского р-на); 11—21 — втульчатые топоры (11 — Гарзес, Айзпутского р-на; 12 — Смилши, Айзпутского р-на; 13 — г. Крустпилс, Крустпилского р-на; 14 — городище Кланги, Балдонского р-на; 15 — Калнен, Ауцского р-на; 16 — Снепеле, Кулдигского р-на; 17 — Скроделени, Лиепайского р-на; 18 — г. Сабиле, Кандавского р-на; 19 — Слампе, Тукумского р-на; 20 — Пале, Алойского р-на; 21 — Приекульский р-на); 22—33 — втульчатые копья (22 — Лапмеждиемс, Рижского р-на; 23 — Бирвиньки, Алсунгского р-на; 24 — Элекас, Вентспилского р-на; 25 — Лигуте, Лиепайского р-на; 26 — Варта, Лиепайского р-на; 27 — Калнен, Ауцского р-на; 28 — Юргайши, Ауцского р-на; 29 — Парумба, Рижского р-на; 30 — Яунамуйжа, Саулкрастского р-на; 31 — Дривини, Сигулдского р-на; 32 — Кугрени, Бауского р-на; 33 — городище Ерсика, Ливанского р-на); 34 — спиральная булава, Сипеле, Добельского р-на; 35 — массивный браслет, городище Кявуты, Рижского р-на; 36 — 2 пинцета, 2 бритвы, 2 шила, спираль, колечко (могильник Резнес, II курган Рижского р-на); 37 — коническая пуговка и колечки (могильник Калниеши, I курган Плявиньского р-на); 38 — наковечник стрелы (городище Кланги, Балдонского р-на).

Нижний ярус (наиболее древний) содержал 69 трупоположений. Костяки лежали на спине в вытянутом положении. Земляная засыпь могил — с вкраплениями мелких угольков, в некоторых местах довольно значительными. В центре кургана — каменный ящик (3,68×1,95 м при высоте 0,6 м) с мужским костяком. Повидимому, это погребение наиболее древнее. В могилах и в насыпи кургана (в 128 местах) найдены зубы лошади, что, возможно, указывает на большую роль коня в хозяйстве.

Могильник Резнес в целом относится к первой половине I тысячелетия до н. э.

Один из курганов, синхронный могильнику Резнес, частично исследован в 1948 г. Калниеши, вблизи Плявинас. В нем вскрыто 33 погребения

Рис. 22. Латвийская ССР. Предметы, относящиеся к эпохе бронзы ($\frac{2}{5}$ нат. вел.

с труположением и трупосожжением. Частично захоронения произведены в каменных ящиках (длиною 2—2,5 м), расположенных в несколько ярусов. Костяки лежали на спине в вытянутом положении. Среди вещей, сопровождавших умерших, необходимо отметить глиняную бусину, фрагмент изогну-

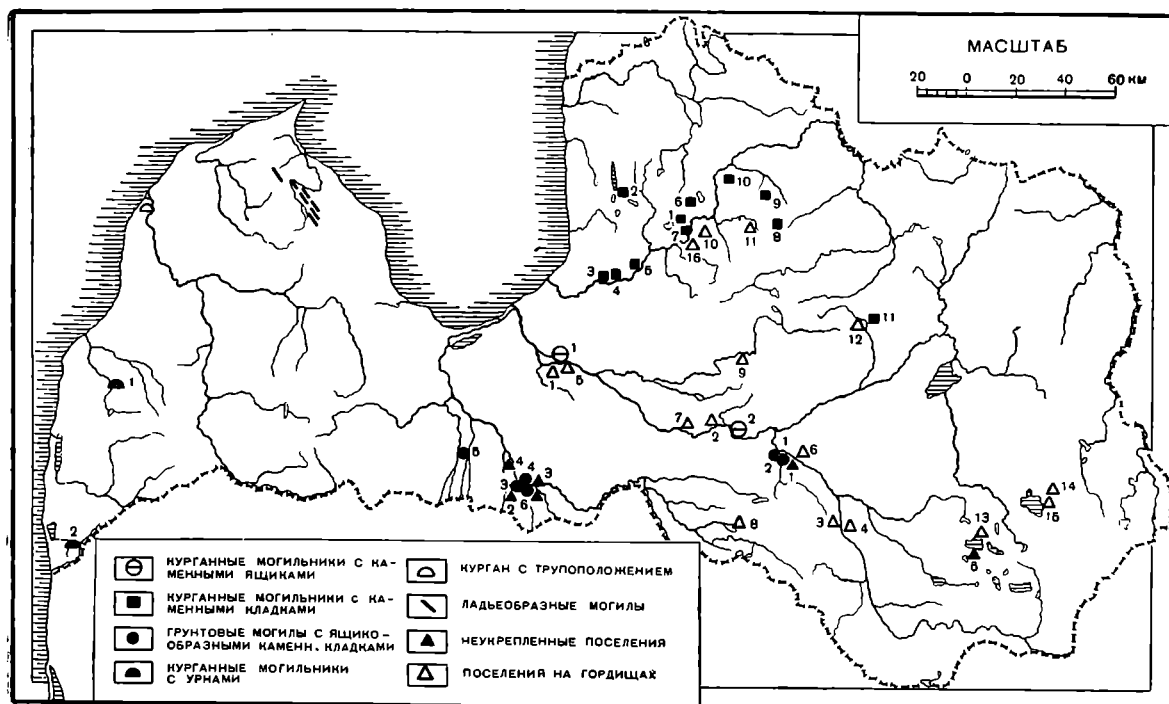

Рис. 23. Карта могильников и поселений I тысячелетия до н. э. на территории Латвийской ССР.

Курганные могильники с каменными ящиками

1 — Резнес, Рижского р-на; 2 — Калниеша, Плявиньского р-на.

Курганные могильники с каменными кладками

1 — Аудиемс, Цесисского р-на; 2 — Буллоумуйжа, Лимбажского р-на; 3, 4 — Яунамуйжа, Саулкрастского р-на; 5 — Путели, Саулкрастского р-на; 6 — Вайдава (усадьбы Мазгайдены, Стразды, Телмени, Лачи), восточный берег оз. Баузе, Валмиерского р-на; 7 — у реки Раксту, Цесисского р-на; 8 — Яунземи, Цесисского р-на; 9 — Римшас, Цесисского р-на; 10 — Авотини, Валмиерского р-на; 11 — Пунтузис, Мадонского р-на.

Грунтовые могилы с ящикообразными каменными кладками

1 — Ерцены, Екабпилсского р-на; 2 — Пормали, Екабпилсского р-на; 3 — Энедонская школа, Бауского р-на; 4 — Юмправмуйжа, Бауского р-на; 5 — Будениски, Елгавского р-на; 6 — Леяскроге, Бауского р-на.

Курганные могильники с урнами

1 — Дарзниеки, Айзпутского р-на; 2 — Башки, Лиепайского р-на.

Курган с труположением

1 — Стривки, Вентспилсского р-на.

Ладьеобразные могилы

1 — Мушиняс, Талсинского р-на; 2 — Либи, Талсинского р-на; 3 — Билави, Талсинского р-на; 4 — Заки, Талсинского р-на; 5 — Пауши, Талсинского р-на; 6 — Пой, Талсинского р-на; 7 — Плявини, Дундагского р-на.

Неукрепленные поселения

1 — Страутмали, Екабпилсского р-на; 2 — Страутини, Бауского р-на; 3 — Плудови, Бауского р-на; 4 — Ведгас, Елгавского р-на; 5 — Кристанини, Даугавпилсского р-на; 6 — Леяскроге, Бауского р-на.

Поселения на городищах

1 — Кланги, Балдонского р-на; 2 — Мукукалс, Огрского р-на; 3 — Дигная, Аквиетского р-на; 4 — Ерсика, Ливанского р-на; 5 — Даугмали, Балдонского р-на; 6 — Асоте, Крустпилсского р-на; 7 — Айзкраукле, Огрского р-на; 8 — Кулини, Неретского р-на; 9 — Лиелкалвы, Эргльского р-на; 10 — Сарумс, Цесисского р-на; 11 — Танисс, Цесисского р-на; 12 — Цесвайне, Цесвайнского р-на; 13 — Блажевицы, Малтского р-на; 14 — Говейки, Резекненского р-на; 15 — Вецслабада, Резекненского р-на; 16 — Арайжское, свайное поселение (в Цесисском р-не).

той бронзовой пластинки и коническую бронзовую пуговку с ушком. Последняя находит себе аналогию в соответствующих изделиях из курганов Калининградской области (б. Рантава), где они датируются концом II или началом I тысячелетия до н. э.

Трупосожжения представляли собой овальные или круглые в плане гнезда жженных костей диаметром в 20—50 см, залегающих плотным слоем

(мощностью до 10 см) в грунте. Умершие сжигались вместе с вещами вне могильника. Вещи найдены только в одном погребении — 13 фрагментарных деформированных огнем предметов. Все они, за исключением высверлины из каменного топора, сделаны из кости. Среди них: орнаментированные булавки, повидимому рыболовные принадлежности — гарпуны, стрелы и мелкие зубы животных. В насыпи кургана и непосредственно при погребениях найдены кости лошади и быка. Курган датируется первой половиной I тысячелетия до н. э.

На северо-западной стороне кургана, в глиняной супеси, на глубине 80 см, под тонким слоем мелкого доломита, был обнаружен костяк, лежавший в согнутом положении, головою на юго-запад. Отсутствие вещей не позволяет установить точную дату этого погребения. Однако, исходя из положения покойника и учитывая наличие скорченных захоронений в могильниках Эстонии и Калининградской области, можно предположить, что это захоронение — наиболее раннее из всех погребений кургана.

Курганные могильники с каменными кладками. Больше всего таких могильников обнаружено в северной Видземе: Ауциеме, Яунамуйжа, Путели, Вайдава, Римшас, Яунземи, Авотини, Пунтузис, Ракступите и Буллюмуйжа¹. Они расположены группами. Возвышения насыпаны из земли и камней и часто опоясаны каменным кругом.

Внутри курганов находятся каменные ящики (около 2 м длиной), выложенные из крупных цельных или расколотых валунов, имеющих плитчатую форму. Дно ящика обыкновенно сложено из мелких камней, а сверху он прикрыт каменной плитой. В некоторых курганах (в Пунтузисе, Ауциеме, Вайдаве) найдены янтарные двойные пуговицы, относящиеся к середине и второй половине I тысячелетия до н. э.²

Из перечисленной группы курганов наиболее полно обследованы путем систематических раскопок в 1929—1930 гг. курганы близ Буллюмуйжа. Они состоят из 30 насыпей, расположенных на склоне болотистой долины. Наибольший по величине курган имеет длину 35 м при ширине 22 м и высоте 3 м. Диаметр наименьшего кургана около 4 м. Форма большинства курганов округлая.

Всего исследовано четыре кургана, в которых обнаружены каменные ящики с труположениями и трупосожжениями.

Один из них (курган № 4) вытянут с северо-запада на юго-восток (длина 12,5 м). Удалось проследить, что первоначально курган был округлым и лишь постепенно расширялся в северо-западном направлении. Внутри кургана вскрыто несколько подразделений, опоясанных венцами из валунов. В первом отсеке находилось четыре ящика, сооруженных на грунте. В центральном ящике, длиной в 3 м, найден фрагмент бронзовой пластинки. Во втором подразделении находился один ящик, примыкающий к венцу из валунов первого отсека, в третьем — два каменных ящика, содержащих жженные кости. Дно одного из них было выстлано мелкими камнями. В ящике найдены орнаментированная костяная пластинка и черепки глиняной посуды слабого обжига с текстильным орнаментом. Все ящики покрыты слоем земли и камнями.

В кургане № 3 Буллюмуйжа были обнаружены маленькие каменные ящики, свидетельствующие о постепенной замене обряда захоронения в ящиках в начале нашей эры простыми каменными могилами, характерными для северной Видземе и Курземе.

Курганы с каменными ящиками, обнаруженные в Латвии, имеют аналогии в Эстонии и Финляндии. Подобные могилы, исследованные в Люгану-

¹ Н. Моора. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. I. Tartu, 1929.

² Х. А. Моора. Указ. соч., стр. 11.

зе (Эстония), содержат инвентарь, характерный в основном для второй половины I тысячелетия до н. э.¹ Повидимому, и рассматриваемые нами памятники Латвии можно отнести к тому же времени.

Грунтовые могилы. В южной Латвии обнаружены грунтовые могилы с ящиковидными каменными сооружениями или без них. Первый могильник этого типа исследован в 1927 и 1929 гг. в Ерцены Екабпилсского района, приблизительно в 3 км от г. Екабпиле. Он расположен в юго-восточной части Абельюсала — острова на Даугаве. Народное название этого места «Рагану Калнс» (Гора ведьм). В половежье захоронения размываются притоком Даугавы рекой Сака. Раскопки показали, что могильником пользовались длительное время, причем поздние захоронения разрушили ряд более ранних могил. Вскрыто 48 погребений с трупоположением и трупосожжением. Первые располагались в овальных ямах около 2 м длиной и 0,4—1,4 м глубиной. Ориентировка различная. Часть покойников положена в каменные ящикообразные сооружения, в других случаях камни положены в ноги или у головы погребенных. Костяки лежали на спине, в вытянутом положении. Вещей в могилах не найдено. Трупосожжения представляли собой гнезда жженных костей. В одном случае такое гнездо обложено камнями. Вблизи могильника обнаружено поселение.

Могильники описанного типа были исследованы и на левом берегу р. Лиелупе, в парке Зиедонской школы Бауского района. Обнаружено 13 могил, среди них шесть захоронений по обряду трупоположения, семь — по обряду трупосожжения. Здесь же обнаружены следы нескольких кострищ. При обряде трупоположения умершие погребались в сооружениях типа каменных ящиков. Один из костяков лежал в тщательно сложенном каменном ящике, на спине, в вытянутом положении и был прикрыт сверху земляной насыпью со слоем камней. В погребении найдены две кремневые и небольшая железная пластинки, черепок сосуда. Погребения с трупосожжением не отличались чем-либо существенным от таких же погребений в могильнике Ерцены.

Вблизи могильника на берегу р. Лиелупы, у усадьбы Страутини, обнаружено древнее поселение. На противоположном берегу р. Лиелупы, в Юмправмуйже Бауского района обнаружены памятник, подобный описанному, и поселение. Предварительные раскопки могильника вскрыли одно трупосожжение. Подобные могильники известны также в Пормали Екабпилсского района и в Будениеки Елгавского района. Отсутствие вещей во всех этих памятниках затрудняет датировку. Найденная во втором погребении Зиедонского парка железная пластинка позволяет отнести эти могильники к эпохе железа, приблизительно к последним пяти столетиям до нашей эры.

Курганные могильники с урнами встречаются в юго-западной Латвии. Раскопки одного из них, расположенного на северном берегу р. Зиле, в Дарзниеки Аизпутского района были произведены в 1935—1936 гг. Высота исследованного кургана 1,5 м, диаметр 18—20 м. В центре его, на глубине 80 см, обнаружена большая компактная кладка из камней, в середине которой находился маленький каменный ящик с урной, наполненной пеплом. Второй каменный ящик (2×1,2 м) с захороненным костяком, найден у края кладки. В насыпи памятника обнаружена также погребальная урна.

Три кургана с урнами известны на берегу р. Свентах, в Башках Лиепайского района. Все они расположены на лугу, у подножья небольшой (до 1 м высоты) возвышенности, в середине глубокой котловины. Высота

¹ M. Schmiedehelm. Ein Grabfeld vorrömischen Eisenzeit in Luganuse. «Sitzber. Gelehr. estn. Ges.», 1927.

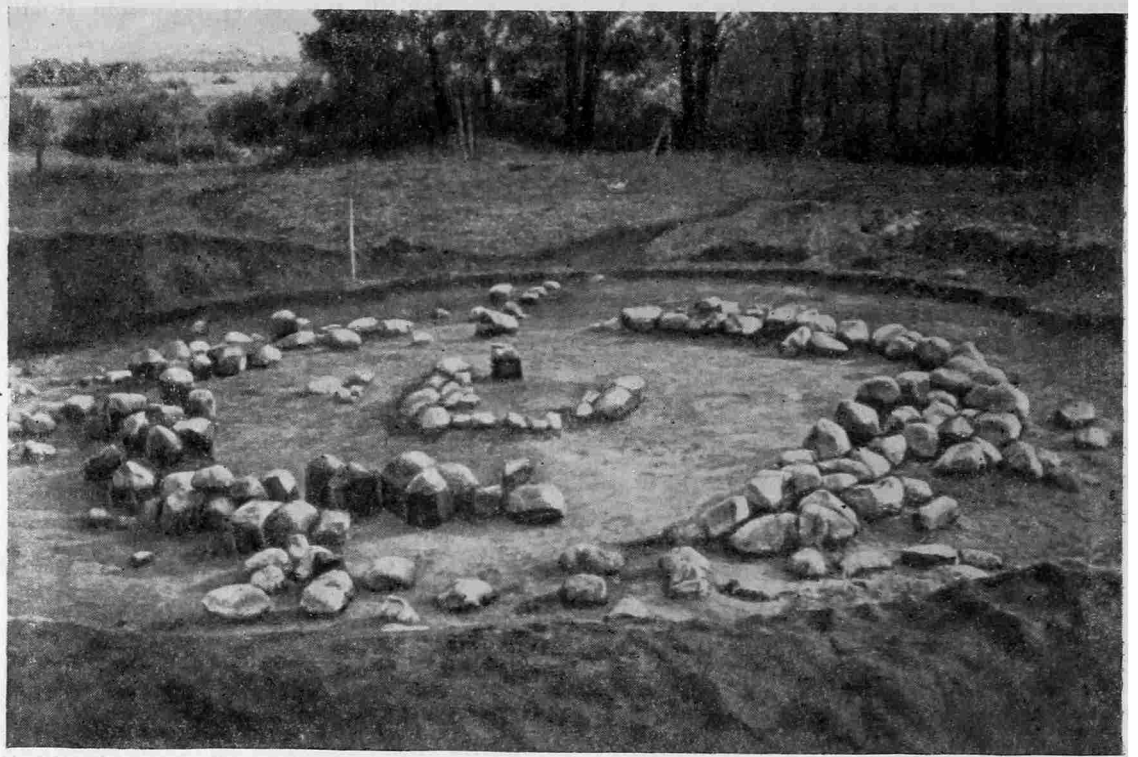

Рис. 24 а. Башки Лиепайского района.
Курган с погребальными урнами после вскрытия.

Рис 24 б. Разрез вала городища Кланги Балдонского района.

песчаных насыпей, обложенных венцами из крупных камней (рис. 24 а), 52—80 см, диаметр 14—18 м.

В центре одного кургана в слое темной земли, толщиной в 10 см, обнаружено подковообразное каменное сооружение, возможно часть центральной могилы с труположением. Всего в памятнике три урны. На глубине 13—15 см от поверхности найдена бронзовая фибула (может быть, выпавшая плугом из урны). С северной стороны кургана, вне каменного кольца, найдены фрагменты огня.

По типу эти захоронения имеют аналогию в памятниках Клайпедской области, где они датируются I тысячелетием до н. э.

Ладьеобразные могилы, так называемые «велна лайвас». В северной Курземе известно 11 могил этого типа, свидетельствующих о сношениях местного населения с Готландом и островом Оланде.

Помимо могильников, в Латвии обнаружено несколько поселений, относящихся к эпохе бронзы и раннего железа. Одно из них расположено в Страутмали Екабпилсского района. Здесь, в обрыве берега, был обнаружен культурный слой. При исследовании вскрыты два очага, сложенные из камней, в которых находилась керамика с шероховатой поверхностью и мелким зубчатым орнаментом.

Три поселения обнаружены на берегах р. Лиелупе. Одно из них — в Страутини Бауского района — имело культурный слой, мощностью в 50 см, богато насыщенный осколками обожженных камней, костями животных и керамикой с шероховатой поверхностью и шипковым орнаментом.

Во втором поселении — на противоположном берегу реки, близ усадьбы Плудони — были вскрыты остатки жилища в виде округлой ямы, диаметром в 3,30 м, глубиной 0,50 м, заполненной черной землей, перемешанной с углями. Стенки ямы достаточно отлоги. В середине жилища остатки каменного очага.

Наземная часть жилища, вероятно, представляла собой конический шалаш. В заполнении ямы встречены обломки толстостенных (1,3 см), плохо обожженных сосудов из глины со значительной примесью дресвы. Размеры сосудов сравнительно велики: высота до 35 см, диаметр до 28 см (рис. 25).

Третье поселение расположено в Ведгас Елгавского района на узкой полосе земли, вытянутой параллельно реке. Исследованиями 1931 и 1937 гг. здесь были обнаружены остатки очагов и бревенчатого строения, длиной около 3,5 м. У одной из стен жилища находилась очажная яма. Пол выстлан камнями.

Рис. 25. Плудони Бауского района
Глиняный сосуд, найденный в очаге жилища на поселении
(ок. 1/4 нат. вел.)

Среди культурных остатков на поселении встречены различные изделия из кости, керамика с шероховатой поверхностью и шипковым орнаментом, а также довольно много костей домашних и диких животных. Среди них кости и зубы свиньи, коровы, овцы, козы, лошади, ласки, бобра, а также кости рыб.

К югу от Даугавы поселения эпохи бронзы и раннего железа часто встречаются вблизи грунтовых могильников. Керамика, найденная в них, однотипна. Это обломки сосудов с шероховатой поверхностью, зубчатым узором и шипковыми вдавлениями, резко отличающиеся от керамики, типичной для погребений в каменных ящиках. Территориальная близость поселений и грунтовых могильников может служить некоторым основанием для предположения об их одновременности.

Керамический материал поселений, изделия из камня и кости (костяные булавки, остря) по своему характеру вполне аналогичны предметам из древних слоев городищ, известных на берегах р. Даугавы. Характерная керамика с шероховатой поверхностью найдена в 68 различных местах Латвии. Культура, к которой относятся исследованные памятники, заходит и в восточную Литву, где на городищах Великушкяй, Восгеляй и др. найдена аналогичная керамика и предметы из кости. Она имеет также некоторые общие черты с культурой городищ дьякова типа, распространенной в бассейне Верхней Волги.

Из укрепленных поселений этого периода наиболее систематически изучено городище Кланги Болдонского района, напротив острова Доле. Оно представляет собой отдельно стоящий холм, около 4 м высоты, с валом в юго-западной части (рис. 24 б). Согласно исследованиям 1935 г., культурный слой в середине городища имеет мощность в 60—70 см, на склоне же — до одного метра. В средней части напластования стратиграфически однородны, тогда как в разрезе укрепления отчетливо прослеживаются четыре слоя. Насыпь вала песчаная, но в центре ее находился двойной настил валунов. После разрушения первоначального укрепления был насыпан новый песчаный вал с мелкими камнями внутри.

На площадке городища обнаружены остатки жилищ — очаги и 30 деревянных обуглившихся столбов, вбитых в землю. Здесь же найдены фрагменты керамики. К сожалению, остатки столь фрагментарны, что не позволяют установить существовавший тип жилища.

Среди находок есть изделия из бронзы: топор, наконечник стрелы, датируемый серединой I тысячелетия до н. э., и две спирали. Из железа — нож и колечко. Изделия из кости представлены различными острями (в большом количестве), иглами для плетения сетей и фрагментом булавки. Найдены также каменные орудия и много грубой лепной толстостенной керамики, слабо обожженной, с плоским дном и заштрихованной внешней поверхностью. Наряду с грубой, найдена и более тонкостенная керамика с отпечатками ткани.

Следует отметить также находку фрагмента глиняной цедилки, характерной для лужицкой культуры. Тигли и литейные формы свидетельствуют о знакомстве обитателей городищ с техникой литья. Встречено много костей домашних животных, среди них зубы лошади.

Ближайшие аналогии костяным предметам, керамике и литейным формам рассматриваемого городища мы находим на городище Асва (Эстония).

Анализ найденного инвентаря приводит к выводу, что обитатели городища Кланги, помимо рыболовства, занимались и скотоводством. Строительство укреплений следует, повидимому, поставить в связь с борьбой патриархальных племен за обладание лучшими пастбищами и стадами домашних животных. Наиболее интенсивный период жизни на городище относится к I тысячелетию до н. э.

В 1899 и 1913 гг. исследовано городище, расположенное на горе Мукукалнс, на правом берегу р. Даугавы. Раскопки обнаружили культурный слой мощностью 0,3—1,3 м. Находки состояли из каменных и костяных предметов, толстостенной грубой керамики с штриховым орнаментом. В нескольких местах вскрыты каменные очаги, вблизи которых найдены зернотерки и многочисленные кости лошади, коровы, овцы, кабана, бобра, оленя. Городище датируется второй половиной I тысячелетия до н. э.

В 1939 г. исследовано городище Дигная, расположенное на отдельно стоящей доломитовой горе на левом берегу р. Даугавы. При раскопках в древних слоях найдено довольно много вещей: острия из кости, орнаментированные булавки, 14 фрагментов глиняных литейных форм, 54 фрагмента глиняных тиглей, сходных с тиглями из городищ Кланги и Асва, высверлина из каменного топора, кремневый наконечник стрелы и керамика с шероховатой поверхностью и щипковыми вдавлениями. На основании аналогии с находками в древних слоях городищ Латвии, Литвы, Эстонии и РСФСР нижний слой городища Дигная можно отнести ко второй половине I тысячелетия до н. э.

Рассматривая археологические памятники Латвийской ССР, относящиеся к I тысячелетию до н. э., необходимо отметить следующее. Производство у племен, обитавших в этот период на территории Латвии, по сравнению с предшествующей эпохой, поднялось на новую ступень развития. Значительно усилилась роль земледелия и скотоводства, о чем наглядно свидетельствуют найденные на поселениях зернотерки и кости домашних животных.

Небольшое число находок бронзовых предметов в указанных памятниках — еще не показатель упадка культуры, как полагали буржуазные археологи. Удаленность Латвии от источников сырья (меди, олова) и относительно слабо развитый обмен были причиной весьма ограниченного применения дорогого металла — бронзы. Значительная часть орудий для хозяйства еще долгое время продолжала изготавливаться из камня, кости и дерева.

В конце первой половины I тысячелетия до н. э. можно с несомненностью констатировать наличие местного производства бронзовых изделий; во второй половине этого тысячелетия появляются первые железные предметы.

Различие типов могильников и форм предметов, найденных в них, впервые позволяет сделать некоторые выводы об этнических образованиях этого периода на территории Латвии. Так, на севере от Даугавы каменные курганы с ящиками и обнаруженная в них текстильная керамика находят аналогию в погребениях Эстонии и Финляндии, где особенно хорошо прослеживается дальнейшее развитие этих памятников, что дает некоторое основание приписывать данные памятники предкам финских племен.

Расположенные к югу от р. Даугавы грунтовые могильники с каменными ящиками, связанные с ними поселения с характерной керамикой, отличающейся шероховатой поверхностью и орнаментом в виде зашипов, близко напоминающей керамику восточной Литвы и северной Белоруссии, предположительно можно считать принадлежащими балтийским племенам.

М. Х. ШМИДЕХЕЛЬМ

КАМЕННЫЕ МОГИЛЫ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЭСТОНИИ

В Эстонской ССР каменные могилы сосредоточены главным образом на северо-востоке, в прибрежной полосе исторической «земли» Вирумаа. Богатство и своеобразие этих могильников издавна привлекали внимание исследователей.

Первые научные раскопки произведены в 1887 г. в Тюрсамяэ П. А. Висковатовым¹. Не останавливаясь на истории изучения этих могильников², отметим, что несколько новых памятников раскопано за последние годы при новостройках Эстонской ССР.

Накопившийся в течение многих лет обширный материал дает возможность проследить отдельные этапы общественно-экономического развития примерно с середины I тысячелетия до н. э. и до VI в. н. э. в северо-восточной Эстонии с большей полнотой, чем в какой-либо другой части Эстонской ССР.

Большим недостатком, однако, является то, что подавляющее большинство находящегося в нашем распоряжении материала происходит из могильников и одного или двух кладов. Поселения до последнего времени не были исследованы. Только летом 1949—1950 гг. были произведены раскопки на городище Койла Кивиыльского района, где был обнаружен сравнительно тонкий культурный слой с находками сетчатой керамики, относящейся, возможно, к концу I тысячелетия до н. э.

Северная часть Эстонии представляет собой плато силурийского времени. Иногда оно круто обрывается к морю (так называемый глинт), иногда спускается пологими террасами. Плато имеет слабый наклон к югу и прорезывается небольшими, впадающими в Финский залив реками, береговые террасы которых имеют обрывистые, местами покатые склоны. Плато покрыто ледниковыми отложениями различной толщины. Наряду с так называемыми альварами, где известняк обнажается уже на глубине нескольких сантиметров, встречаются пространства с плодородной глинисто-песчаной почвой.

Западная часть рассматриваемой территории — окрестности г. Раквере — представляет собой возвышенность (до 150 м высоты), а юго-восточная — болотистую или же мало плодородную песчаную низменность.

¹ П. А. Висковатов. Тюрсельские раскопки. «Труды VII АС в Ярославле 1887», II, М., 1891, стр. 199 сл.

² Х. Моора. Археологические исследования в Эстонии за последние 20 лет. КСИИМК, вып. X, стр. 92 сл.

Говоря о последних веках до нашей эры и первой половине I тысячелетия н. э., нужно иметь в виду, что обширные лесные массивы занимали в то время несравненно большую площадь. Согласно исследованиям ботаников, леса покрывали не только пространства с плодородной почвой, но и бесплодные ныне альвары. Редкая древесная растительность была на морских и речных береговых террасах. Обилие лесов создавало большую чем теперь, влажность почвы, что благоприятствовало земледелию¹.

Каменные курганы с каменными же ящиками являются памятниками, относящимися к концу эпохи бронзы и началу эпохи железа. Наиболее исследована курганная группа в Кивиыльском районе, близ д. Напа, на краю долины р. Пурце², где вскрыто семь курганов. Диаметр их 7—13 м, высота 1 м. Под насыпью, состоявшей из земли и известняка, обнаружены ящики, сложенные из известняковых плит. Иногда в одном кургане встречалось по несколько таких ящиков; в них находились скелеты, мужские, женские и детские, и остатки трупосожжений. Из находок отметим костяную булавку с лопатовидной головкой (рис. 26—8), фрагмент такой же булавки, небольшое бронзовое шило, плоскую бронзовую спиральку, кремневый нож, кремневый скребок (рис. 26—7) и несколько кусочков железа. Некоторые ящики содержали только остатки костей. Малочисленность или полное отсутствие находок в каменных курганах с ящиками долгое время затрудняла датировку их. Однако все же удалось найти инвентарь, поддающийся более точной датировке.

Около д. Ябара раскопан плоский курган, диаметром 8—9 м (рис. 27—1). Под насыпью из известняка и земли в центре кургана обнаружен ящик из довольно толстых известняковых плит³. В этом центральном, очевидно наиболее древнем, ящике сохранились незначительные остатки костей. С востока к нему примыкал разрушенный ящик с погребением. В юго-восточной части кургана обнаружены еще два каменных ящика, в каждом по скелету. В одном из этих двух погребений найдены бронзовые шейная гривна и браслет, большой железный нож (рис. 26—1, 2, 6), в другом — фрагмент большого железного ножа. Шейная гривна напоминает скандинавские, датируемые V—IV вв. до н. э.⁴

Небольшой курган раскопан у д. Куура. Здесь обнаружен разрушенный каменный ящик, возле него остатки трупосожжения и лежавшие в ящике в беспорядке кости. Среди костей найдена железная булавка с кольцевидной головкой (рис. 26—12). Курган сохранил остатки окаймлявшей его ограды. Судя по другим аналогичным памятникам, в частности в Куусалу, такая ограда весьма обычна. Курганы с каменными ящиками чаще всего концентрируются группами, как, например, в Куусалу Локсаского района. Расположены они вблизи озера, реки или моря, на краю пологих спусков или на террасах (рис. 28). Отлогие склоны берегов и широкие долины рек были в то время естественными пастбищами. Можно предположить, что население, оставившее курганные могильники с каменными ящиками, занималось скотоводством, рыболовством и охотой. Судя по расположению могильников, поселения этого времени были удалены друг от друга на большие расстояния. На островах Сааремаа, Муху и Хийумаа, в прибрежной полосе северо-западной Эстонии, а также на озере Вириярв, т. е. в местах, благоприятных для скотоводства, могильники более сосредоточены. Ведущей отраслью хозяйства было скотоводство. В этот период некоторое значение уже приобрело земледелие, о чем свидетельствуют находки бронзовых

¹ По данным, представленным К. К. Орвику.

² Отчеты об упоминаемых в этой статье раскопках хранятся в секторе археологии Института истории Академии наук Эстонской ССР.

³ M. Schmiedehelm. Ein Grabfeld der vorrömischen Eisenzeit in Lügane. «Sitzungsber. d. Gelehr. Estn. Ges.», Тарту, 1925, стр. 119 сл.

⁴ Указ. соч., стр. 130.

серпов в Кивисааре, на северо-восточном берегу озера Выоцярвя и в Раазику, недалеко от Таллина.

К наиболее поздним курганам с каменными ящиками можно отнести курган в Куура. Найденная там железная булавка позволяет датировать его примерно I в. н. э.

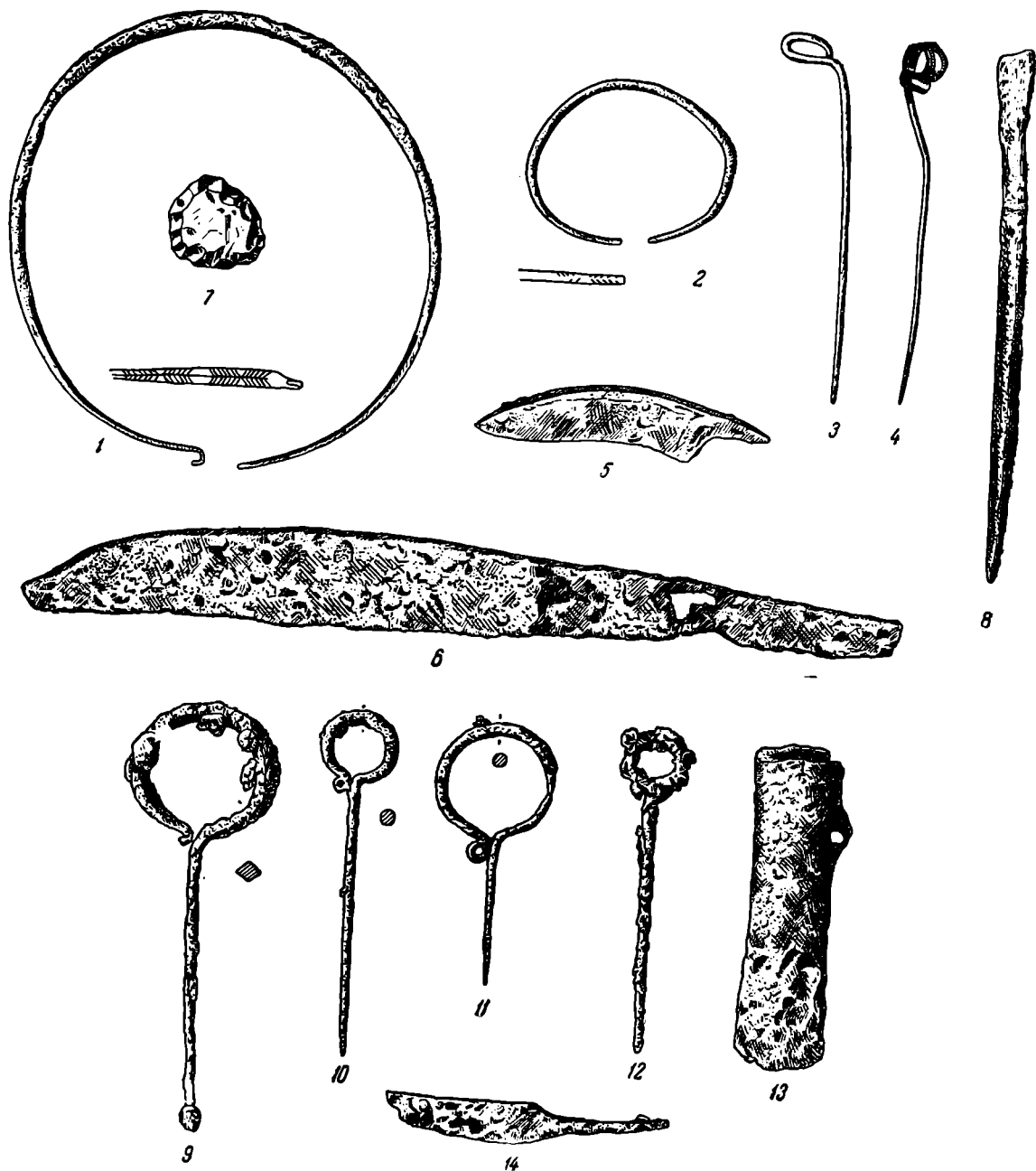

Рис. 26. Инвентарь каменных могил северо-восточной Эстонии.

1 — шейная гривна; 2 — браслет и 6 — нож, найденные в первом каменном ящике кургана А в Ябара; 3, 4 — булавки; 5 — нож из западной части могильника С в Ябара; 7 — кремневый скребок и 8 — костяная булавка из каменных ящиков в Напа; 9—14 — железные изделия начала нашей эры из северо-восточной Эстонии (9—11 — булавки и 14 — нож из Тойла; 12 — булавка из Куура; 13 — топор из Пурде).

Со II в. н. э. в Эстонии и северной Латвии появляются могильники иного типа — так называемые рядовые оградки. Они состоят из ряда прилегающих друг к другу четырехугольных каменных ограждений, ориентированных преимущественно с севера на юг. Длиной оградки обычно 7—9 м, шириной 2—3 м, иногда длина всего могильника 40—60 м. Некоторые оградки обнесены также низкой изгородью из известняковых плит, высотой

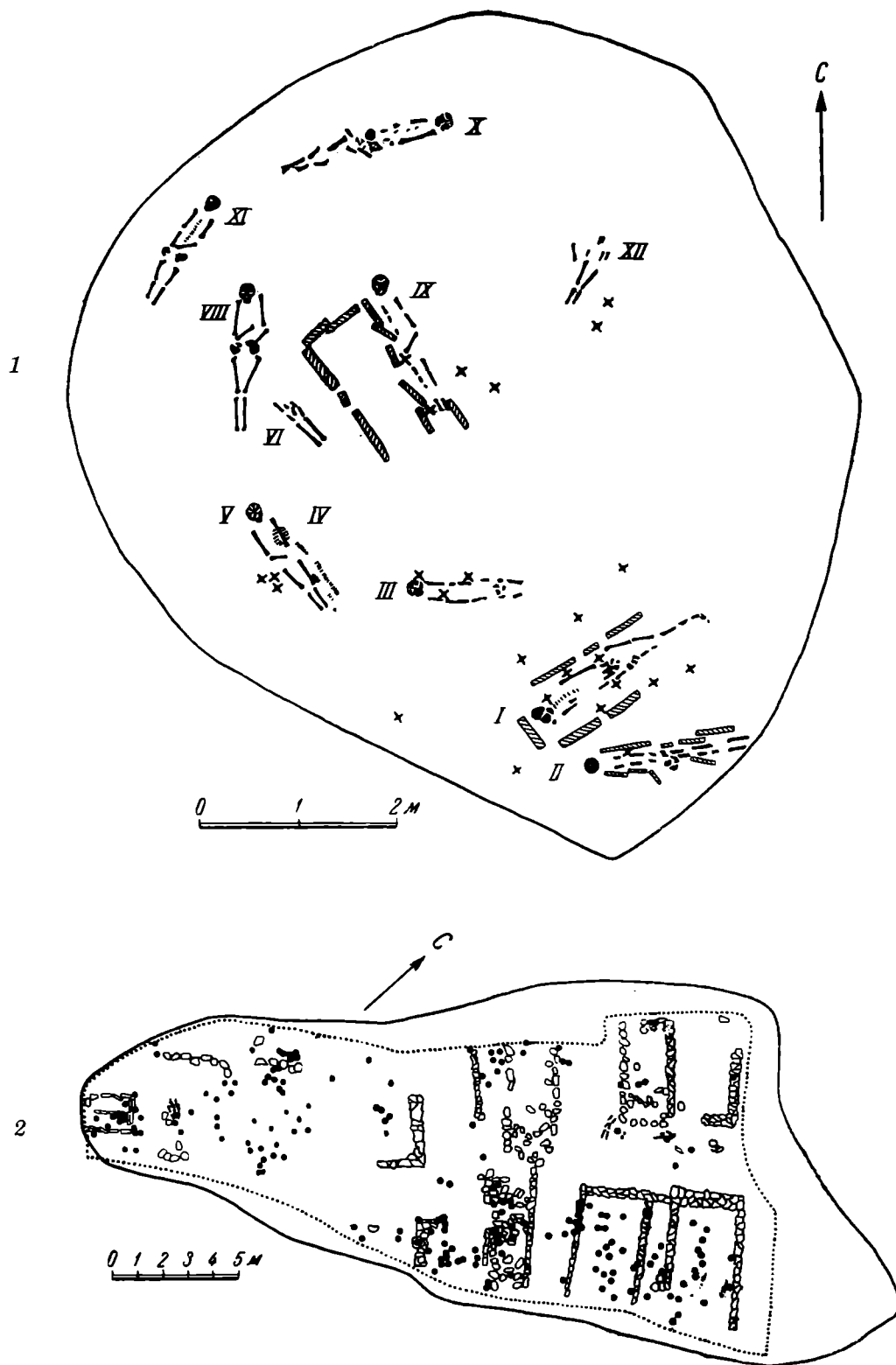

Рис. 27. Ябара. Курган и могильник.

1 — каменный курган А с ящиками. Крестиками обозначены находки; 2 — могильник-С; в западной части — два ящика, в восточной — рядовые каменные оградки.

до 50—60 см, или крупными валунами. Внутри оградки заполнены валунами или обломками известняковых плит, перемешанных с землей. Исследователи отмечают, что место, отводимое под могильники этого типа, предварительно выжигалось. Погребения в оградках совершались по обряду труположения или трупосожжения. Захоронения коллективные. Только в редких случаях удается выделить в погребениях по обряду труположения отдельные скелеты. Кости скелетов обычно перемешаны. Находимый здесь богатый инвентарь почти невозможно отнести к тому или иному погребению.

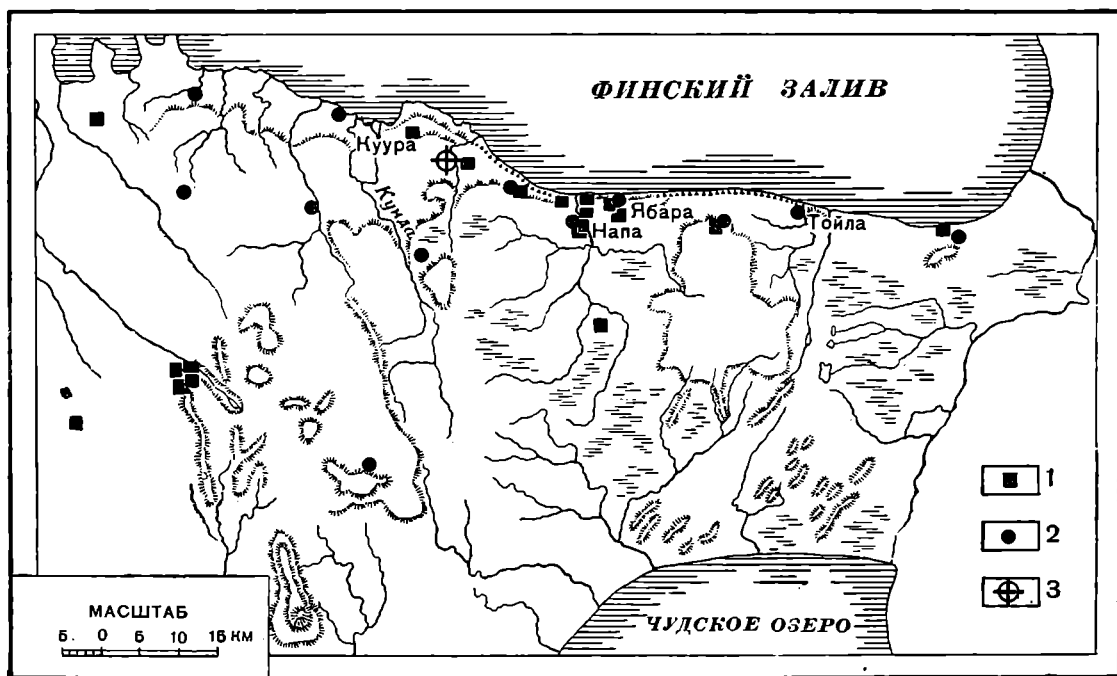

Рис. 28. Схема размещения археологических памятников конца бронзового и начала железного века (V в. до н. э. — I в. н. э.) в северо-восточной Эстонии.

1 — каменные курганы с ящиками; 2 — рядовые каменные оградки и случайные находки I в. н. э.; 3 — городище с культурным слоем начала железного века.

Могильники с рядовыми оградками генетически связаны с более древними погребальными памятниками — курганами с каменными ящиками. Эта связь выражается между прочим в том, что они встречаются иногда в непосредственной близости друг от друга, иногда даже под одной насыпью. В этом отношении представляет интерес могильник С в Ябара (рис. 27—2), содержащий два пристроенных друг к другу каменных ящика с незначительными костными остатками. К стенам ящиков примыкало погребение, обнесенное, повидимому, кругом из камней, столь характерным для курганов с каменными ящиками. Это погребение следует рассматривать как пережиток старого обряда захоронений. В нем найден браслет I—II вв. н. э. В западной части могильника обнаружены бронзовые булавки с расширяющейся и завернутой в трубочку головкой, четыре булавки с отогнутыми кольцеобразными головками и железный нож с выпуклой спинкой, датируемые началом нашей эры (рис. 26—3, 4, 5). В восточной части могильника найдены расположенные двумя параллельными рядами каменные четырехугольные оградки. Здесь встречен разнообразный инвентарь, отличающийся от находок в курганах с каменными ящиками: керамика, так называемые глазчатые фибулы, браслеты и другие изделия, относящиеся ко II в. н. э.

Инвентарь курганов с каменными ящиками и рядовых оградок настолько различен, что можно было предполагать какую-то промежуточную сту-

пень. Раскопки последних лет и некоторые случайные находки дали материал для разрешения этого вопроса.

Около дачного места Тойла Йыхвияского района исследован поврежденный земляными работами могильник. Здесь обнаружены четыре пристроенные друг к другу с запада оградки. Две из них обведены изгородью из валунов и заполнены камнями. Две другие обложены известняковыми плитами и заполнены обломками известняка и землей. В оградках обнаружены два, а местами и три слоя с погребениями. Верхний черный слой насыпи с большим количеством пережженных костей и угля содержал находки значительно более позднего времени (IX—XI вв. н. э.), хотя здесь же встретились и некоторые ранние предметы. Нижний слой значительно светлее, коричневатый; он содержал погребения по обряду трупоположения. Удалось проследить расположение некоторых скелетов. При двух или трех из них обнаружены полуразрушенные известняковые плиты, лежавшие наклонно, очевидно остатки каменных ящиков. Еще глубже, уже под каменной кладкой, находилось несколько грунтовых могил и местами встречался слой с трупосожжением.

В коричневатом слое с трупоположением найдены фрагменты керамики и ряд булавок с кольцеобразной головкой (рис. 26—9—11). При одном из более или менее сохранившихся костяков из этого слоя найден железный нож с выпнутой спинкой и длинным черенком (рис. 26—14). Этот весьма примитивный инвентарь близок к изделиям, встречающимся в поздних каменных ящиках. Таковы булавки с кольцеобразной головкой, очевидно местного производства, сменившие костяные¹.

Нижний слой могильника Тойла (с трупоположением), можно, очевидно, отнести к I в. н. э. Инвентарь этого памятника отличается от инвентаря остальных каменных оградок; в то же время он типичен для определенной стадии развития. Булавки с кольцеобразной головкой найдены в кургане с ящиком под насыпью, сложенной из камней (Кыпу на о. Хийумаа), и в таком же «каменном кургане» в Рандвере (о. Сааремаа). Несколько подобных булавок обнаружено в могильнике у дер. Нава, в 35 км к северу от Тарту, открытом в 1945—1946 гг. Х. Моора. В этом курганном могильнике с трупосожжением, насыпь которого сложена из камней, как и в могильнике Тойла, встречались и грунтовые захоронения. В одном из них найдена бронзовая булавка с кольцеобразной головкой; другая такого же типа, но железная найдена при костяке, обнаруженном под четырехугольной каменной кладкой; 25 железных булавок с кольцеобразной головкой разных типов найдены около д. Тамса, в 25 км к югу от Тарту. Могильник у д. Тамса, к сожалению сильно разрушенный, содержал, очевидно, грунтовые погребения. Кроме булавок, здесь найдено несколько серповидных железных ножей, четыре простых бронзовых браслета и несколько осколков кремня. Все эти находки следует отнести к I в. н. э. Концом этого века или началом следующего можно датировать железные топоры со втулками (рис. 26—13) и черенками. Такие топоры клались в могилы в течение, повидимому, недолгого времени, так как в могильниках Эстонии их обнаружено сравнительно мало².

Таким образом, можно прийти к выводу, что в I в. н. э. сохранялся еще древний обряд захоронения в каменных ящиках, но наряду с этим появился новый вид могильников — каменные оградки. Инвентарь ранних каменных оградок совпадает до известной степени с инвентарем каменных ящиков. В северо-восточной Эстонии курганы с каменными ящиками исчезают на рубеже I—II вв. н. э. Каменные рядовые оградки с коллективными

¹ Об этих булавках см. Н. Моора. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. «Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused», XXIX, Тарту, 1938, стр. 168 сл.

² Х. Моора. Указ. соч., стр. 501.

захоронениями становятся единственной формой погребальных памятников. В ранних памятниках этого типа преобладает труположение, в III—IV вв. — трупосожжение. В могильном инвентаре появляются новые формы. Прimitивные железные булавки сменяются украшениями из бронзы. Это — глазчатые фибулы, появляющиеся преимущественно во II в., некоторые типы профилированных фибул, браслеты с утолщениями на концах,

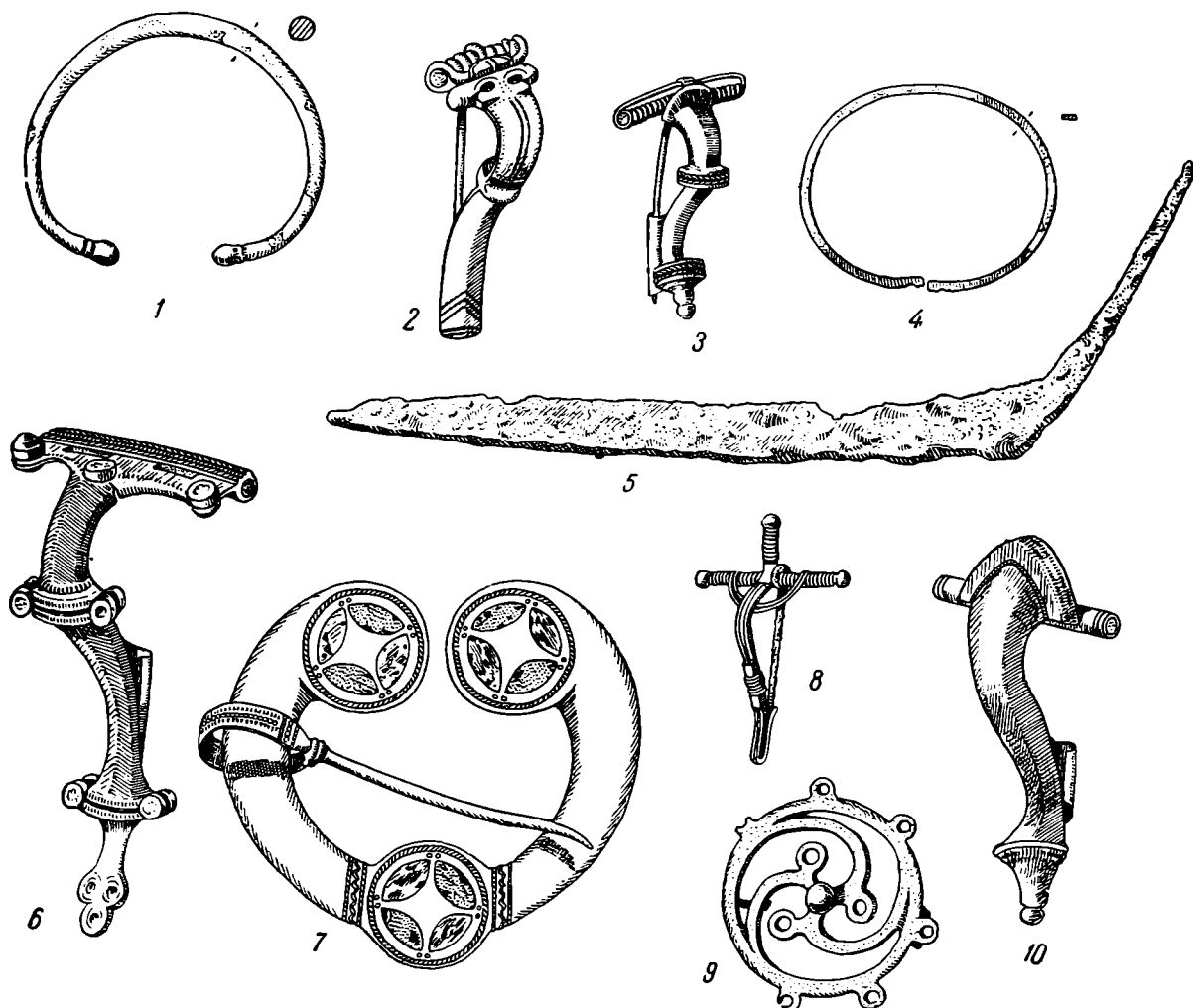

Рис. 29. Изделия II — IV вв. н. э., типичные для северо-восточной Эстнии.

1, 4 — браслеты; 2, 3 — глазчатая и профилированная фибулы; 5 — нож; 6 — перекладчатая фибула типа Тюрсамья; 7 — подковообразная фибула с эмалью; 8 — арбалетная фибула; 9 — дискообразная фибула; 10 — фибула с головным щитком. Все изделия из бронзы, кроме железного ножа 5 (1—5 — II века, 6—10 — III—IV века).

тонкие четырехгранные браслеты (рис. 29—1 и 4), шейные гривны с массивными или полыми трубчатыми концами и пр. Встречаются разнообразные формы ножей, в частности серповидные (рис. 29—5).

С III в. изготавливаются полые глазчатые фибулы более крупных размеров, некоторые типы фибул с головным щитком. Прежние узкие браслеты расширяются, браслеты с утолщенными концами выходят из употребления.

Новыми украшениями являются тонкие изящные арбалетные фибулы, в частности такие, головка и ось спиральки которых оканчиваются обмотанными проволокой удлинениями (рис. 29—8). Появляются украшения с выемчатой эмалью, дискообразные фибулы разных видов (рис. 29—6, 7, 9), стеклянные бусы и т. д. Могильники теперь очень богаты костным материалом и другими находками. Характерно расположение каменных оградок.

Ранние могильники, датируемые находками I в. н. э., как и курганы с каменными ящиками, расположены вблизи водоемов. Некоторые из них возникли рядом с курганами. Проникновение ранних каменных оградок в глубь лесных массивов отмечается лишь в единичных случаях. Иную картину дает распространение каменных оградок со II в. н. э. (рис. 30). В некоторых случаях они продолжают существовать на тех же местах, где были известны более древние могильные памятники. Например, могильник Ябара использовался с V—IV вв. до н. э. до VI в. н. э. Очевидно, природные условия позволяли заниматься здесь и скотоводством и земледелием. Устье р. Пурце со II в. н. э. заселено слабее, чем в предыдущий период.

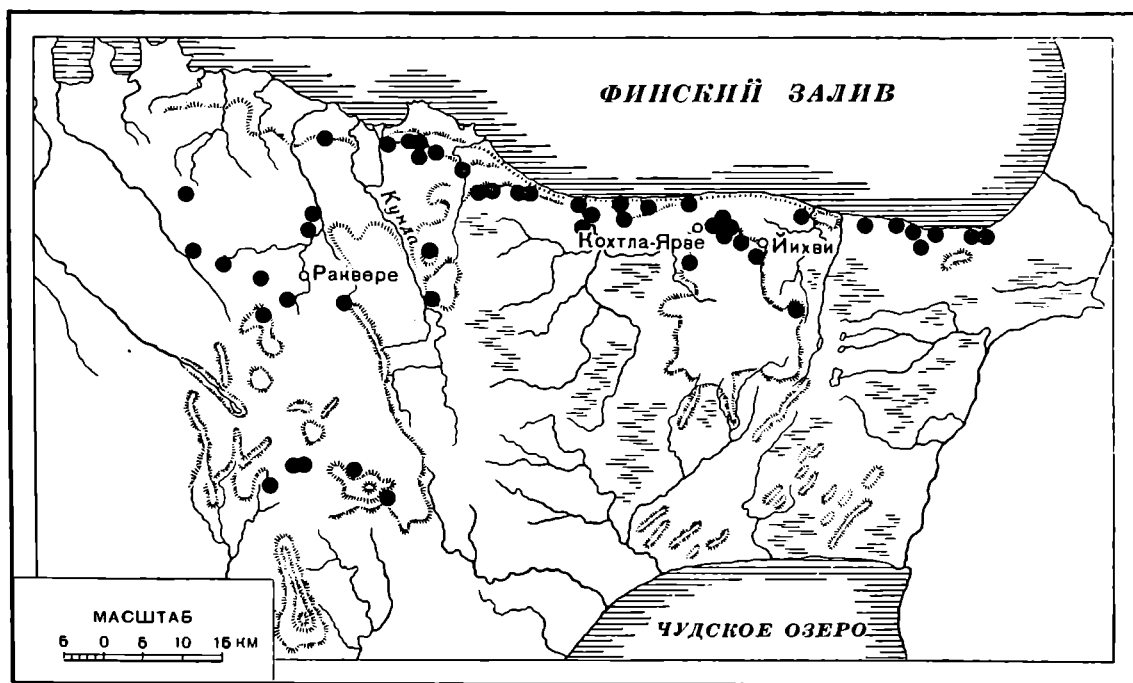

Рис. 30. Схема размещения могильников с каменными оградками II—V вв. в северо-восточной Эстонии.

Рядовые каменные оградки возникают около Кунда, на возвышенном плато между Кохтла-Ярве и Йыхви, а также около г. Раквере, т. е. на юго-запад от района концентрации курганов с каменными ящиками.

Таким образом, можно отметить, что могильники, а повидимому, и поселения уже не связаны с долинами рек. Распространение находок II—V вв. н. э. показывает, что население заняло в то время преимущественно плодородные возвышенные моренные пространства восточной и южной Эстонии. Западная же низменная часть ЭССР и острова с мало плодородной почвой были заселены очень слабо. Пески и болота на севере Чудского озера также остаются попрежнему незаселенными. Подобное явление этого времени наблюдается и в других частях Эстонской ССР.

Проникновение населения на лесные пространства, где почва наиболее плодородна, показывает, что скотоводство уже не могло быть основной отраслью хозяйства и что оно уступило свое ведущее место подсечному земледелию. Рост производительных сил вызвал дальнейший рост населения. При занятии жителей скотоводством поселения отстояли друг от друга далеко, так как были связаны со сравнительно немногочисленными и редко встречающимися естественными пастбищами. Занятие же подсечным земледелием дало возможность расселяться более равномерно.

П. Н. Третьяков показал, что при подсечном земледелии общественным коллективом выступает уже не родовая, а семейная община — большая

семья¹. Можно предположить, что наши каменные оградки с коллективными захоронениями свидетельствуют о существовании таких семейных общин. При единообразии характера погребений в рядовых каменных оградках, в деталях обряда погребения и в инвентаре прослеживаются местные особенности. Помимо северо-восточной, четко выделяются группы в северной Эстонии (около г. Таллина), около г. Пайде в средней Эстонии, к югу от г. Тарту, около г. Вильянди. Очевидно, эти различные группы погребений принадлежали разным племенам, следы существования которых частично сохранились и известны нам по территориальному подразделению остатков материальной культуры X—XII вв.

Распространение рядовых каменных оградок не ограничивается территорией Эстонской ССР, а захватывает северную часть Латвийской ССР, где они также располагаются на плодородных возвышенностях². Повидимому, и здесь жители занимались преимущественно подсечным земледелием. Латвийская группа каменных оградок по типу находок примыкает к южноэстонской, резко отличаясь от других погребальных памятников Латвии. Каменные оградки несколько иного характера и меньших размеров встречаются и в юго-западной Финляндии.

В 1910 г. у д. Солоницко близ Старой Руссы В. В. Александровым был открыт каменный могильник, представляющий большой интерес³. План и отчет о раскопках не дают, к сожалению, указаний, существовали ли здесь оградки или это была сплошная кладка, встречающаяся и в Эстонии в более поздних могильниках. В могильнике у д. Солоницко обнаружено трупосожжение. Наряду с более поздними предметами здесь найдены вещи III—IV вв., характерные для восточной Прибалтики. Этот памятник несомненно имеет какую-то связь с каменными могильниками Эстонии и северной Латвии.

Подсечное земледелие, скотоводство, охота на пушного зверя и обработка металла — привозной бронзы и железа, добываемого из местных болотных руд, — создавали благоприятные условия для обмена. Для древнего населения Эстонии характерен обмен, прежде всего с племенами соседних территорий. Обмен связывал территорию Эстонской ССР, однако, и с весьма отдаленными землями. Стекланные бусы с позолотой, находимые в большом количестве в могильниках Эстонии, завезены из римских провинций. Оттуда же происходят монеты, правда немногочисленные, и несколько фибул. Характерные изделия, украшения с эмалью — указывают на связь Эстонии с Приднепровьем. В Прибалтике эти находки встречены преимущественно в восточной части Литвы и Латвии и в северо-восточной Эстонии, откуда они проникают в другие районы распространения каменных оградок⁴.

Несмотря на сходство этих изделий с приднепровскими, в них есть ряд особенностей, указывающих на их местное производство. Для северо-восточной Эстонии типичны большие подковообразные фибулы с широкой выгнутой дужкой и с покрытыми эмалью круглыми щитками, большие полые перекладчатые фибулы с эмалевыми пуговками (типа Тюрсаамяэ и др.). Но здесь совершенно не встречаются типичные для Приднепровья вещи с эмалью — лунницы, широкие браслеты, плоские прорезные фибулы и т. д. Прорезная фибула без эмали, найденная в южной

¹ П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Изв. ГАИМК, т. XIV, вып. I, Л., 1932, стр. 3 сл.

² Х. Моора. Указ. соч., стр. 1 сл., карты I и XV.

³ V. V. Alexandrov u. A. M. Tallgren. Funde aus der römischen Eisenzeit im Gouv. Novgorod. ESA, V, стр. 100 сл.

⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. 1948, стр. 49 сл.; Х. Моора. Указ. соч., стр. 100 сл.

Эстонии, повидимому, привозная¹. Подвеску из Ябара в виде двух соприкасающихся вершинами треугольных полых бляшек, аналогия которой имеется среди находок на Медведевском городище (берег оз. Бологое)², следует также считать импортной.

Географическое положение северо-восточной Эстонии дало возможность использовать морской путь для связей с остальной Прибалтикой. Некоторые типы фибул (глазчатые, часть арбалетных) и другие украшения указывают на связи с территорией нижнего течения Вислы и нынешней Калининградской областью. В то же время изделия, изготовленные, несомненно, в северо-восточной Эстонии, найдены не только в Финляндии, но и далеко на севере, на побережье Ботнического залива.

Привозные изделия, встреченные в рядовых оградках северо-восточной Эстонии, порождали местные формы. Например, глазчатые фибулы очень крупных размеров, выделка которых возникла под влиянием завезенных, доживают здесь до начала V в. н. э. Местные формы распространяются по всей территории северо-восточной Эстонии, занятой могильными памятниками этого типа. Концентрация могильников, обильный инвентарь и значительное число захоронений в каменных оградках дают основание сделать вывод, что социально-экономическое развитие здесь шло быстрее, чем в других частях Эстонии. Этому содействовали благоприятные условия для подсечного земледелия и приморское положение района.

Находки в рядовых оградках прекращаются обычно на рубеже V—VI вв. н. э. Раскопки показали, что в это время погребальный инвентарь (поздние арбалетные фибулы, некоторые шейные гривны и др.) часто находится не внутри оградок, а за их пределами. Очевидно, в V в. новых оградок уже не строили. С этого времени начинается новый этап в развитии социально-экономического строя древней северо-восточной Эстонии — распадение больших семей.

¹ «Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga», Riga, 1896, табл. 72.

² П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА СССР, № 5, 1941, рис. 46—г.

П. Ф. Т А Р А С Е Н К О

ГОРОДИЩА ЛИТВЫ

Наиболее распространенными в Литве памятниками древности являются городища — пилкальнисы. Число их в Литве достигает полутора тысяч. В других советских республиках Прибалтики их значительно меньше. Так, в Латвии зарегистрировано около четырехсот пилкальнисов, в Эстонии примерно полтораста.

На территории Литовской республики городища распространены очень неравномерно. Среди них необходимо различать два основных типа памятников — оборонительного назначения и обрядовые, культовые. Особенно много пилкальнисов в северо-западных областях Литвы — Жемайтии (Жмуди) и в восточной части — Аукштайтии.

Географическое размещение и ряд характерных внешних признаков пилкальнисов Жемайтии заставляют отнести их к оборонительным сооружениям феодальной эпохи — периоду ожесточенной борьбы литовского народа с немецкими рыцарскими орденами в XIII—XIV вв.

Большинство пилкальнисов в Аукштайтии иные и по своему географическому размещению и по типовым особенностям. Эти особенности подметил еще Л. Крживицкий, указав на их характерные признаки, а именно: отсутствие искусственных укреплений, естественное происхождение городищенских холмов, насыщенность культурных слоев различными древними изделиями¹.

Наблюдения Л. Крживицкого могут быть в настоящее время значительно дополнены и исправлены. Прежде всего, наряду с холмами естественного происхождения, не имеющими ни рвов, ни валов, в Аукштайтии встречается немало пилкальнисов с различными оборонительными сооружениями.

Культурные слои на некоторых пилкальнисах Аукштайтии залегают не по всей площади памятников, а только на части их верхних площадок, на склонах и у подножия холмов. Они состоят из золы или рыхлой смеси мелкого угля и золы, среди которых часто встречаются остатки костров, покрытых камнями. Городища с таким культурным слоем А. А. Спицын относит к обрядовым².

Однако определение этих памятников требует более тщательных исследований. Так, раскопанный в начале нынешнего века Л. Крживицким

¹ Л. Крживицкий. Последние моменты неолитической эпохи в Литве. Сборник в честь семидесятилетия проф. Д. Н. Анучина, М., 1913, стр. 301—308.

² А. А. Спицын. Городища дьякова типа. ЗРАО, т. V.

Мошкенско-Лаукупенский пилкальнис¹ был отнесен А. А. Спицыным к обрядовым городищам дьякова типа². Между тем, согласно позднейшим исследованиям других обрядовых пилкальнисов, определение А. А. Спицыным Мошкенско-Лаукупенского пилкальниса как обрядового городища не подтверждается. Указанный памятник — обыкновенный поселковый пилкальнис.

Лишь позднейшие исследования аукштайтских пилкальнисов, среди которых было обнаружено несколько городищ действительно обрядового назначения, дали возможность выделить и уточнить наиболее характерные признаки памятников этого типа.

1. Великушский пилкальнис Дусятской волости, Зарайского уезда, исследованный в 1933 г., находится на возвышенном берегу озера Сартай. Он представляет собой холм естественного происхождения с овальной в плане (40 × 25 м) горизонтальной площадкой верха. Высота холма с южной и восточной напольных сторон 4 м. Западный и северный склоны, круто спускающиеся к озеру, достигают высоты 22 м. Культурный слой темного цвета, состоящий из рыхлой смеси угольков, золы и песка, покрывал южную часть площадки городища и прилегающую к холму часть поля. В культурном слое найдены кости домашних и диких животных, костяные изделия, черепки глиняной посуды и камни со сглаженной поверхностью, диаметром в 10—15 см. Мощность культурного слоя у южного края достигала 70 см, постепенно уменьшаясь к северу; примерно у середины площадки городища следы культурного слоя исчезали. В разных местах южной части пилкальниса обнаружены каменные кладки (от 5 до 12 камней). Они покрывали остатки кострищ, залегавших иногда непосредственно в культурном слое, иногда же на глиняных или песчаных площадках диаметром 1—1,5 м. Между камнями кладки и в остатках кострищ встречались мелкие пережженные кости человека. Сами же камни и обнаруженные вокруг кострищ кости домашних и диких животных, водоплавающих птиц и рыб следов действия огня не имели. Совершенно не тронуты огнем и находившиеся здесь каменные топоры, костяные изделия и довольно многочисленные черепки глиняных горшков разного вида и размера. Как неизменную и характерную черту кострищ необходимо отметить присутствие в них кусков красной и желтой охры.

Детальное исследование 15 кострищ, обнаруженных в разных местах культурного слоя на площадке пилкальниса, показало, что это остатки трупосожжений.

Кроме того, на северной оконечности культурного слоя (середина площадки городища), на глубине 15—20 см, обнаружено неполное двойное трупосожжение. В глинистом грунте была вырыта яма, диаметром около 1,2 м и глубиной 30 см, с выровненными чашеобразными краями. На дне углубления, на крупных кусках древесного угля, лежали два сильно поврежденных огнем скелета. Один из них лицом вверх, другой вниз. На черепках лежало по небольшому камню. Подле одного скелета лежал железный рыболовный крючок, подле другого — черепок с чеканным орнаментом. На дне ямы обнаружено несколько кусков красной охры, обуглившиеся зерна ячменя и пшеницы, полусожженные кусочки льняной ткани и узелки рыболовной сети. Ввиду сильной поврежденности костей огнем, выяснить возраст и пол людей не удалось.

Вещевой инвентарь, обнаруженный при трупосожжениях, можно датировать серединой и концом I тысячелетия до н. э. — концом эпохи бронзы

¹ L. Krzywicki. Grodzisko na górsa Oscikowg, pod Rakisikami Pam. Fisiogr. т. XXIV, 1917.

² А. А. Спицын. Литовские древности. «Tauta is Zodis», т. III, Каунас; В. И. Сизов. Дьяково городище близ Москвы. Труды IX АС, т. II, 1897.

и временем раннего железа в Литве. Наиболее ранними орудиями следует считать каменный клиновидный топорик с суженным обушком и расширенным острием, обушок ладьевидного топора и незаконченную отделкой шестигранную каменную булаву. К более поздним (последний век до нашей эры и I в. н. э.) изделиям мы относим две железные булавки с утолщенными головками и железный рыболовный крючок, обнаруженный при одном из скелетов неполного трупосожжения.

Раскопки культурного слоя у подножия пилкальниса показали, что холм с напольной стороны был окружен четырьмя рвами, отделенными друг от друга невысокими валами. Выяснилось, что эти оборонительные сооружения созданы не одновременно, а в течение двух периодов.

В ранний период, синхронный трупосожжениям на площадке пилкальниса, холм был окружен только одним валом и рвом, выкопанным в нижней части склона. Глубина рва 0,5—0,8 м, ширина 1,5—2 м. Дно рва заровнено и покрыто слоем глины, поверх которого залегали культурные отложения.

Позднее у подножия пилкальниса, также с напольной стороны, были выкопаны еще три рва, отделенные друг от друга валами. Глубина внутреннего рва у южного его конца 2,5 м, ширина 4—5 м. Другие два — меньших размеров. Культурный слой заполнял и эти рвы, а также покрывал оба разделяющих вала отложениями, мощностью до 0,5 м.

Рвы и валы постепенно уменьшались к северному их концу и у подъема на склон холма совершенно исчезали. Встает вопрос, имели ли они оборонительное значение. Их расположение, незначительная величина, постепенное уменьшение к северному концу, следы сплошных костров на дне рвов и ряд камней, положенных на всем протяжении большого внутреннего рва, заставляют дать отрицательный ответ.

Раскопки культурного слоя, заполнявшего рвы, подтвердили, что они сооружены не для оборонительных целей, их назначение то же, что и всего пилкальниса в целом.

В культурном слое рвов обнаружено двадцать два трупосожжения, подобных трупосожжениям на вершине холма. Для некоторых из них также устроены площадки из глины или песка. В разделявших рвы валах найдены отдельные ямки, диаметром до 50 см и глубиной до 25 см, служившие, как выяснено, для хранения остатков трупосожжений. Ямки были заполнены золой, в которой встречались остатки обожженных человеческих костей и различных вещей инвентаря. В некоторых случаях состав инвентаря указывал на совместное погребение — мужское и женское. Так, например, в одной из ямок вместе с железным копьем найдено глиняное пряслице.

В состав инвентаря трупосожжений в рвах входили различные железные изделия, пластинчатый серебряный бласлет и фрагмент шейной гривны из толстой серебряной крученой проволоки. В целом, вещевой инвентарь из рвов датируется I—IV вв. н. э.

Как своеобразную черту погребального ритуала, необходимо отметить, что куски охры, постоянно попадающиеся в трупосожжениях на вершине холма, здесь, в рвах, сменились кусками непережженной или пережженной железной болотной руды.

Окрашивание трупа охрой или подсыпка охры в могилу (в данном случае в кострище) — традиция, широко распространенная в эпоху бронзы. Смысл этой традиции, по предположению Л. Штернберга¹ и других, объясняется верованием, согласно которому, красная краска, подобная по цвету крови человека, оживляет умершего. Употребление же в погребальном риту-

¹ Л. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. «Материалы по этнографии», т. IV, 1936.

але позднейшего периода кусков болотной железной руды, повидимому, тоже имеет символическое значение — охранять умершего от злых духов. По древним верованиям многих народов, железо и различные железные предметы не только охраняют от злых духов, но и приносят счастье.

Значительное место среди находок на Великушском пилкальнисе занимала керамика: фрагменты горшков, пряслица, бусы и другие изделия. Горшки — разных размеров, в большинстве случаев грубой работы, слабого обжига, к глине примешана дресва. Поверхность преобладающей части черепков гладкая, но встречаются черепки щербатые или штрихованные. Найдено лишь несколько черепков черного цвета с лощеной поверхностью. Керамика пилкальниса, относящаяся к более раннему времени, значительно тоньше, обожжена сильнее. Часть фрагментов орнаментирована ямочным, дырочным, рытым, шипковым и чеканным орнаментом.

Итак, Великушский пилкальнис является местом для совершения трупосожжений, обрядовым городищем, «холмом душ» (*velis kalnelis*), куда, по выражению литовских погребальных причитаний (*raudos*), «переселялись души умерших». Веря, что мир умерших совершенно подобен миру живых, что умершие продолжают попрежнему жить, древние литовцы сооружали для покойников своего рода укрепленные поселения — пилкальнисы. Подобно родовым поселковым пилкальнисам, защищенным оборонительными сооружениями, обрядовые городища окружались рвами и валами, имевшими, правда, только символическое значение.

В первые века нашей эры в восточной Литве погребения на пилкальнисах, повидимому, прекратились, так как в этот период уже появились курганные группы, что, очевидно, было следствием начавшегося распада первобытно-общинного родового общества.

Ближайшие аналогии Великушскому пилкальнису мы находим в Белоруссии, где на некоторых городищах обнаружены остатки трупосожжений; к сожалению, исчерпывающих исследований там не проводилось и назначение этих городищ осталось невыясненным. Так, на Любенском городище (Гомельский округ) отмечено углубление, подобное углублениям на Великушском пилкальнисе. Это углубление, диаметром в 1 м и глубиной в 35 см, было заполнено золой, углями и пережженными костями. Вещевой инвентарь Любенского городища относится к эпохе бронзы¹.

На Бончаровском городище (окрестности г. Минска) обнаружены каменные кладки, сходные с кладками на Мошкенско-Лаукупенском пилкальнисе. Здесь камни покрывали остатки кострищ, пережженные человеческие кости в кострищах пересыпаны красной охрой. Городище датируется первыми веками нашей эры².

2. Покачинский пилкальнис находится в лесу, в 5 км к востоку от Великушского, у д. Покачиний, Антазовской волости, Зарасского уезда. Это холм, высотой в 12 м, с круглой в плане вершиной, диаметром 15 м, с крутыми выровненными склонами. Вершина холма имеет довольно значительный наклон к югу. Культурный слой обнаружен только на западном краю вершины и состоит из рыхлой золы, углей и других остатков кострищ. Мощность его доходит местами до 1,5 м. Он представляет собой остатки многих костров. Об этом свидетельствуют скопления угольков, иногда довольно значительные, остатки обуглившихся кусков дерева, сложенных «костром».

В разных местах и на различной глубине культурного слоя обнаружены целые каменные клиновидные и сверленные топоры, костяные изделия,

¹ И. Ющанка. Археологические досьледы у Гомельской акрузе. «Працы археол. ком. Белар. Акад. Навук», т. II.

² С. Дубинский. Раскопки Бончаровского городища каля Менску в 1926 г. Ин-т Белар. культуры. «Истор.-археол. сборник», I, 1927.

фрагменты горшков, больших размеров, чем обычно встречающиеся на пилкальнисах, и кости диких и домашних животных. Все находки не имеют никаких следов огня. Датируются они концом последнего тысячелетия до нашей эры.

3. Возгельский пилкальнис расположен в том же Зарасайском уезде, в Дусятской волости. Это отдельно стоящий холм, высотой в 37 м, с овальной в плане вершиной, диаметры которой равны 60 и 30 м. Каких-либо признаков культурного слоя на вершине не замечено; вся она покрыта суглинком естественного происхождения, но на склонах холма отчетливо выделяются два пояса наслоений темного цвета. Верхний пояс примыкает к самому краю вершины, ширина его 20—25 м; нижний пояс, шириной 5—7 м, заполняет окружающий холм ров, с невысоким валом по наружной стороне; ширина рва 3—5 м, глубина 0,8—1 м. Никаких находок в нижнем поясе, который скорее всего является частью культурного слоя, снесенного сюда водой, обнаружено не было.

Верхний горизонт культурного слоя (верхний пояс), мощностью 0,8—1 м в средней части, состоял из рыхлой смеси мелкого угля, золы и песка. Местами встречались гнезда совершенно чистой золы и очажные глиняные площадки, диаметром 1,2—1,5 м. В остатках костров обнаружены различные бронзовые изделия и раздробленные кости домашних и диких животных. В одном кострище найдены исключительно кости медведя.

В нижнем горизонте культурного слоя верхнего же пояса остатки кострищ помещались в ямках, диаметром 0,5—0,8 м и глубиной 0,2—0,3 м, по краям которых лежало несколько камней. Ямки были заполнены золой, в которой попадались отдельные черепки и раздавленные глиняные горшки.

Вещевой инвентарь Возгельского пилкальниса хронологически распадается на две группы. Первая, ранняя, близкая инвентарю Великушского и Покачинского пилкальнисов, датируется серединой и концом последнего тысячелетия нашей эры. Вторая характерна для всего I тысячелетия н. э. Таким образом, Возгельский пилкальнис использовался в продолжение двух тысячелетий.

Стратиграфия культурного слоя, наличие очагов и характер вещевого инвентаря Возгельского пилкальниса указывают, что назначение его менялось. Сначала он был обычным городищем отдельного рода; основным занятием рода было скотоводство. Принадлежавший родовой общине скот содержался на вершине холма, а по краям располагались жилища, благодаря чему в верхней части склонов и отложился культурный слой. Такое же расположение культурного слоя отмечено и на других холмовых городищах Аукштайтии.

Начиная с середины I тысячелетия н. э., а возможно, и раньше, в связи с переходом от скотоводства к земледелию, назначение Возгельского пилкальниса изменяется. Он перестает быть поселением и становится обрядовым местом. Для обрядовых целей устраиваются глиняные площадки кострищ, на которые возлагаются в качестве жертвоприношения не только предметы быта, но и украшения. Тут же совершаются обрядовые пиры. По сравнению с Покачинским пилкальнисом, на Возгельском в жертвоприношениях участвуют более крупные коллективы.

К группе пилкальнисов обрядового назначения следует отнести и встречающиеся по берегам рек и озер небольшие холмы, высотой 6—8 м, с круглой куполообразной вершиной, диаметром 8—10 м. Судя по обрывам их склонов, это искусственные насыпи. На основании находок керамики с линейно-волнистым и зигзагообразным орнаментом насыпи можно отнести к концу I и началу II тысячелетия н. э. Интересно, что некоторые пилкальнисы подобного типа называются литовским народом «горками Перкунаса» или «горками солнца» (Perkunkalniai, Saulekalniai).

В Литве довольно часто встречаются холмы естественного происхождения, на которых, за редким исключением, совершенно не прослеживается культурный слой. Но народные предания и традиции также отмечают их как места совершения древних культовых обрядов; их называют «святыми местами» или «святыми холмами» (alkvietes, alkakalniai). Эти обрядовые холмы на основании редких вещевых находок и территориальной близости к дофеодалным и феодальным городищам-пилкальнисам в большинстве случаев должны быть отнесены к сравнительно позднему времени — к дохристианскому периоду феодальной эпохи Литвы.

Искусственные насыпи с куполообразными вершинами и холмы естественного происхождения, «святые места», бесспорно обрядовые. Но по характеру совершавшихся на них обрядов они, повидимому, отличаются от пилкальнисов, описанных выше.

Появление первых поселковых городищ-пилкальнисов в Литве относится к концу неолита, но особенное развитие они получают в эпоху бронзы и раннего железа. Их появление несомненно связано с развитием патриархально-родового общества. В этот период охота и рыболовство, составлявшие основу производства при матриархате, сменяются скотоводством — ведущей отраслью экономики при патриархате. В связи с этим открытые неолитические стоянки уступают место поселениям на укрепленных холмах — пилкальнисах.

Появление и распространение железных орудий, а в дальнейшем развитие земледелия изменяют патриархально-родовые отношения; выделяются отдельные семьи, организуются новые, территориальные общины. Зарождаются классовые феодальные отношения. В конце I тысячелетия н. э. мы уже встречаемся в Литве с факторами, ясно указывающими на расслоение общества на классы.

Эти изменения производительных сил и социальных отношений отражаются и в погребальных обрядах.

В письменных источниках отражены только позднейшие моменты дохристианских верований литовских племен, поэтому исследователи, пытаясь осветить ранние периоды, обычно дополняли показания письменных источников фольклорным и этнографическим материалом. Материал же археологический использовался мало, городища-пилкальнисы и «святые места» совершенно не освещались.

В этой статье мы пытаемся объяснить особенности некоторых пилкальнисов, назначение которых считаем обрядовым. Основная цель нашей работы — обратить внимание на необходимость дальнейшего изучения этих интереснейших археологических памятников.

П. КУЛИКАУСКАС

ИССЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛИТВЫ

Интерес к археологическим памятникам Литвы как к историческому источнику для познания глубокого прошлого, проявляется лишь с XIX в. С этого же времени начинается и исследование этих памятников. Первым начал собирать археологический материал и производить раскопки литовский поэт Дионизас Пошка (1757—1830). К сожалению, точных данных о его раскопках не сохранилось. Его частные собрания археологических находок — самый ранний «музей», помещался в специально для этого приспособленном стволе старого дуба, который в настоящее время находится в Биотайском краеведческом музее¹.

На громадное значение археологических памятников для истории уже в начале XIX в. указывали польские историки Иохим Лелевель² и Ян Лобоико³.

Исследователем археологических памятников Литвы первой половины XIX в. был Фредерик Дюбуа де Монтеперо⁴. Он производил раскопки в Карпишкяй, недалеко от Пакроюс, и в Рагиненай около Шедува. Материал раскопок не сохранился, и о них мы знаем из заметок самого исследователя у других авторов (М. Балинского⁵, Гревингска⁶ и Ф. В. Покровского⁷). В то же время по археологическим вопросам писали и Людвикас Юцевичус⁸ и Теодорас Нарбутас (1783—1864)⁹.

Более систематические исследования археологических памятников Литвы развернулись в середине и во второй половине XIX в., начатые Эустахасом Тишкевичусом, по инициативе которого в 1856 г. был основан Вильнюсский музей древностей и Вильнюсская археологическая комиссия.

¹ «Tygodnik Wilenski», V, 1818, стр. 262—266; «Dziennik Wilenski», II, 1823; стр. 148, 157—161.

² J. Lelewel. Nauki dające poznawac źródła historyczne. Wilno, 1822.

³ Jan Loboiko. Starożytności krajowe. Groby olbrzymie na Zmudzi i inne zabytki starożytności tego kraju, z rękopismu rosyjskiego. «Dziennik Wilenski», II, 1823, стр. 145—157.

⁴ Friderick Dubois de Montepereux (1798—1850). De tumulus des forts et de remparts de la Russie occidentale. Annuaire de voyage et de geographie par une réunion de geographes et des voyageurs, Paris, 1845, стр. 178—193; 1846, стр. 39—55.

⁵ «Starożytna Polska», т. III, 1844—1848.

⁶ Ueber heidnische Gräber Russisch-Litauens. «Verhandlungen der Gelehrten estnischer Ges.», VI, 1870, стр. 1—2.

⁷ Археологическая карта Ковенской губернии. Труды X AC в Риге, т. III, 1900 и в Вильнюсе, 1899 (отдельно).

⁸ Tygodnik Peterburgski, 1836, № 17; 1837, № 37; 1839, № 38.

⁹ Pomniejsze pisma historyczne szczególnie do historii Litwy odnoszące się, Wilno, 1856. Badanie starożytności Litewskich. O kurhanach. «Tygodnik Wilenski», т. VI, 1818; «Dzieje starożytne narodu Litewskiego», т. I—IX, Wilno, 1835—1841.

Тишкевичус сделал первую попытку систематизировать археологический материал Литвы, производил раскопки, собрал большую археологическую коллекцию и написал ряд научных трудов¹.

Вильнюсский музей древности и археологическая комиссия проделали большую работу по исследованию археологических памятников Литвы. Виднейшими деятелями этих учреждений второй половины XIX в. были А. Киркор², И. Крашевский³ и К. Тишкевичус⁴.

Все исследования этого периода, незначительные по объему и в большинстве своем случайные, были трудами любителей-коллекционеров. Тем не менее, начиная со второй половины XIX в. замечается стремление к исторической интерпретации археологических памятников.

После восстания 1863 г. в Литве и Польше Вильнюсский музей древностей и археологическая комиссия были закрыты и работа по исследованию памятников старины на некоторое время остановилась.

Значительным этапом в исследовании памятников материальной культуры был конец XIX в. Подготовка к IX археологическому съезду в г. Вильно вызвала оживление в области археологических исследований. Раскопкам было подвергнуто несколько памятников, напечатан ряд крупных трудов и статей, которые и теперь еще не потеряли научного значения. Главным деятелем этого периода был Ф. В. Покровский, производивший исследования курганов в Вильнюсской области и создавший археологические карты Вильнюсской, Гродненской и Каунасской губерний⁵.

Исследования конца XIX в. в Литве тесно связаны с деятельностью Петербургской археологической комиссии, посылавшей своих членов для археологических раскопок и обеспечившей последние специальными денежными ассигнованиями. Хорошо известны имена исследователей этого периода — Н. П. Авенариуса⁶ и Э. Вольтериса⁷.

Начало XX в. ознаменовалось оживлением археологического исследования Литвы. В 1906—1908 гг. студентом Петербургского университета В. А. Каширским были произведены раскопки курганов в Швенческом уезде и городищ в местности Межуленай⁸; в 1909—1910 гг. большое число курганных могильников в местностях Малатишкяй, Пакальнишкяй, Рагиненай, Келбанай, Скварбай, Памарнакяй и Рашненай, в районах Паневежис и Укмерге было изучено И. С. Абрамовым⁹.

Одновременно археологические работы в Литве велись силами местных ученых. Так, например, В. Шукевичус производил обследование неолитических стоянок в Вильнюсском, Тракайском, Лидском и Гардинском районах и некоторых погребальных памятников¹⁰, Людвик Крживицкий¹¹ —

¹ E. Tyszkiewicz. Rzut oka na zrodla archeologii krajowej, czyli opisanie zabytkow niektorych, starozytosci, odkrytych w zachodnich guberniach cesarstwa Rosyjskiego. Wilno, 1842; E. Tyszkiewicz. Badanie archeologiczne nad zabytkami przedmiotow sztuki rzemiosl i. t. d. w dawnej Litwie i Rusi Litewskiej. Wilno, 1850, и др.

² «Pamiętniki Komisji Archeologicznej Wilenskiej», I, Wilno, 1856.

³ Sztuka u słowian, szczególnie w Polsce i Litwie przedchrześcijańskiej. Wilno, 1860.

⁴ «O kurhanach na Litwie i Rusi zachodniej». Berlin, 1868; «Wilijia i jej brzegi». Dresden, 1871.

⁵ Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильно IX АС, т. I, II, III. Вильно, 1893; Труды IX АС в Вильно 1893, т. I и II, 1895, 1897; Виленский музей древности, Вильно, 1892.

⁶ МАР, № 4, 1896, стр. 1—42; ОАК, 1894 и 1895.

⁷ Compte Rendu de la Commission Imperiale Archeologique pour l'années 1882—1888, St.-Pet., 1893; ОАК, 1889; Биография Вольтера. «Tauta ir Žodis», т. V, Kaunas, 1928.

⁸ Отчет за 1906, 1907, 1908 гг.

⁹ ОАК, 1909—1910; ИАК, вып. 32, 1909, вып. 34; «Виленский вестник», 1905, 25.VI, 1808, 1935; «Вестник Либавы», 1909, 28.VII, 146.

¹⁰ В большинстве исследования опубликованы в журнале «Swiatowit».

¹¹ Отчет за 1903, 1905, 1908 гг.

ряд городищ в Аукштайтии и Жемайтии. Тадас Даугирдас производил раскопки могильников и городищ¹.

Особая заслуга перед археологией Литвы принадлежит крупному русскому археологу А. А. Спицыну. Он посвятил ряд статей литовским погребальным памятникам² и систематизировал археологический материал Литвы в своем труде «Литовские древности»³.

Археологические исследования в Литве конца XIX и начала XX в. не только более систематичны, но и более разносторонни. Если раньше внимание археологов было сосредоточено в основном на курганах и отдельных находках, то теперь изучаются стоянки каменного века, погребальные памятники и городища. В археологической литературе появляется ряд ценных работ, важнейшие из них — труды В. И. Шукевичуса, Ф. В. Покровского, Л. Крживицкого, Т. Даугирдаса и А. А. Спицына. После Октябрьской революции, когда предательская буржуазия Литвы с помощью иностранных интервентов временно задушила молодую советскую власть, исследования археологических памятников на долгое время прекратились. До 1930 г. в Литве почти не производилось никаких работ в области археологии. Правда, в 1928 г. была составлена П. Тарасенко археологическая карта Литвы⁴, явившаяся результатом частной инициативы автора.

Исследования городищ в Апуоле в 1928, 1930—1932 гг. и в Ипильтис в 1933—1934 гг. были организованы по инициативе частных лиц. Деятельность Государственной археологической комиссии за 1930—1936 гг. выражалась в формальной регистрации археологических памятников Литвы⁵.

Более значительную работу выполнил бывший археологический отдел основанного в 1936 г. Музея культуры в г. Каунасе. Музей произвел раскопки нескольких могильников и устроил систематическую экспозицию археологического материала. Но и Музей культуры до восстановления советской власти не имел возможности производить плановые работы и ограничивался исследованием разрушенных могильников, главным образом в западных районах Литвы. Эти случайные работы дали тем не менее много нового материала по истории литовских племен⁶.

Особенно крупным пробелом в археологическом изучении Литвы является отсутствие материалов по древней истории Клайпедской области, с которой были связаны пангерманские теории и претензии фашистской Германии. В период господства буржуазии археологические работы в этой области не производились.

В оккупированной буржуазной Польшей Вильнюсской области довольно значительные исследования археологических памятников были организованы музеем и семинаром археологии Вильнюсского университета⁷. К сожалению, они не нашли отражения в археологических публикациях. Очень тенденциозный археологический обзор Вильнюсской области дал В. Антоневич. Однако использование этого единственного, по существу, сводного труда, охватывающего результаты изучения литовских памятни-

¹ Ряд данных о раскопках опубликован: «Pamiętnik Fizyograficzny», т. VI, 1886, стр. 18—27; т. VII, 1887, стр. 3—28; т. VIII, 1888, стр. 3—17.

² СА, т. X, 1948, стр. 12.

³ «Tauta ir Žodis», т. III, Kaunas, 1925.

⁴ П. Тарасенко. Археологический материал Литвы. Каунас, 1928 (на лит. языке).

⁵ Материал в данное время находится в Вильнюсе в ведении Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров Литовской ССР.

⁶ Материалы до 1948 г. хранятся в Каунасском художественном музее им. М. К. Чиурлиониса; материалы более поздних раскопок — в Институте истории Литвы АН Литовской ССР в Вильнюсе.

⁷ H. Селак-Нолубовичова. Piec lat pracy terenowej na ziemi Wilenskiej. «Rocznik archeologiczny», т. I. Wilno, 1937.

ков в 1920—1939 гг., затруднено вследствие отсутствия в работе В. Антоновича всякой научной документации произведенных раскопок. По возвращении Вильнюсской области Литве никаких документирующих материалов не оказалось и в музее Вильнюсского университета.

В 1940 г., после свержения фашистского режима и восстановления советской власти в Литве, открылись широчайшие возможности расцвета культуры и науки. В строительство социализма включились и ученые Литвы. Началась живая научно-исследовательская работа и в области археологии. В развитии археологической науки большую роль сыграло издание закона об охране памятников культуры. Буржуазная Литва была единственной страной во всей Европе, где не было закона об охране памятников культуры; очень многие из них подверглись разрушению и уничтожению.

Забота Советского правительства о расцвете литовской народной культуры не ограничилась этим мероприятием. В 1940 г. были сделаны крупные правительственные ассигнования на археологические исследования. Такими суммами не распоряжался ни один музей, ни один исследователь в буржуазной Литве. Эти средства позволили развернуть в советской Литве археологические работы в широком масштабе. В течение лета 1940 г. археологическое отделение Музея культуры произвело исследования приблизительно в 20 пунктах. Археологами найден ряд интересных, не известных до сих пор памятников, изучен своеобразный способ погребения.

Возможность широкой постановки археологических работ связана с вопросом подготовки кадров. С целью подготовки собственных квалифицированных археологических кадров в Вильнюсском государственном университете была основана кафедра археологии.

Начало творческой работы прервала война и оккупация Литвы фашистской Германией. В 1944 г., после освобождения Литвы Советской Армией, страна, разоренная войной, стала энергично восстанавливаться. Начала возрождаться наука, в том числе и археология.

В настоящее время вопросами истории материальной культуры занимается Институт истории Академии наук Литовской ССР в сотрудничестве с кафедрой археологии и этнографии Вильнюсского университета и музеями республики. Институт истории Литвы ежегодно организует археологические экспедиции, публикует добытый раскопками материал и т. п.

Археологи советской Литвы работают в благоприятных условиях. Им помогают ученые братских советских республик; археологи столицы нашей родины Москвы, а также Ленинграда оказали особенно большую помощь, давшую возможность овладеть новейшими и передовыми методами исследований, быть в курсе всей грандиозной работы в области изучения древнейших эпох истории человечества, которая ведется в СССР. Это сотрудничество отражается в организации совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР экспедиций (например, в 1948 г.) и специальных пленумов, один из которых, посвященный вопросам археологии советской Прибалтики, состоялся в мае 1949 г. в Ленинграде.

Большое значение для развития археологической науки в Литве имеет также постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры», подписанное товарищем Сталиным. Аналогичное постановление опубликовано было и Советом министров Литовской ССР от 10 марта 1949 г.

Остановимся на выводах и перспективных задачах археологической науки в Литве. В настоящее время собран значительный материал, который даст возможность наметить основные этапы древнейшей истории Литвы, краткую характеристику которых мы попытаемся дать ниже.

Мезолит. Точное время появления человека на территории Литвы определить трудно. Многочисленный и разнообразный материал — кремневые и костяные орудия, который по сходству с западноевропейскими поделками можно отнести к концу верхнего палеолита и мезолиту, стратиграфически не прослежен. Большинство орудий найдено случайно, на поверхности земли или при торфоразработках. Специальных исследований памятников этого времени не производилось.

Часть кремневых орудий можно отнести к свидерской, тарденуазской и кампинийской культурам. Изделия из кости и рога по своим формам близки изделиям стоянок Маглемозе, Кунда, Пярну, озера Лубана. Такое сопоставление является, конечно, формальным и принимается нами условно впредь до конкретного изучения памятников соответствующего времени на территории Литовской ССР.

Самые ранние находки — кремневые изделия свидерского типа; они встречаются в Гардинском, Алитусском, Каунаасском, Лидском и Вильнюсском районах. Самые значительные места находок — Мергежерис, Манччагире, Зарвинай, Рудня, Виецюнай, Завиежа (Вильнюсский и Тракайский районы)¹. Несколько лет тому назад изделия свидерского типа найдены в Каунаасском и Меркинесском районах².

В археологической литературе буржуазной Литвы длинные свидерские стрелы (типа Гравет и Фонт-Роберт) считались палеолитическими. Р. Яблонските считает изделия свидерского периода мезолитическими³. Советский археолог М. В. Воеводский также относит свидерские памятники Восточной Европы к мезолиту⁴. Мы присоединяемся к этому мнению. Уточнение хронологии ранних периодов на территории Литвы возможно лишь путем изучения стоянок этого времени.

Не разрешен вопрос и о хронологии находящихся на территории Литовской ССР памятников, аналогичных тарденуазским и кампинийским. Нет сомнения, что некоторые типы орудий этого времени сохраняются и в неолите.

К числу древних находок относятся изделия из рога и кости. Основная их масса происходит из торфяников районов Мариямполе, Калвария, Клайпеда, Тельшья, Мажейкяй, Каунас и меньше из районов Алитус и Рокишкис. Древнейшими можно считать находки в Клайпеде.

В музеях Литовской ССР хранится много отдельных костяных предметов (топоры, рукояти, гарпуны, рыболовные крючки, наконечники стрел), найденных в различных районах республики⁵. Учитывая условия нахождения предметов из рога и кости, можно сказать, что на территории Литвы несомненно существовали мезолитические стоянки, из которых важнейшие следует искать в Галубальском торфянике (Мариямпольский уезд), на реке Кирсне⁶ (Калварийский район), в Турлоишкяйском торфянике (Калварийский район)⁷, на берегах Яроозера близ Сведасай⁸. В этих

¹ «Sprawozdania Polskiej Akademii umiœtnosci», т. 37, № 9.

² В Каунаасском художественном музее, инв. 617, 1—32; Р. Яблонските. Мезолитическая стоянка в Пувочай; так же. Стоянка каменного века в Скарулай. «Летопись Музея культуры», I, 1941, стр. 1—18 (на лит. языке).

³ Тезисы доклада, сделанного на пленуме Института истории материальной культуры (в Ленинграде) АН СССР в мае 1949 г., посвященном археологии Прибалтики, а также в указанных выше статьях.

⁴ КСИИМК, вып. XXXI.

⁵ Материал в Каунаасском художественном музее, Историческом музее АН Литовской ССР, в краеведческих музеях г. Рокишкяй и Мариямполе.

⁶ Материал в Каунаасском художественном музее.

⁷ Материал в Историческом музее АН Литовской ССР и краеведческом музее в г. Мариямполе.

⁸ Материал в Каунаасском художественном музее и в краеведческом музее в г. Рокишкяй.

местах найдены роговые топоры, костяные стрелы и гарпуны, ореховая скорлупа, кости животных, человеческие костяки и т. д. К сожалению, ни одна торфяная стоянка пока не исследована.

Неолит. Если мезолитическая эпоха на территории Литвы представлена сравнительно небольшим числом находок, то для изучения неолита имеется большой и разнообразный по своему составу материал: многочисленные микролиты, каменные топоры, долота, резцы и прочие изделия из камня, а также керамика и янтарные поделки. Имеются также неолитические погребения. К сожалению, этот многочисленный и разнообразный материал полностью не систематизирован и еще мало изучен.

Систематизация неолитического материала и его датировка — трудная задача. Почти все коллекции состоят из случайных находок; значительную часть составляют находки из стоянок, меньшую — из погребальных памятников. Особенным богатством инвентаря отличаются обнаруженные в районах Меркине, Варена, отчасти Алитус, Каунас, Ионава, Вильнюс и Куршайская Неринга неолитические стоянки. Многие из них обследовали В. Шукевичус¹, З. Глөггерис², К. Яблонскис и Р. Яблонските³ и др.

Тысячи разнообразных неолитических кремневых наконечников стрел, резцов, долот, ножей и пр. показывают, что мезолитические типы орудий широко употреблялись и в неолите. Кремневые стрелы сердцевидной формы дожили до эпохи бронзы. Каменные топоры находят даже в культурных слоях ранних городищ эпохи железа.

Значительную массу неолитических орудий составляют кремневые топоры. Одни из них изготовлены еще при помощи техники сколов, другие — шлифованные, с плоскими сторонами, в сечении четырехугольные, с суженным обухом. Поверхность их обработана небрежно. Характерным для третьей группы являются закругленные топоры с суженным обухом, прекрасно отшлифованной поверхностью и заостренным рабочим краем. Четвертая значительная группа представлена толстообушными хорошо отшлифованными топорами с вздутыми боками. Последняя форма топоров характерна для конца неолита и начала бронзового века.

Помимо кремневых, встречается много топоров, изготовленных из разных других пород камня. Все они обработаны шлифовкой и различаются между собой только формой обуха. Их много найдено на горах восточной Аукштайтии. Особенно многочисленны сверленные топоры, из которых наиболее характерны топоры с округленным (овальным) обухом, с двумя плоскими и двумя овальными боками; плоские топоры с угловатыми боками, из которых один бок выгнутый, другой плоский; двулезвийные и ладьевидные боевые топоры. Кроме описанных выше основных типов, встречаются и другие разновидности каменных топоров. Их формы и техника обработки варьируют не только во времени, но и в зависимости от назначения (рабочие и боевые топоры).

В конце неолита и в начале бронзового века появляются каменные мотыги, разделяющиеся на следующие основные группы: овальные, колодовидные, обыкновенные плоские и змеевидные, или «литовские». На территории Литовской ССР найдено 16 змеевидных мотыг. Последние имеют ограниченный ареал и помогают проследить территорию, на которой формировались балтийские племена.

Разнообразны также каменные булавы, большая часть которых относится, видимо, уже к бронзовому веку. Обыкновенно каменные булавы имеют плоские низ и верх, бока округленные; есть булавы боченковидной

¹ W. Szukiewicz. Poszukiwania archeologiczne. «Swiatowit», т. III; Szkice z archeologii przedhistorycznej Litwy. Wilno, 1901.

² Z. Gloger. Dolinami rzek. Warszawa, 1903; Podroz Niemnem, Wisla, т. II, Warszawa, 1888.

³ Материал в Каунасском художественном музее.

и звездчатой формы¹. Реже встречаются кремневые долота, каменные отбойники и т. д.

Среди неолитических поделок следует упомянуть и широко известные янтарные вещи из Иоткранте², Паланга. Подобные изделия найдены и в Латвийской ССР, в РСФСР³ и других республиках.

Среди литовской неолитической керамики встречается в незначительном количестве ямочно-гребенчатая⁴ и веревочная⁵. Неолитическая керамика найдена при Ниде в Куршайской Неринге. В северо-западной части Белорусской ССР найдены воронкообразные сосуды с веревочным орнаментом, в Куршайской же Неринге — керамика так называемой культуры Поморья.

К неолиту относятся и самые ранние могильники Литвы. Погребения с одиночными труположениями найдены в местностях Иоткранте в Куршайской Неринге, в Лаукупяй около Клайпеды, в Гринкишкяй около г. Кедайнай и в Курмайчай около г. Кретинга⁶.

Следует упомянуть о находке в 1947 г. человеческого скелета и двух каменных топориков на глубине 1,5 м, в Турлайтском торфянике б. Кальварийской волости Мариямпольского уезда⁷. В 1949 г. в том же торфянике был найден второй скелет человека, костяная мотыга, кусок рога с незаконченной сверлиной и изделие из рога с четырехугольным отверстием. Турлайтский торфяник представляет большой научный интерес, так как в нем неоднократно обнаруживались вещи, характерные для мезолита и неолита⁸. Особенное же значение имеют впервые открытые древнейшие на территории Литвы человеческие захоронения. К сожалению, место находки до сих пор не подверглось серьезному исследованию.

Большое число неолитических находок свидетельствует о том, что территория Литвы к этому времени была густо населена. Жители обнаруженных стоянок раннего неолита занимались рыболовством и охотой. В конце неолита можно отметить постепенный переход к скотоводству и мотыжному земледелию.

Разнообразный неолитический инвентарь Литвы ожидает дальнейшей систематизации и глубокого изучения. Систематическое исследование стоянок каменного века — в настоящее время самая важная задача. Оно дало бы возможность не только уточнить хронологическую периодизацию ранних эпох, но и выяснить своеобразие культурных комплексов на территории Литовской ССР, связанное с проблемами этногонии.

Бронзовый век. В начале II тысячелетия до н. э. (около 1800 г. до н. э.) на территории Литвы появляются первые металлические изделия. Находки их единичны. Бронзовые орудия долго еще не могли вытеснить каменных. В настоящее время известно 140 разнообразных бронзовых изделий. В первой половине бронзового века пользовались главным образом привозными изделиями, но, по мере того как население восточной Прибалтики начинало овладевать техникой обработки металлов, стали появляться местные типы металлических изделий. Значительная часть их найдена в западных областях, меньшая — в восточных.

¹ Материал в Каунасском художественном музее и Историческом музее АН Литовской ССР.

² R. Klebs. Der Bernsteinschmuck der Steinzeit. Königsberg, Pr. 1882; M. Ebert. «Reallexicon der Vorgeschichte», t. XI, стр. 373.

³ M. Ebert. Koncanskoje. «Reallexicon», t. VII, стр. 22—24, табл. 13.

⁴ W. Szukiewicz. Poszukiwania... «Światowit», т. III, табл. X, рис. 3, стр. 1—23; Rajewski. Sprawozdanie Z badań przedhistorycznych, z odchłani wieków, 6, 1936, стр. 90—91.

⁵ W. Szukiewicz. Poszukiwania. «Światowit», т. III, табл. V, 5—7, 9, 10, 13.

⁶ Материал в Каунасском художественном музее.

⁷ Вещи хранятся в Институте истории Литвы.

⁸ Найденные вещи из рога и кости хранятся в Каунасском художественном музее.

Для первой половины бронзового века характерны следующие металлические предметы: кинжал с рукояткой, топоры восточных типов, топоры восточноприбалтийских типов и нортикенского типа, спиральные булавки поморского типа, петлицеобразные булавки, замкнутые браслеты круглого сечения, наконечники копий балтийского типа, мечи и человеческие фигурки.

Для второй половины бронзового века характерны втульчатые бронзовые топоры и вещи из Вашкайского клада, а также отдельные наконечники копий.

Нельзя сомневаться в том, что к этому же времени относятся и некоторые ладьевидные каменные топоры, обыкновенные каменные рабочие топоры, кремневые стрелы и змеевидные мотыги.

Керамика бронзового века известна только из Шляжайских курганов. Она светлая, слабо обожжена, содержит примесь щебня, лишена орнамента; обработка поверхности грубая.

В бронзовом веке мертвых хоронили в курганах, в ранние периоды — по обряду трупоположения, позже появилось трупосождение. Такие курганы обнаружены в Шляжай, около г. Клайпеды, и в Пиетаарй Марьямпольского района.

Металлы на территорию Литвы привозились скорее всего из областей теперешней Австрии или Венгрии. Интересны бронзовые палочки, найденные в местностях Миежайчай, около г. Кельме. Среди привозных изделий имеются вещи из Поморья, Повисленья, Поднепровья, Кавказа и Скандинавского полуострова.

Для эпохи бронзы в связи с развитием межплеменного обмена одним из важных объектов вывоза из восточной Прибалтики становится янтарь.

Выделение характерных археологических находок, сделанных на территории между Одером и Даугавой, а также особенности ритуала могильников дают возможность очертить область, внутри которой формировались балтийские племена.

Железный век. Появление железных предметов на территории Литвы относится к 800—500 гг. до н. э.

Изделия, известные для этого периода, очень немногочисленны. Это наименее исследованный, а потому бедно представленный археологическими памятниками период, что дало основание буржуазным археологам выдвинуть несостоятельную теорию о «падении» культуры Литвы в период раннего железного века. Развернувшиеся за последние годы на территории Литовской ССР археологические исследования частично уже заполнили существовавший пробел и помогли разоблачить ложность буржуазных теорий. Были открыты многочисленные памятники, в том числе городища, могильники и клады, относящиеся к первому тысячелетию до н. э., свидетельствующие о развитии культуры на территории Литвы в раннем железном веке. Можно назвать клад из местности Пабаляй, около г. Паневежис; клад состоит из четырех шейных гривен, сделанных из круглой в сечении бронзовой проволоки с заостренными концами, и двух спиральных булавок из того же металла. Известен также клад из Баудейай, Стаклишкяйского района, в котором найдена спиральная булавка из круглой в сечении проволоки, два спиральных браслета из узкой пластины, бляшки от пояса или конской узды. Бляшки круглые, несколько выпуклые посередине, с четырехугольными вырезами по бокам.

Заслуживает внимания замкнутый бронзовый браслет из Кальнишкяй, Арегола¹, головные украшения из Степанова² и шейные гривны с так

¹ В Каунасском художественном музее.

² Там же.

называемыми копытообразными концами, особенно многочисленные в районах Клайпеда, Шилуте, Науляй и Паневежис.

К этому же времени относится большинство находок на городищах Вильнюсского, Швенчионисского и Зарасайского районов, имеющих аналогии в материалах городищ восточной части Латвийской ССР (Латгала) и Белорусской ССР, а также городищ так называемого дьякова типа в средней части РСФСР¹.

Ранние могильники открыты в Мишейкяй в Клайпедском районе, близ городища Великушкяй в Дусетском районе, в Еглишкяй Клайпедского района, в Курмайчай Кретингского района².

В ранних могильниках распространены трупосожжения в курганах. В большинстве случаев обгоревшие кости находятся в урнах. Только в Великушкяйском могильнике встречаемся с трупосожжением; в Курмайчай, в кургане А-М7, находится погребение с трупоположением. Подобные погребальные обряды были отмечены и на территории бывшей восточной Пруссии и Латвийской ССР.

Первая половина I тысячелетия н. э. Значительно лучше исследованы памятники этого периода, в частности погребальные. Много отдельных находок.

В I в. н. э. еще сохранялся обряд трупосожжения, который в предыдущем был характерным для всей территории Литвы. Но со II в. н. э. он сменяется трупоположением, наряду с которым довольно часто встречаются следы сожжения.

В первой половине I тысячелетия н. э. в Литве одновременно существовали погребальные сооружения двух типов — грунтовые могильники и курганы.

Грунтовые могильники распространены по всей территории Литвы, от Балтийского моря до слияния рек Нерис и Немунас и до реки Невежис; курганы встречаются преимущественно к востоку и к северу от этой области. Но на большей части территории Литвы памятники обоих типов встречаются совместно (Паневежский, Мажейкский, Шауляйский, Каунаский и Расейнский районы).

Исследованные грунтовые могильники могут быть разделены на две основные группы. В Клайпедско-Кретингском районе (Шернай и Акуштакиемис-Плуцй Клайпедского района, Курмайчай, Сенкай, Лаздининкай Кретингского района³) встречаются грунтовые могильники с трупоположениями, обложенные каменным венцом неправильной формы (рис. 31 — 2). В Каунаском, Шауляйском, Паневежском районах грунтовые могильники без каменных обкладок (Севеджюс, Вершвай, Саргенай, Гибайчай, Упите) (рис. 31 — 1).

В бескурганных могильниках часто встречаются захоронения в дубовых колодах. В них находят особенно многочисленный инвентарь, состоящий из орудий труда, украшений, оружия. Для грунтовых могильников характерны парные захоронения.

В Вершвай вблизи Каунаса обнаружено двойное погребение с особенно богатым инвентарем⁴. В Курмайчай тингского района обнаружена могила с четырьмя погребениями⁵.

¹ Труды IX АС в Вильно, т. II, стр. 256.

² *Senatne un Miksla*, IV, 1936, стр. 99—100; «Sitzber. Gelehr. estn. Ges.», 1912—1920, Тарту, 1921.

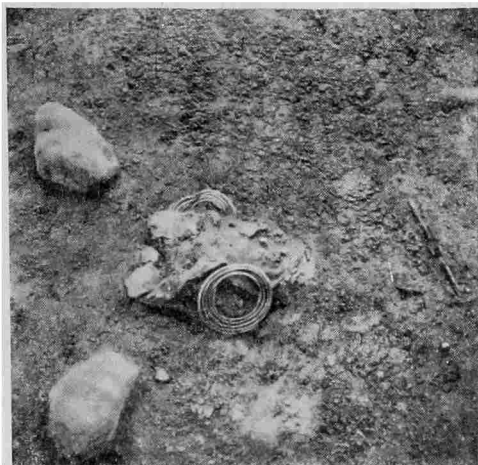
³ П. Куликаускас. Курмайчайские археологические памятники и данные их исследования. Кандидатская диссертация, 1949, Библиотека АН Литовской ССР. Материал в Каунаском художественном музее.

⁴ «Летопись Музея культуры». Каунас, 1941, стр. 28 (на лит. языке).

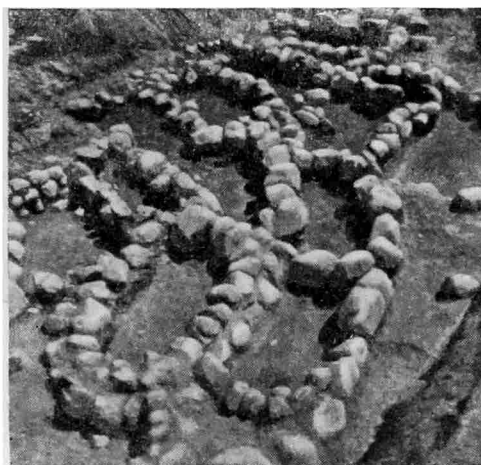
⁵ П. Куликаускас. Курмайчайские археологические памятники. «Труды Института истории Литвы», I, 1950, стр. 317—367.

Курганные группы первой половины I тысячелетия н. э. лучше исследованы в Каунасском, Шауляйском, Паневежском районах. В основании курганов первых столетий нашей эры всегда имеются каменные венцы, которые в редких случаях соединяются. Такие группы курганов обнаружены в Виздергай¹ и Рагиненай².

Не менее интересны курганы с коллективными погребениями³. Могильники этих двух типов (грунтовые и курганные) сохраняются на территории Литвы до XII в. В западной и средней Литве в первых веках н. э. курганы исчезают, сменяясь грунтовыми могилами, тогда как в восточных районах страны курганный ритуал продолжает оставаться единственным обрядом погребения вплоть до XIII столетия.

1

2

Рис. 31. Сарģенай. Деталь погребения № 52 (1); Тубаусай. Оградки погребения (2).

Как в грунтовых, так и в курганных могильниках встречается разнообразный инвентарь: бронзовые и серебряные украшения, железные орудия и оружие, имеющие много аналогий в других областях восточной Прибалтики⁴.

В курганах Норуйшай Кельмесского района найдена фибула, украшенная золотой пластинкой.

Самым богатым инвентарем отличаются погребения Клайпедского, Шилутского, Каунасского, Паневежского, Шауляйского, Кретингского, Мажейкского районов (рис. 31—35).

Кроме типов, общих для всей восточной Прибалтики, можно выделить вещи, характерные только для территории Литвы. К ним относятся бронзовые или серебряные украшения шапочек (найжены в Вершвай вблизи Каунаса), подковообразная фибула с загнутыми концами из Сарģенай, ступенчатые фибулы, спиральные височные кольца, пластинчатые височные кольца, нагрудные украшения, шейные гривны с ложкообразными концами, круглые фибулы с цепочками и подвесками и др.

Обращают на себя внимание и прекрасные изделия с эмалью⁵. Характерны браслеты с инкрустациями из красной эмали и железа из Паулайчая около Швекшны. Жители территории Клайпедского района

¹ Pamiętnik Fizyograficzny», VII, стр. 3—17.

² Ф. В. Покровский. Археологическая карта Ковенской губернии, стр. 58.

³ Виздергай. «Pamiętnik Fizyograficzny», т. VIII, 1888, стр. 3—17.

⁴ Н. Моора. Die ältere Eisenzeit in Lettland. Tartu, 1938; А. Тагрен. Zur Archeologie Estlands. Dorpat, 1922, ir. 1925; Hackmann. Die Eisenzeit in Finland. Helsingfors, 1877—1884.

⁵ Летопись Музея культуры, рис. 45, 47, 49, 51, 53 (на лит. языке).

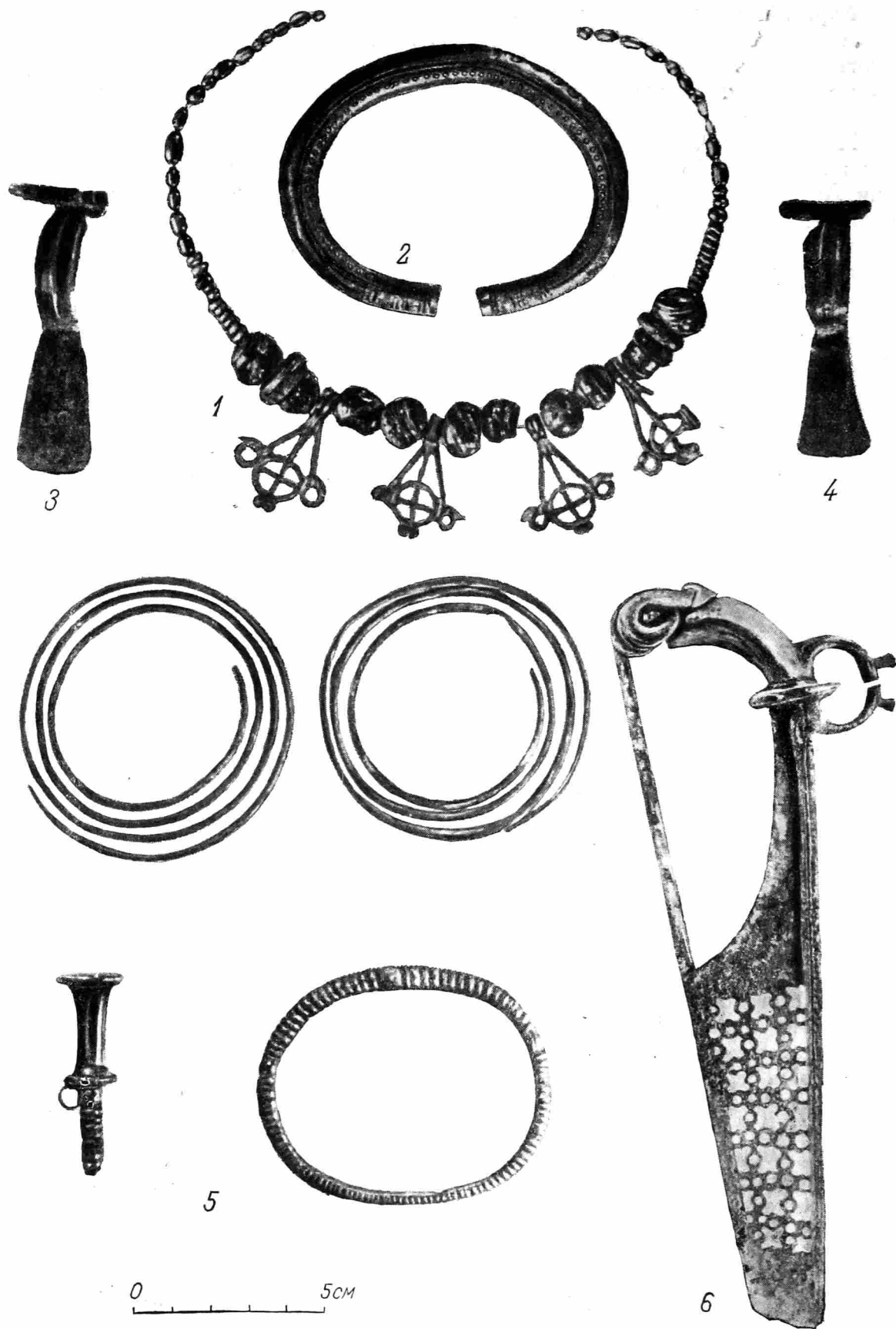

Рис. 32. Саргенай. Вещи из погребений.

1 — ожерелье с подвесками из погребения № 124; 2 — браслет из погребения № 26; 3, 4 — фибулы из погребения № 26; 5 — инвентарь погребения № 50; 6 — фибулы из погребения № 48.

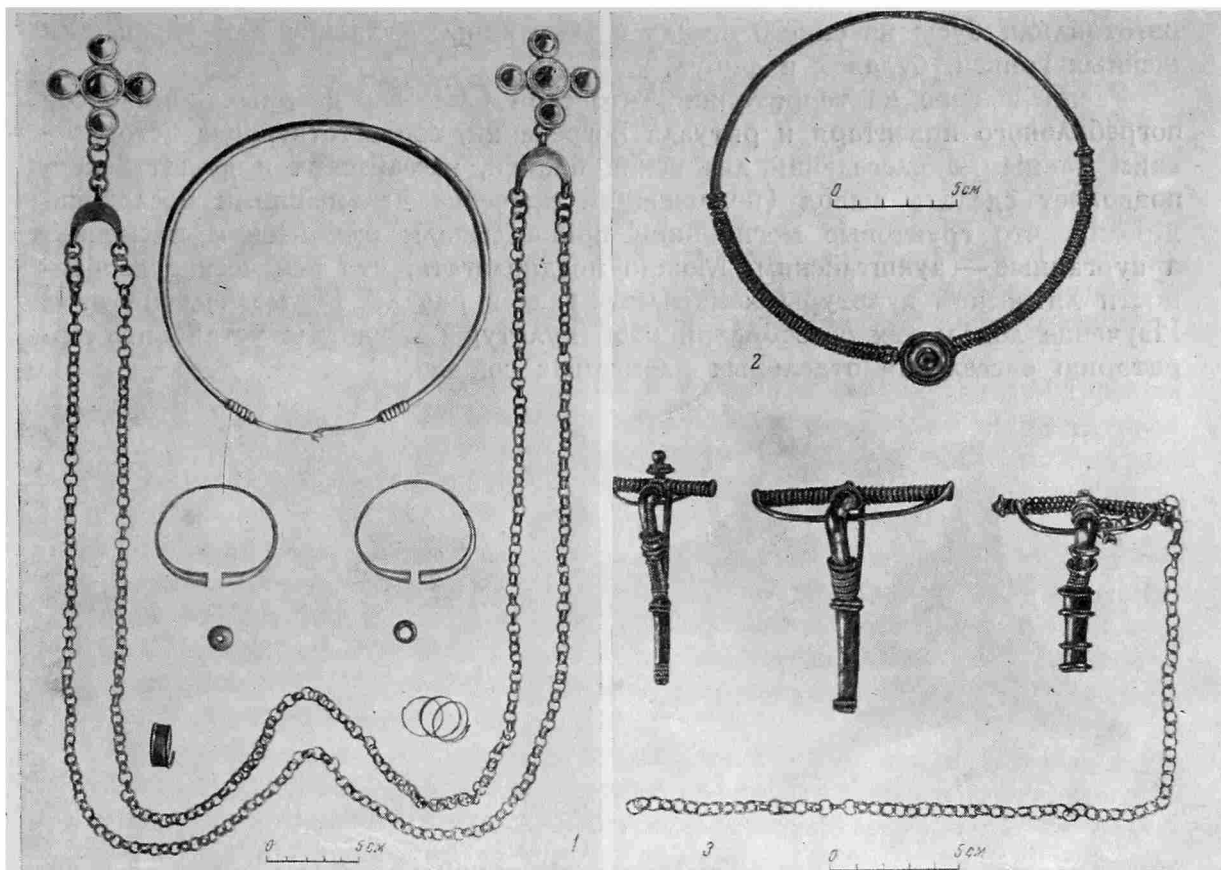

Рис. 33. Вершвай. Вещи из погребений.

1 — украшения из погребения № 98; 2 — гривна из погребения № 214; 3 — фибулы из погребений № 124, 133

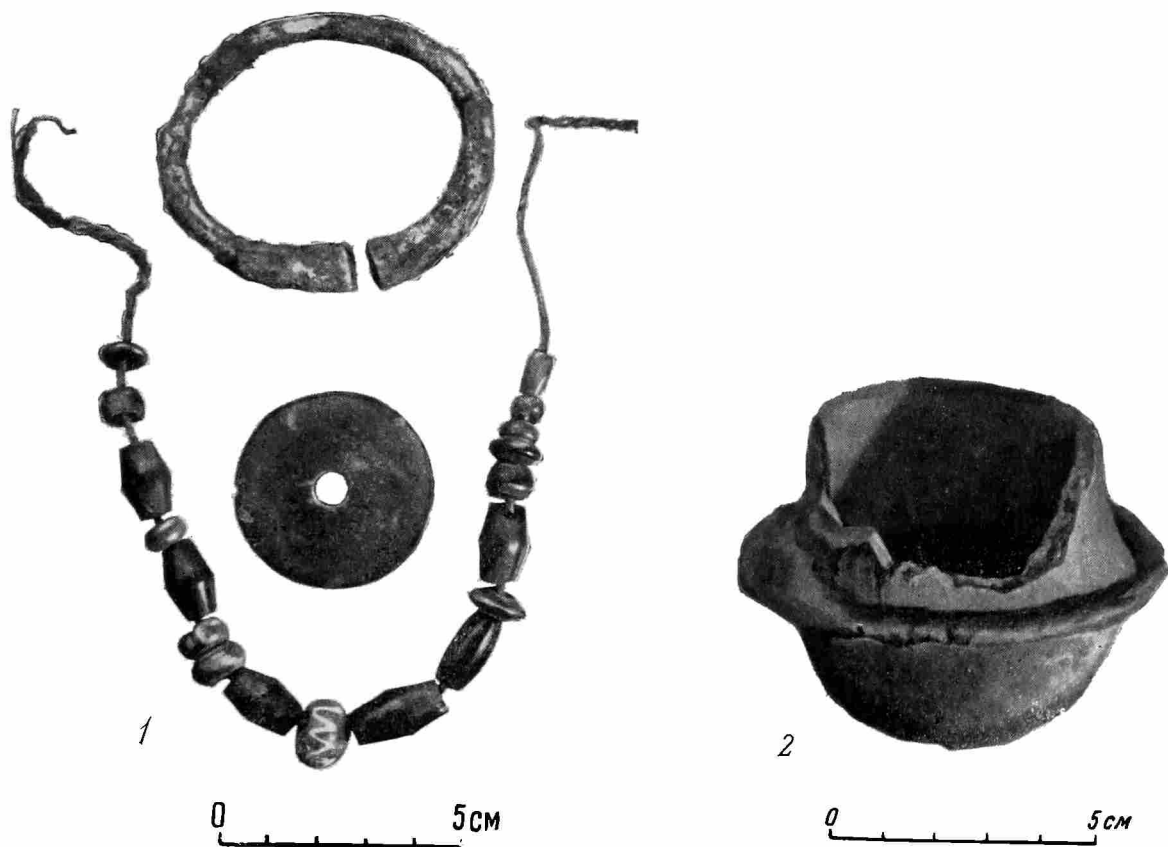

Рис. 34. Лаздивинкай. Вещи из погребений.

1 — инвентарь из погребения № 15; 2 — сосуд из погребения № 33.

изготавливали бусы из синего стекла и стеклянные «глазки» для украшения шейных гривен, булавок и фибул.

Распределение на территории Литовской ССР характерных комплексов погребального инвентаря и ритуала погребений, соответствующее историческим данным о расселении литовских племен, жемайтских и аукштайских, позволяет сделать вывод (подлежащий проверке дальнейшими исследованиями), что грунтовые могильники принадлежали жемайтским племенам, а курганные — аукштайским. Можно предполагать, что этнические особенности литовской культуры наметились уже в начале I тысячелетия н. э. Изучение локальных своеобразий этой культуры могло бы установить территорию расселения отдельных племенных союзов.

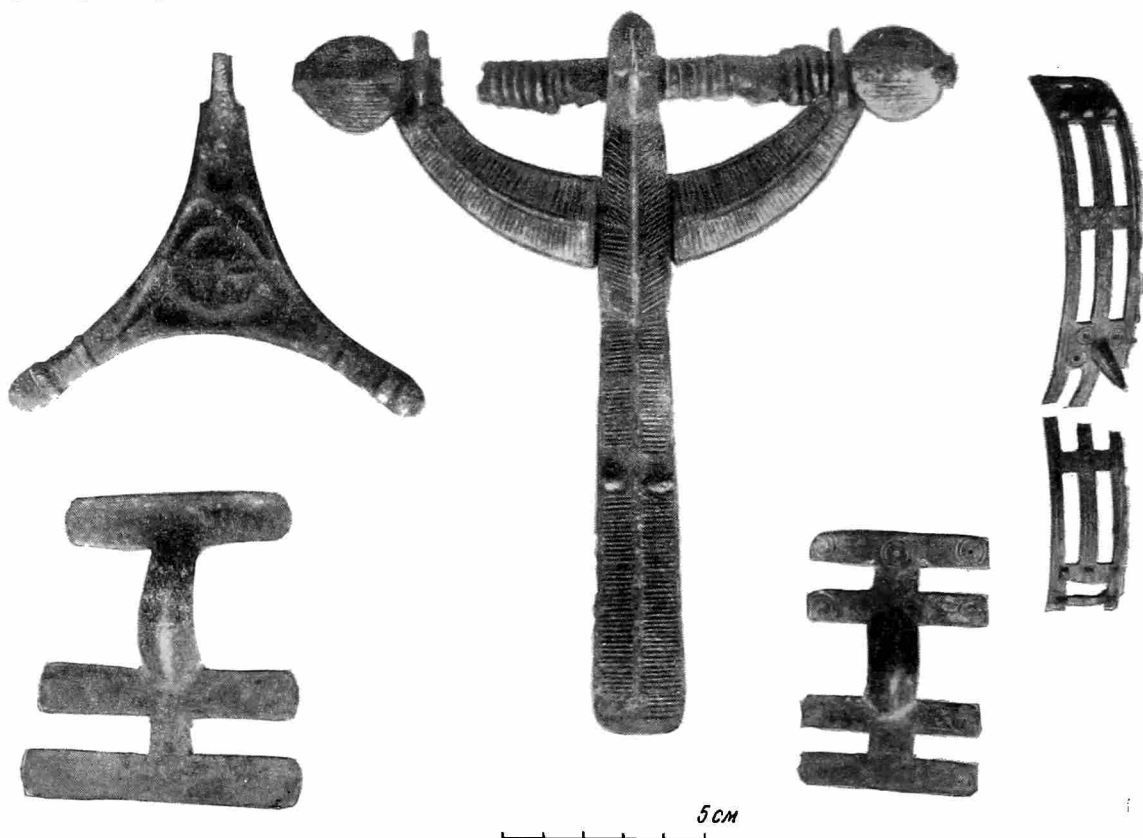

Рис. 35. Лайвий. Случайные находки.

Встречаемый в могильниках многочисленный инвентарь из железа, бронзы и даже серебра указывает на достаточно высокую культуру литовских племен¹ и на их древние связи с ближайшими соседями в Прибалтике и славянскими племенами, а также с племенами Волго-Камья и Приуралья. Оживленная торговля связывала Прибалтийские районы также с южными областями — Поволжьем и Причерноморьем.

Вторая половина I тысячелетия н. э. Середина I тысячелетия н. э. отмечена появлением новых элементов в культуре литовских племен. Изменяется обряд погребений и состав погребального инвентаря. Чаще встречаются серебряные изделия, железные наконечники копий, топоры, косы и серпы, появляются миниатюрные глиняные сосуды. Меняется и характер украшений. Вместе с тем сохраняются и яснее выделяются локальные особенности памятников.

В западных частях Литовской ССР продолжают преобладать грунтовые могильники. В Кретингском районе они снабжены каменными венцами

¹ А. А. Спицын. Литовские древности. «Tauta ir Žodis», т. III, 1925.

правильной формы (Тубаусяй, Лаздининкай). Следует отметить появление многочисленных предметов конского снаряжения, которые в могильниках предыдущего периода (II—IV столетия) встречались в виде единичных вещей (удила, шпоры). Встречаются и отдельные конские погребения (Рекете)¹.

Грунтовые могильники средней Литвы отличаются особенностью устройства могил, на дне которых часто находят несколько камней (Эйгуляй, Упите). Эти могильники, однако, не обкладывались каменными венцами. В Каунасском районе обнаружены наиболее ранние погребения с трупосожжением² (Эйгуляй, Вершвай).

В V в. н. э. в западных, средних и северных частях Литвы курганы исчезают; в восточной Литве они в это время и позже — единственная форма погребения: в V и даже в VI вв. умершие погребаются под небольшой курганной насыпью. Появляются трупосожжения (Карамзинай, Памусис)³.

В курганах восточной Литвы часто встречаются снаряжение коня и отдельные конские погребения. Поверхность курганов обкладывается камнями.

Наименее изучены памятники второй половины I тысячелетия н. э. в южной Литве. Здесь также встречаются обложенные камнями курганы с трупосожжениями. Групповой могильник с трупоположением обнаружен в Лиепинай Мариямпольского района⁴.

Отмеченные выше изменения погребального инвентаря могильников, появление в его составе земледельческих орудий отражают рост производительных сил, связанный с переходом к пашенному земледелию, и общий подъем культуры литовских племен во второй половине и конце I тысячелетия н. э. Начиная с V в. н. э. на территории Литвы происходит распад первобытно-общинного строя и начинается процесс образования классов.

Раннее средневековье. Археологические исследования последнего десятилетия значительно умножили число изученных памятников, относящихся к концу I — началу II тысячелетий н. э. Могильники этого времени подразделяются на две основные группы — грунтовые и курганные; и в тех и в других встречаются трупоположения и трупосожжения.

В западной и средней Литве были распространены только грунтовые могильники с трупоположениями. Лишь в конце VIII в. появляются погребения с трупосожжениями (Лайвяй, Салантайский район). Самые ранние погребения с трупосожжениями сохраняют основной инвентарь вещей могильников с трупоположениями. В IX—XI вв. обряд трупосожжения становится господствующим. В западных частях Литвы могильники этого периода лучше исследованы в Клайпедском, Шилутском, Таурагейском, Кретингском и Тельшайском районах, в средней Литве — в Каунасском, Кедайнском, Паневежском районах.

В восточной Литве в это же время распространены курганы, которые иногда обкладываются венцами из небольших камней и окапываются канавами. Курганы часто бывают крупных размеров. Большинство их содержит трупосожжения. На восточных окраинах Литвы, смежных с северо-западными районами Белорусской ССР, встречаются погребения с трупоположениями, которые несомненно принадлежат славянам и свидетельствуют о смешанном составе населения этих областей, о мирном сожительстве славяно-литовских племен⁵.

¹ Материал в Каунасском художественном музее.

² Там же.

³ Материал в Институте истории Литвы в г. Вильнюсе.

⁴ Труды Ф. В. Покровского.

⁵ Главными местонахождениями являются Засвирь, Шальтяняй, Алсас, Бреслауя, Загоречь, Залеские, Пожече, Навры, Платово. Труды IX АС в Вильне, I; II; «Wiedomości archeologiczne», XVI.

В южной Литве господствуют также погребения с трупосожжением в курганах, обложенных венцами из камней.

Как в грунтовых, так и в курганных могильниках Литвы часто встречаются специальные конские погребения. В средней Литве, в Каунасском, Кедайнском и Паневежском уездах, конские могилы часто встречаются вместе с человеческими погребениями. Основные исследованные могильники этого типа находятся в Вершвай, Граужай, Пакапай, Римайсай.

Во всех исследованных могильниках найден богатый инвентарь, содержащий украшения, оружие, орудия труда, предметы конского снаряжения и пр. Помимо вещей, бытовавших в предшествующее время, появляются новые типы орудий и оружия: в VIII в. распространяются широколезвийные короткие мечи, в IX—X вв. — прямые мечи с украшенными рукоятками¹, широколезвийные топоры, миниатюрные ткацкие орудия, весы и гири, серебряные ювелирные украшения. Хорошее качество изделий свидетельствует о значительном развитии местных ремесел и оживленных торговых связях литовских племен с соседями. Особенно богаты могильники, исследованные в Клайпедском и Кретингском районах.

Весь многочисленный материал указывает на то, что к IX в. материальная культура литовских племен стояла уже на высоком уровне. К этому времени относится появление городищ, расположенных на высоких берегах рек, или в окружении болот, на трудно доступных местах. Городища на равнине укрепляются валами и глубокими рвами. В настоящее время зарегистрировано около 1500 городищ, почти еще не исследованных. На них встречаются каменные топоры, изделия из бронзы и кости, разнообразная и многочисленная керамика, много железных шлаков и пр.

В погребальных памятниках этого периода отчетливо заметны территориальные особенности. Территория, на которой распространены грунтовые могильники, в основном совпадает с областями, населенными жемайтскими племенами (письменных источников), область же распространения курганов была населена аукштайчами. Интересно, что и там и тут господствовал часто упоминаемый летописями и хрониками того времени обряд трупосожжения, особенно укоренившийся в XII—XIII вв. Следует отметить, что узко локальные своеобразия погребального обряда, характерные для II—III, V—VIII вв., в начале II тысячелетия исчезают.

Период, охватывающий конец I — начало II тысячелетий н. э., характеризуется новыми явлениями в области общественного строя — появлением классов. Об этом свидетельствуют особые погребения всадников с богатым снаряжением коня, находки кладов с серебряными вещами, городища-замки (Апуоле, Гриеже, Медвегалис, Берзгайнис, Кернаве), бывшие, очевидно, усадьбами мелких феодалов, так называемых «regules» (хроника Вульфстана). Интересно то, что в центрах земель таких древних владык феодального Литовского государства, как, например, Кернаве, Тракай, сохранились феодальные городища, по своей конструкции идентичные другим феодальным городищам страны.

Период IX—XI вв. н. э. характеризуется интенсивным ростом производительных сил и формированием феодальных отношений, которые под влиянием Киевской Руси привели к образованию феодального Литовского государства.

В заключение следует отметить, что, несмотря на большую работу, особенно за последнее десятилетие, различные периоды древнейшей истории Литовской ССР исследованы неравномерно. Мы имеем сравнительно много данных для изучения материальной культуры I тысячелетия н. э., но данных, характеризующих более древние периоды, пока еще очень мало. Собранные в музеях каменные изделия чаще всего являются случайными на-

¹ Хранятся в Каунасском художественном музее.

ходками. Хотя в Литве известно много стоянок каменного века, но их исследование еще почти не начиналось; мало были исследованы поселения и последующих периодов. Совершенно не выяснены типы первобытных жилищ.

Разрешение различных вопросов экономической и социальной жизни древней Литвы базировалось исключительно на материале могильников. Из большого числа разнообразных археологических памятников Литвы чаще всего исследовались разрушенные могильники, но ни один из них не был изучен полностью. Многочисленные же и разнообразные литовские городища — пилкальнисы — исследованы очень мало. В ближайшем будущем необходимо начать исследование древних поселений, городищ и могильников для разрешения ряда исторических проблем.

Для полного систематического исследования археологических памятников необходимо провести их научную регистрацию и в результате этой работы подготовить и издать новую археологическую карту Литвы. Научная регистрация археологических памятников Литвы является неотложной задачей еще и потому, что в период господства буржуазного правительства и немецкой фашистской оккупации было разрушено очень много исторических памятников Литвы.

Учитывая, что некоторые районы Литвы еще совершенно не исследованы в археологическом отношении или изучены очень мало, как, например, Занеманский край, восточная и южная часть Литвы, Клайпедская область, необходимо организовать разведочные экспедиции в эти районы. Восточную Литву исследовали Ф. В. Покровский, В. Шукевич и отчасти польские археологи, но материалов их раскопок почти не сохранилось. Восточная Литва богата городищами, курганами и другими археологическими памятниками, изучение которых могло бы полнее осветить важнейшие проблемы — древние литовско-славянские отношения, а также вопросы этногенеза.

Не производилось и полного исследования городищ — пилкальнисов Литвы, разнообразных по своей конструкции, назначению и времени сооружения.

Необходимо осветить по археологическим данным и позднейшие периоды истории Литвы. Так, например, археология показывает, что еще в погребениях XVII—XVIII вв. мы встречаем пережитки язычества, указывающие на то, что литовский народ долгое время был верен своим древним традициям, выражая этим протест против насильно навязанного ему католичества.

Ограничиваться только сбором археологических материалов нельзя; одновременно нужно обрабатывать и издавать их. Следует подготовить и издать общий обзор археологических памятников и написать монографии по отдельным вопросам археологии Литвы. Исследования археологических памятников Литовской ССР необходимо направить на разрешение общих, наиболее важных проблем, которые ставит перед нами советская археология.

Р. КУЛИКАУСКИЕНЕ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЛИТВЫ
КОНЦА I — НАЧАЛА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ НАШЕЙ ЭРЫ

С конца I тысячелетия н. э. в Литве распространяются могильники двух типов: грунтовые и курганные. Грунтовые характерны для западной и центральной Литвы; на северо-востоке они доходят до Биржайского уезда, на востоке — до Паневежского, а на юге — до Каунасского и Шакяйского¹. В остальных районах, на восток от Биржайского, Паневежского и Каунасского уездов и к югу от Шакяйского уезда отмечены исключительно курганные могильники.

Такое распределение двух основных форм могильников начинается в середине I тысячелетия н. э., тогда как в предшествующую эпоху на территории Литвы господствовали курганы. В II—III вв. в западной и центральной Литве они сменяются грунтовыми могильниками, продолжая существовать, в несколько измененном виде, лишь в восточной части. Исходя из этих внешних признаков, мы рассматриваем каждую группу могильных памятников отдельно по 2 указанным областям их распространения.

Курганы восточной Литвы. В конце I и начале II тысячелетий н. э., как и в предшествующее время, погребения в восточной Литве совершались в курганах. Курганы раннего периода были круглыми и сохраняли у основания кольца из камней, как подмечено в Памусяй Варенской волости Алитусского уезда² и в Лапушишках Зарасайского уезда³ (рис. 36—1). Впоследствии каменные кольца исчезают. Курганы окружались или отдельными ямами, или канавами, которые ясно прослеживаются у Лентупских курганов № 1 и 3; в других же исследованных здесь насыпях еще сохранились выкопанные у основания ямы⁴. Происхождение канав и ям объясняется не только тем, что из них бралась земля для курганной насыпи, но, может быть, и обрядовым значением их. Большинство канав и ям небольшого размера, и взятой из них земли было бы далеко не достаточно для сооружения курганной насыпи. Однако этот вопрос остается еще невыясненным.

Размеры курганов не одинаковые. Некоторые имеют от 6 до 12 м в диаметре и до 1 м в высоту, а иногда встречаются и очень низкие насыпи.

¹ В настоящей статье названия мест указаны по старому административно-территориальному делению.

² W. Szukiewicz. Kurhany cialopalne w Pomusiu. «Swiatowit», т. II, 1900, стр. 13.

³ J. Žiogas. Archaiologiski tyrinejunai Gaidis apylinkėje Lietuvos Tauta, кн. I, ч. 3, стр. 319.

⁴ Ф. В. Покровский. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы. Труды IX АС, т. II, 1897, стр. 141.

Так, Лапушишский курган № 3 (Зарасайского уезда)¹ — только 27 см высотой. Интересной особенностью ряда курганов, относящихся ко времени начала II тысячелетия н. э., является разнообразие форм. Они не всегда сохраняют округлые очертания, чаще всего встречаются овальные (Бель-

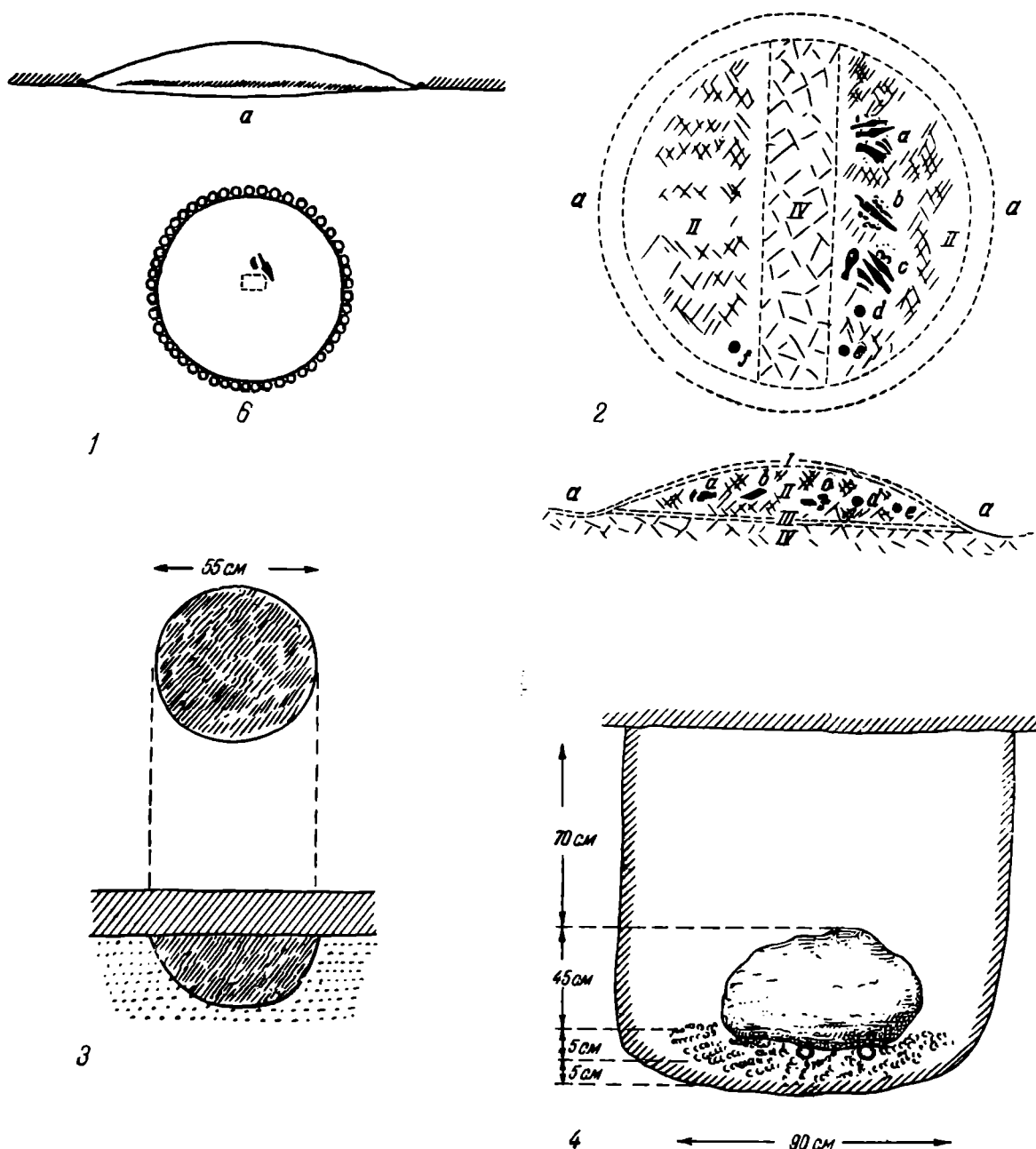

Рис. 36. Планы и профили литовских курганов и погребения с трупосожжением групповых могильников конца I — начала II тысячелетий н. э.

1 — курган № 9 у д. Лапушишке Зарасайского у.; 2 — курган № 1 у д. Памусай Алитусского у.; 3 — погребения с сожжением № 13-а из Граужай Иосвайняйской вол. Кедайнского у.; 4 — разрез могильной ямы с трупосожжением № 42 из Пришмончяй Кретингского у.

монт Браславского уезда)², а в отдельных случаях с четырехугольным основанием (Тверечь и Лентупис Швенчионисского уезда)³.

¹ J. Žiogas. Указ. соч., стр. 321.

² Ф. В. Покровский. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. Труды IX АС, т. I, 1895, стр. 181—185.

³ Ф. В. Покровский. К исследованию курганов..., стр. 139—141.

Очень часто курганные насыпи образуют большие группы. Ф. В. Покровский обнаружил в Арсах (Бреславского уезда) курганный могильник, в нем 70 насыпей¹, из которых только несколько исследовано.

В курганах этой эпохи встречаются погребения с трупосожжением и с трупоположением. Наряду с могильниками, содержащими исключительно трупосожжения², встречаются и такие, в которых при господстве обряда трупосожжения имеются и отдельные трупоположения³. Иногда среди основной массы погребений с трупоположением вкраплены отдельные трупосожжения⁴.

Установить какую-либо закономерность сочетания тех и других погребальных обрядов пока не позволяет малая изученность памятников. Курганы с трупоположением чаще наблюдаются на пограничной полосе Литовской и Белорусской ССР, где они и распространяются, в особенности в начале II тысячелетия н. э.

Погребения с трупосожжением в курганах встречаются иногда по одному, чаще по несколько в разных местах кургана — то в его основании, то в средней или в верхней части насыпи. Иногда одно погребение бывает в основании, а другое в насыпи того же кургана (Лентупис, курган № 1)⁵.

В некоторых случаях в основании несколько трупосожжений (Памусяй Алитусского уезда⁶, рис. 36—2), что более характерно для конца I тысячелетия н. э.

Погребения с трупосожжением представляют собой небольшие кучки пережженных костей, иногда с примесью углей. В этих остатках кострищ находят отдельные предметы погребального инвентаря. Весьма интересное явление отмечено Ф. В. Покровским в курганах в Рацком лесу и в Лентупис, И. Жногасом — в Лапушишках, В. Шукевичем — в Памусяй, где погребения с трупосожжением отделены от поверхности земли слоем белого песка и остатками костров (рис. 36—1а).

Трупы умерших сжигались за пределами могильников, места сожжения еще не обнаружены. Эта традиция господствовала в конце I и начале II тысячелетий н. э., и только позднее появляется обычай сжигать умершего в самом кургане. На это указывают Пожечские курганы в Дисненском уезде, где во многих насыпях большого могильника обнаружены остатки костров, мелкие пережженные кости и фрагменты обожженного погребального инвентаря⁷.

В погребениях с трупосожжением имеются чисто балтийские изделия: витые шейные гривны с коническими концами (Алушай, Памусяй, Лентупис), шейные гривны с плоскими заходящими друг за друга концами без пластинок и с пластинками (Памусяй, Лентупис), бронзовые арбалетные и подкововидные фибулы, наконечники копий листовидной формы, железные серпы и другие предметы.

Глиняные горшки в большинстве курганов очень просты по форме и грубы по качеству, они слабо профилированы и имеют большой диаметр венчика. Обычно их ставили или у самого погребения, или несколько в

¹ Ф. В. Покровский. Курганы на границе..., стр. 197.

² Алуоша (Ашменский уезд); Пликшикяй, Жингяй, Мацеляй, Тверечюс и Швейцар (Вильнюсского уезда); Памусяй (Алитусского уезда); Лапушишках (Зарасайского уезда); Белмонтас (Бреславского уезда); Будрионис, Пильвинай и Зезюлка (Швенчионисского уезда) и др.

³ В Рацком лесу и в Апсах (б. Бреславского уезда).

⁴ Бреславский могильник; могильник в с. Пожечай (Дисненского уезда) и др.

⁵ Ф. В. Покровский. К исследованию..., стр. 141—142.

⁶ W. Szukiewicz. Указ. соч., стр. 8, рис. 5 и 6.

⁷ Н. Сеха-Нолубовичова. Słowiańsko wareskie comentaryzysko kurganowe kolo Porzecza. «Przegląd Archeologiczny», т. VI, вып. 2—3, 1938—1939, стр. 184, рис. 9.

стороне. В. Шукевич предполагает, что в этих горшках переносили остатки сожжения с места сжигания в курганы¹.

В курганах с трупосожжением в начале II тысячелетия очень редко встречается оружие. Между тем оружие было характерным элементом инвентаря погребений с трупосожжением в восточной Литве для второй половины I тысячелетия. В памятниках начала II тысячелетия н. э. оружие почти исчезает, что было подмечено в Арсах, Рацком лесу, Цвейцарах и в других местах.

В погребениях с трупосожжением часто встречаются предметы конского снаряжения, а иногда и захоронения коня, которые в большинстве случаев не подвергались сожжению (Лапушишкяй). Иногда конь погребался в отдельном кургане (Плижшикяй и Жингяй Вильнюсского уезда)².

Однако отмечены случаи сжигания коня вместе с хозяином, что обнаружено в Цвейцарских курганах Рудаминской волости, где сожженные кости человека были перемешаны с пережженными костями коня и с различными предметами конского снаряжения³. В. Шукевич выделяет отмеченные погребения в курганах в особую группу⁴, хотя в подобном разделении нет особой необходимости, поскольку конь, независимо от того, сжигался ли он вместе с умершим или погребался отдельно, являлся лишь сопровождающим элементом. К этому вопросу мы вернемся позже при обзоре конских «могильников» центральной Литвы.

Курганы с трупоположением нельзя отличить по внешнему виду от курганов с трупосожжением. В первых погребениях находятся или в основании кургана (Бреславский могильник Навры Паставского уезда, часть Пожечских курганов Дисненского уезда и др.), или в могильных ямах (Пожечай). Обычно умершие клались в вытянутом положении, на спине. Только в одном случае, в Апсах Бреславского уезда, обнаружен скелет со слегка согнутыми коленями, положенный на левый бок и ориентированный головой на восток⁵.

Трупоположения отличаются от трупосожжений и по инвентарю. В первых мы не найдем массивных шейных гривен, браслетов, булавок и других изделий, характерных для погребений с трупосожжением. Из украшений в этих погребениях в небольшом количестве встречаются подкововидные фибулы, кольца, бусы, витые браслеты и др. Из орудий труда иногда находят небольшие железные ножи, кресала, точильные бруски; почти в каждом мужском погребении имеются железные топоры с широкими лезвиями, а в ногах погребенных обязательно ставился глиняный горшочек.

Грунтовые погребения западной и центральной Литвы. Выше мы уже говорили, что погребальные памятники I — начала II тысячелетий н. э. на территории западной и центральной Литвы представлены только грунтовыми могильниками, причем в центральных областях мы встречаем в этих могильниках трупоположения и трупосожжения, тогда как в западной части бытовал обряд трупоположения. Эта традиция была настолько сильна, что внедрение трупосожжений происходит здесь гораздо позже, чем в других местах Литвы. Даже в начале IX в. в западной Литве продолжает господствовать обряд трупоположения, однако в этом столетии уже появляются отдельные впускные погребения с трупосожжением. Только в грунтовом могильнике в Годаляй Платяльской волости Кретингского уезда, датированном концом VIII — началом IX вв., не обна-

¹ W. Szukiewicz. Указ. соч., стр. 11; Strefy archeologiczne na Litwie. «Rocznik Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie», 1918, стр. 9.

² W. Hołubowicz. Pięć lat pracy terenowej. «Rocznik Archeologiczny», т. I, стр. 86.

³ W. Antoniewicz. Archeologia Polski, стр. 205.

⁴ W. Szukiewicz. Strefy archeologiczne, стр. 10.

⁵ Ф. В. Покровский. Курганы..., стр. 201.

ружено ни одного погребения с трупосожжением¹. В других же могильниках этого периода — в Лайвяй Салантской волости и уезда и в Кяулейкяй Кретингской волости и уезда, мы уже встречаем единичные трупосожжения², число которых в последующее время несколько увеличивается. Так, в Гинтелишке Платяльской волости Кретингского уезда, где исследованный грунтовой могильник датируется X и началом XI вв., из 33 обнаруженных погребений 22 представляли трупоположения и 11 трупосожжения³. В Яздай Кретингской волости и уезда в могильнике X—XI вв. были обнаружены лишь четыре погребения с трупоположениями и 13 погребений с трупосожжением. В Пришманчяй Кретингской волости и уезда в могильнике IX—XI вв. обнаружено 22 трупоположения и 50 трупосожжений и т. д. Это числовое соотношение двух обрядов погребения ярко иллюстрирует процесс постепенного внедрения обычая предавать умерших сожжению. Различия в сопутствующем двум видам погребений инвентаре, вообще достаточно характерном для указанной области, не наблюдается.

Погребения с трупоположением. Грунтовые могильники с трупоположением IX—XII вв. западной Литвы отличаются от более древних могильников (того же типа и района) отсутствием кольцевидной каменной кладки в основании отдельных могил, столь характерной для погребений III—VI вв. Так же как и в более раннее время, захоронения располагаются друг около друга, причем умершие погребались на спине, в вытянутом положении с различно согнутыми руками. Строгая ориентировка покойников в одном направлении не всегда прослеживалась, хотя чаще всего в одном могильнике придерживались одного и того же направления⁴.

Для погребений данной группы весьма характерен необыкновенно многочисленный и богатый инвентарь, не повторяющийся в других памятниках на территории Литвы. Так, Лайвяй, Кяулейкяй, Гинтелишке и другие меньшие могильники дали тысячи прекрасных предметов. В качестве примера можно сослаться на Гинтелишский могильник, в каждом из погребений которого находим по несколько подкововидных фибул разнообразной формы, помимо различных других предметов (рис. 37 и 38).

Для погребений западной Литвы характерен определенный порядок расположения могильного инвентаря, который, за исключением украшений, размещенных соответственно своему назначению, сосредоточивается у головы. Так, вокруг головы умершего раскладывали различные орудия труда, у женщин, кроме того, драгоценности, чаще всего сложенные в берестяные коробочки (рис. 38—2), украшенные бронзовой оковкой. В мужских погребениях копья обыкновенно кладутся сбоку так, чтобы острие оказывалось на уровне черепа. Помимо этого, в мужских и женских погребениях встречаются характерные для западной части Литвы принадлежности погребального инвентаря — миниатюрные глиняные горшочки или роги для питья.

В большинстве случаев умершие погребались в долбленых дубовых гробовищах, на глубину до 1 м, где обыкновенно попадают мелкие угли и зола.

Как явление довольно редкое встречаются погребения, покрытые большим камнем (Димитрава Кретингского уезда)⁵. Камень, под которым

¹ Материал раскопанного могильника и дневники находятся в Каунасском художественном музее.

² То же.

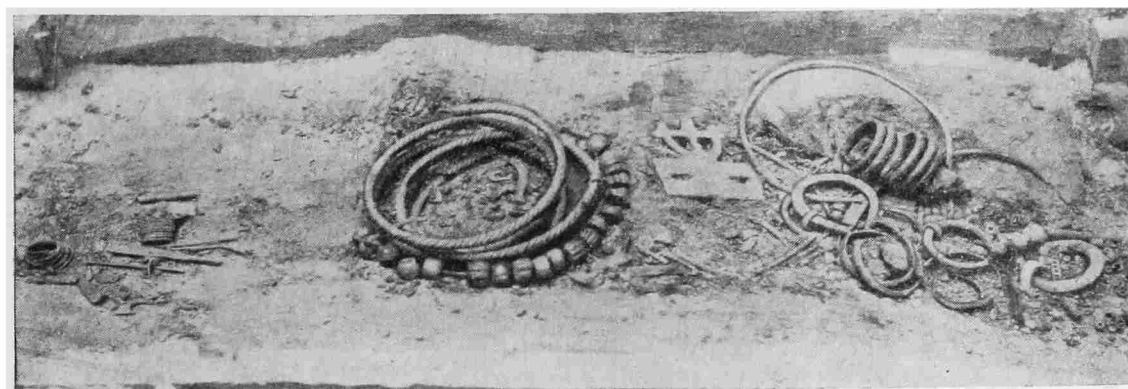
³ То же.

⁴ В Гинтелишке и Кяулейкяй погребения ориентированы головами на северо-запад, но в Лайвяй — на юго-восток (140—150°). В Пришманчяй мужчины погребены головами на юг, женщины — на север.

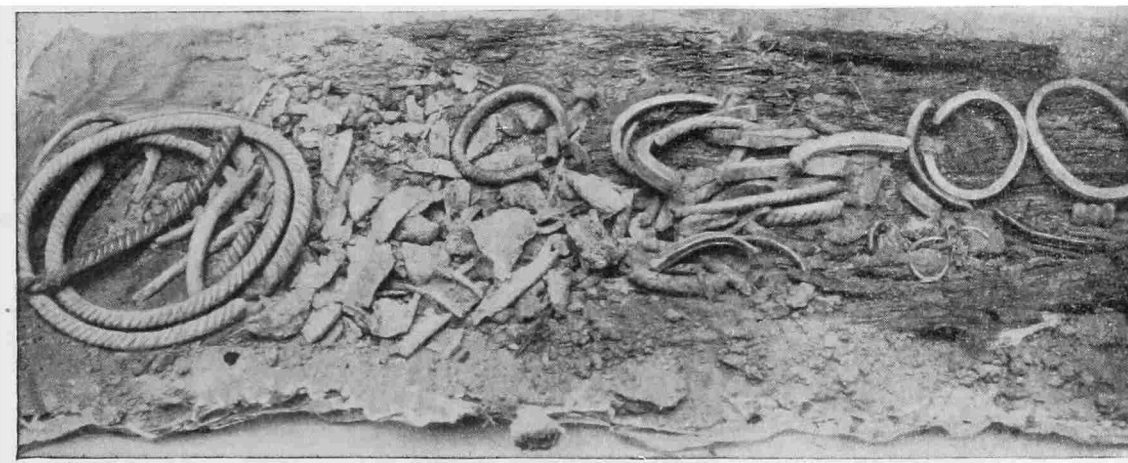
⁵ Материалы и дневник хранятся в Каунасском музее.

1

2

3

Рис. 37. Погребения с сожжением в Литовской ССР.
1 — № 7; 2 — № 5 из могильника Гинтелишке; 3 — № 8 из могильника Лаздининкай.

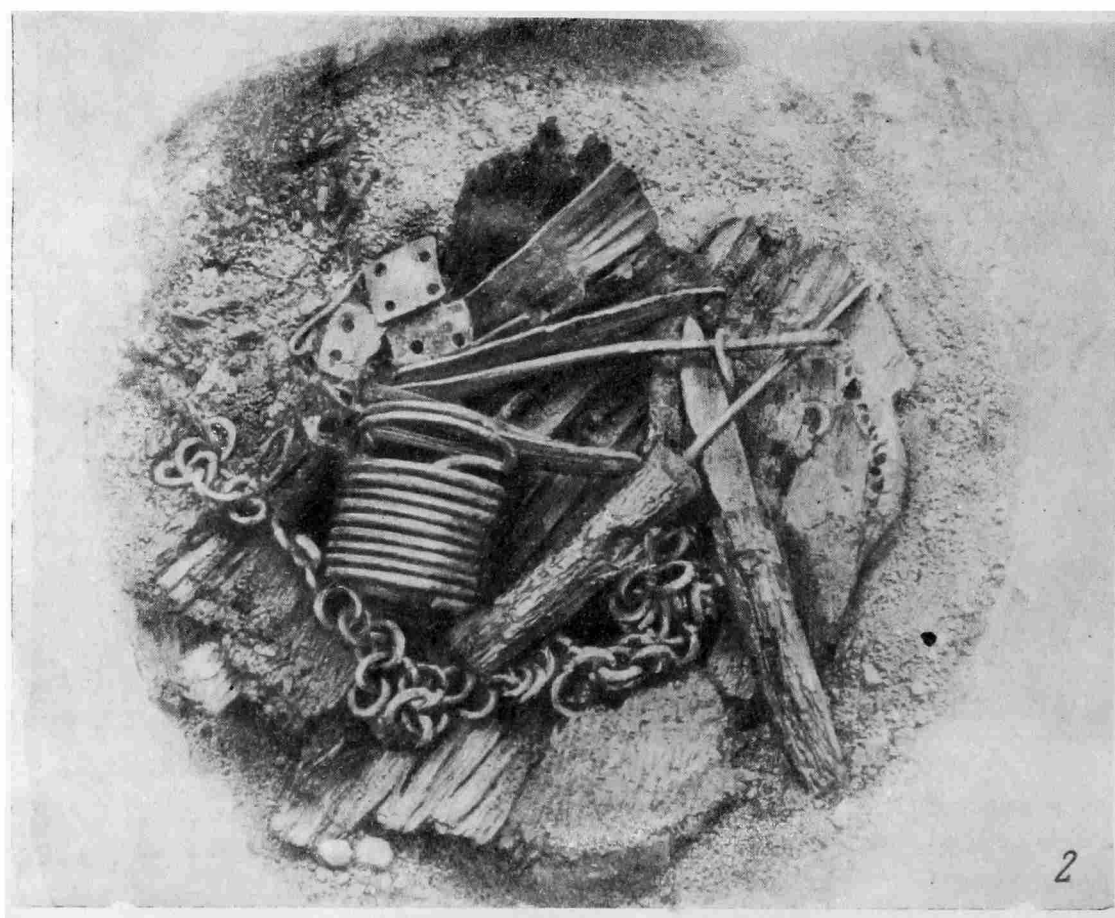
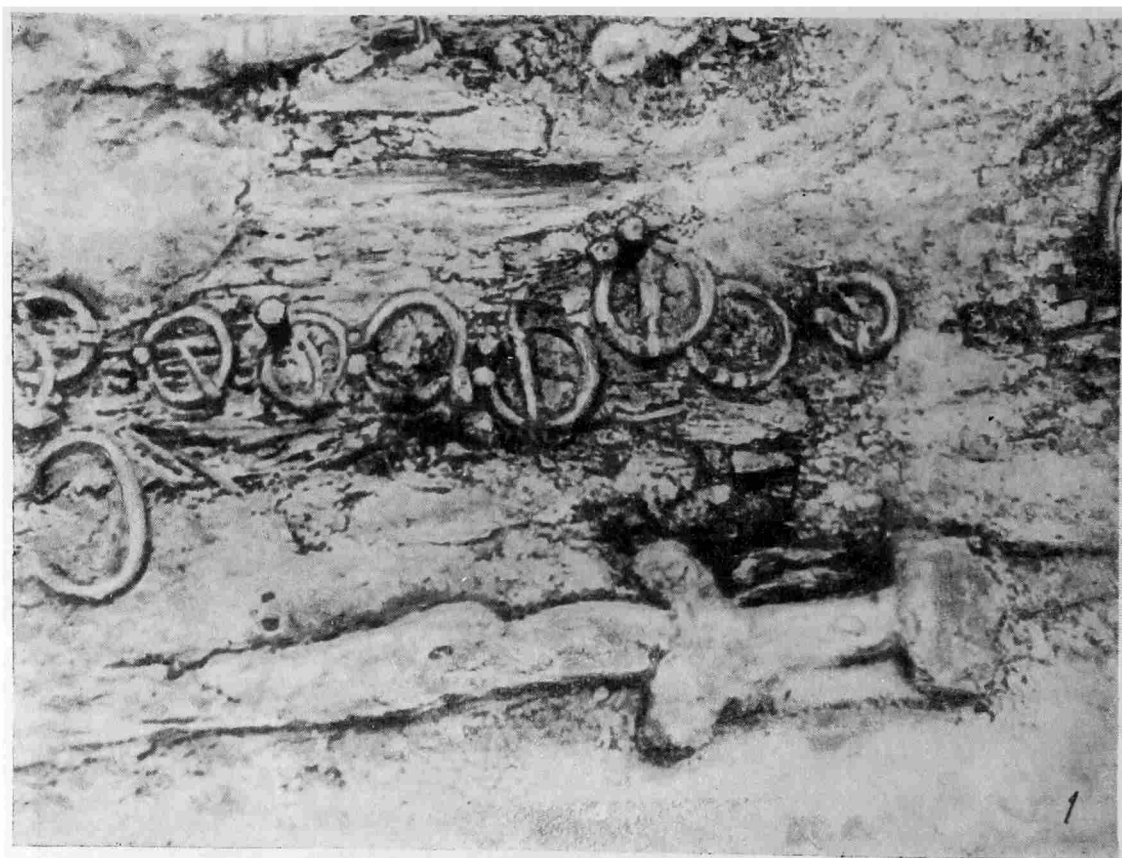

Рис. 38. Погребения западной Литвы.

1 — № 10 из могильника Гинтелишке; 2 — деталь женского погребения № 10, в берестяной коробочке, из могильника у Яздай.

находится костяк, обыкновенно лежит на глубине 0,8—1 м. Впрочем такие погребения более характерны для трупосожжений этого же периода.

Трупоположения центральной и северной Литвы почти ничем не отличаются от аналогичных погребений западной. Разница только в том, что первые сопровождаются менее богатым инвентарем и размещение его в погребении менее четкое. Однако и здесь в распределении предметов существовал определенный порядок. Так, копья чаще всего кладутся также сбоку от умершего, острием вверх (Линксмучай Пакройской волости Шауляйского уезда), однако в Палукнях (Расейняйского уезда) отмечено обратное: копья лежали острием вниз, к ногам¹. Короткий меч обыкновенно встречается лежащим поперек тазовых костей (Линксмучай). Ориентировка погребений различна, но в каждом отдельном могильнике придерживались определенного порядка. Так, например, в Палукнях все погребения ориентированы головой на запад, в Линксмучай мужские захоронения головой на юго-восток, женские — на северо-запад.

Вообще следует отметить, что в эпоху IX—XII вв. все более и более стираются различия в обрядах погребения западной, центральной и северной частей Литвы. Устанавливается единообразие обряда погребения по всей Литве.

Погребения с трупосожжением. Для могильных памятников I тысячелетия н. э. в западных, центральных и северных районах Литвы наиболее характерен обряд трупоположения. Однако в центральной Литве как исключение уже встречаются сожжения, датирующиеся V—VI вв. (Эйгульский могильник Каунасского уезда).

В последующую эпоху здесь прослеживается не только количественное увеличение сожжений, но и распространение их в смежных районах Литвы (Вершвай Каунасского уезда)². В западных же областях Литвы первые трупосожжения, как отмечалось выше, появляются только в конце VIII и начале IX вв., все более и более вытесняя трупоположение. В памятниках начала II тысячелетия н. э. трупосожжения уже численно преобладают.

Рассматриваемый период интересен именно благодаря наличию тех изменений, которые происходят в погребальных традициях населения, т. е. постепенным переходом от захоронений умершего к обычаю сожжения, который распространяется по всей территории Литвы. В ранних трупосожжениях западной Литвы еще проявляется сильное влияние традиций обряда трупоположения. Исследования могильников этого района на протяжении последних лет выявили ряд погребений, где остатки сожженных костей сыпались в большое гробовище, аналогичное тому, в котором погребались несожженные трупы. Могильный инвентарь в этих погребениях располагался в том же порядке, как и при трупоположениях (рис. 37—2)³. В хронологически более поздних трупосожжениях также иногда прослеживается сыпание костей в гробовище, однако не наблюдается характерного распределения предметов погребального инвентаря. Чаще всего он весь в беспорядке сыпается в гробовище вместе с костями (рис. 37—3), иногда часть вещей кладется под гробовищем⁴.

При более поздних сожжениях гробовища больших размеров изредка заменялись деревянными ящиками. Еще Бецценбергер упоминает о погребениях с трупосожжением в деревянных ящиках, обнаруженных в Рамучай и Андудай Клайпедского уезда. Энгель обнаружил их в Линкунай.

¹ T. Dowgird. Melzyn kopas pod Jasnogorka. «Pamiętnik Fiziograficzny», т. VII, 1887, табл. VII.

² Дневник хранится в Каунасском художественном музее.

³ Такие погребения с трупосожжением в больших гробовищах вскрыты в Лайзай, Гинтелишке и Лаздининкай, все — в Кретингском уезде.

⁴ Это явление замечено в Лаздининкай, погребение № 8.

В последнее время в Яздай Кретингского уезда было вскрыто женское трупосожжение в деревянном ящике.

Длительное переживание элементов старой традиции обряда трупоположения в могильных памятниках западных областей Литвы сказывается и в том, что при трупосожжениях лишь небольшая часть погребального инвентаря повреждена огнем. Очевидно предметы, которые должны были сопровождать покойника, бросали в костер только в конце обряда сжигания. Основная же часть инвентаря совсем не имеет следов действия огня, но зато бывает иногда намеренно испорчена (поломана)¹.

В районе распространения грунтовых могильников, наряду с подобными трупосожжениями переходного типа, обнаружены еще два вида сожжений. Первую, самую большую и основную группу составляют погребения, при которых остатки сожжений ссыпались вместе с инвентарем в вырытые в материке чашевидной формы ямы различных размеров, обыкновенно на глубине 0,5—1 м от поверхности земли (рис. 36—3). Могила часто покрывалась большим (рис. 36—4) или несколькими меньшего размера камнями. Перенесенный с обрядового костра вещевой инвентарь не раскладывался в определенном порядке, как при трупосожжениях V—VIII вв., а ссыпался в могильную яму вместе с пережженными костями. Подобные погребения довольно однообразны и ничем особенным друг от друга не отличаются. Изредка на площади, занятой могильником, отмечаются кострища, на которых производилось сожжение умерших. Тишлер упоминает о кострищах в Аукштакемай, Бецценбергер — в Рамучай Клайпедского уезда. Исследованиями последних лет они обнаружены в Кяулейкяй Кретингского уезда, Римайсяй Рамигольской волости Паневежского уезда, Саргемай у Каунаса, Граужай Ясвойнской волости Кедайнского уезда и в других могильниках². Кострища выделяются на поверхности земли в виде больших темных пятен и содержат включения мелких углей, обломки пережженных костей и фрагменты различных бронзовых и железных изделий.

Ко второй группе принадлежат погребения, в которых сожжение производилось на месте захоронения. Они характерны для начала II тысячелетия н. э. и довольно редки. Об этих погребениях мы упоминали выше, при описании поздних трупосожжений в курганах восточной Литвы. Прослеживаются они также и в поздних погребениях с трупосожжением грунтовых могильников центральной и западной Литвы. Эти сожжения выделяются в могиле в виде больших темных пятен неправильной формы, от 2 до 5 м в диаметре, и содержат обожженные человеческие кости, уголь и рассыпанные предметы погребального инвентаря.

Заканчивая обзор погребений грунтовых могильников Литвы, необходимо упомянуть о так называемых «особых погребениях», без каких-либо признаков собственно захоронения: они содержат лишь небольшой инвентарь или даже единичные предметы. Значение «особых погребений» остается пока неясным. Быть может они являются дополнительными к основному погребению? Существует также предположение, что отдельные вещи закапывались в тех случаях, когда их владелец умирал где-то на чужой стороне. Подобный могильник впервые обнаружен в Пришманчай Кретингского уезда. Он содержал до 17 «погребений» указанного типа. Кроме того, в последнее время обнаружено одно аналогичное погребение в Лаздининкай Дорбенской волости Кретингского уезда.

Насколько правильны высказанные выше предположения покажут дальнейшие исследования.

Погребения с конями. В могильных памятниках на территории Литвы имеются отдельные погребения первых веков н. э. с конями

¹ Это очень ярко проявляется в могильнике Лаздининкай.

² Дневники исследований всех этих могильников находятся в Каунасском музее.

(Курмайчай, Лаздининкай, Кретингского уезда), известны они и в середине I тысячелетия н. э. в грунтовых и в курганных могильниках (Рекете Кретингского уезда, Антазаре и Римшенай Швенчионисского уезда), но особенно характерны для X—XII вв., когда появляются массовые «конские могильники».

Несмотря на то, что самое раннее из известных погребений с конем обнаружено в западной Литве, для этого района совместные погребения человека с конем не характерны. Здесь встречены лишь отдельные погребения с конями — в Никелай и в Скомонтай Швекшнянской волости Таурочайского уезда, тогда как они довольно обычны для курганов восточной Литвы, а в центральной Литве к этому времени относятся массовые «конские могильники»¹.

В могильниках центральной Литвы захоронения несожженных коней обыкновенно встречаются рядом с погребениями с трупосожжениями. Лишь в отдельных местах (например, в Граужай и Русейнай) трупосожжения обнаружены поверх погребений коней. В большинстве же случаев (Пакапйай, Вершвай, Римайчай) кони захоронены в одной части могильника, обычно на глубине 0,20—0,40 м от поверхности земли, а сожжения людей в другой его части. В одной могиле часто встречаем два, три и более, до восьми, конских скелетов. Иногда кони закапывались стоящими, чаще же лежащими на боку, на спине или на животе, обычно с подогнутыми ногами.

На основании часто наблюдаемого неестественного положения костяков можно предположить, что кони вталкивались в могильные ямы живыми и затем закапывались. Это подтверждается на примере некоторых конских погребений в Вершвай, где в нескольких случаях замечено, что кони погребались с завязанными глазами или с привязанным к голове мешком с зерном.

Обычно погребения коней сопровождалось богатым снаряжением. Их головы часто украшались характерными для всех конских могильников бронзовыми свернутыми бляшками и спиралями, к которым прикреплялись разнообразные подвески, бубенчики, янтарные бусы и другие мелкие украшения (рис. 39). В составе упряжи встречены и удила; особенно типичны найденные в Граужай костяные трензели; уздечки часто бывают окованы бронзовыми и серебряными пластинками. В некоторых конских погребениях найдены массивные шейные гривны из витой проволоки с петельчатыми или коническими концами. В отдельных случаях даже хвосты коней украшались массивными спиралями. Стремена различного типа и колечки, соединяющие отдельные части сбруи, часто инкрустированы медью или серебром (рис. 40). Большинство конских могильников датируется XI—XII вв. Несмотря на господствовавший в центральной Литве обычай погребать коней в стороне от человеческих трупосожжений, нельзя считать отдельные конские погребения самостоятельными. Кони были таким же погребальным инвентарем, как оружие и орудия труда, они требовали только отдельной могильной ямы. В IX—XII вв. мы встречаемся с новым явлением — с захоронением инвентаря отдельно от погребения человека в силу веры, что в загробной жизни вещи будут принадлежать тому, для кого они предназначены.

Число погребенных коней, — повидимому, признак социального неравенства. С богатыми воинами погребалось большее число коней. Так, Герман Вартберг упоминает, что вместе с князем Алгирдасом (Ольгердом) было сожжено 18 коней.

¹ До сего времени исследованы такие «конские могильники» в Граужай, Русейнай и Пакапйай Кедайняйского уезда, Вершвай Каунасского уезда и Румайгай Паневежского уезда.

Обычай совместного погребения человека с конем господствовал на территории б. Восточной Пруссии, в особенности в области сембов-мотангов. Здесь, как и в Литве, эта традиция особенно проявляется в IX—XII вв. Это подтверждается не только вещественными данными, но и письменными источниками. Так, например, в Кристбургском договоре (1249 г.) помещено условие, что пруссы обещают за себя и за своих потомков не сжигать трупы умерших, не хоронить их вместе с конями, оружием, одеждой и другими ценными вещами, не выполнять других языческих обрядов, но хоронить своих умерших по-христиански на церковных кладбищах, а не в стороне от них.

Таким образом, обряд совместного погребения коней и людей, имевший широкое распространение в I тысячелетии н. э., еще сохранялся в XIII в., что зафиксировано различными письменными источниками.

Рис. 39. Деталь погребения коня. Вершвай.

Таким образом, на территории Литвы были выявлены четыре основных явления, характерных только для этого периода: 1) расчленение всей территории Литвы по внешним признакам памятников на два района — грунтовых могильников (западная и центральная Литва) и курганных могильников (восточная Литва); 2) проникновение отдельных курганов с трупоположением на территорию распространения курганов с трупосожжением; 3) распространение обряда трупосожжения по всей Литве; 4) появление массовых конских погребений.

Остановимся детальнее на каждом из отмеченных явлений.

1. При рассмотрении двух различных по внешним признакам типов могильников было отмечено, что грунтовые могильники на северо-востоке доходили до Биржай, на востоке — до Паневежского уезда, на юге — до Каунасского уезда.

Пограничная полоса, разделяющая грунтовые могильники от курганных, почти совпадает с течением р. Невежис; эта река обычно примерно считается древней границей между жемайчами (жмудинами) и аукштайчами (собственно литовцами). Возникает вопрос, не принадлежат ли грунтовые могильники жемайчам, а курганные — аукштайчам? Эти предположения

были высказаны в некоторых археологических работах¹. Этот вопрос был разрешен только гипотетически, так как, основываясь лишь на различии обрядов погребений, точных выводов делать еще нельзя. В буржуазной литовской литературе преобладало мнение, что названия жемайчяй и аукштай-

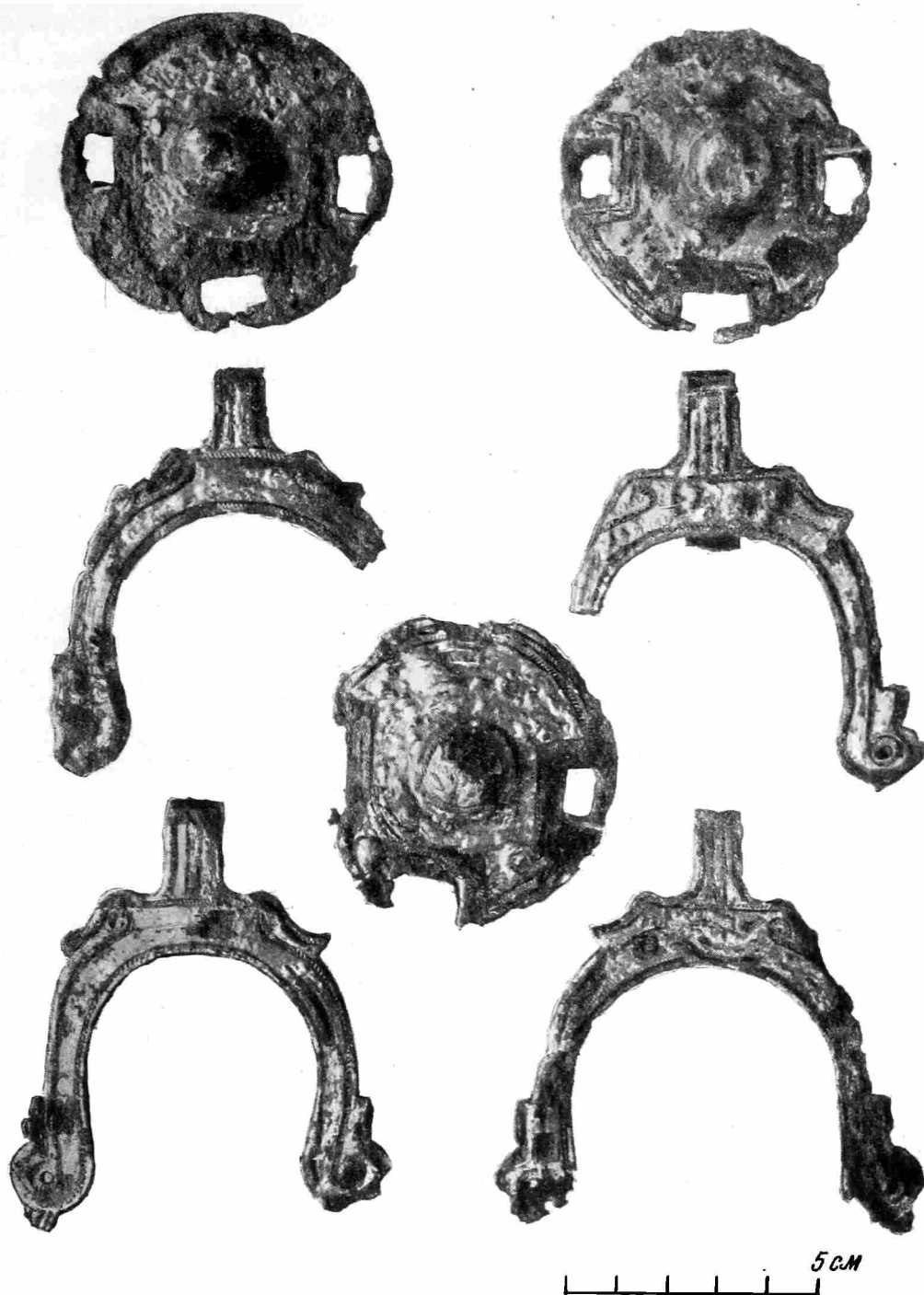

Рис. 40. Орнаментированные предметы конского убора. Риммайсай Паневежского у.

чяй — лишь географические термины. Это мнение было основано на свидетельстве Витовта (1420 г.): «Жемайчяй от отцов Литву называют Аукштайчяй, так как эта земля выше нежели земля жемайчяй»². Это заявление Витовта как будто подтверждает мнение, что между жемайчяй и аук-

¹ Ф. Д. Гуревич. Обряды погребения в Литве. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 34.

² «Lietuvisko Enciklopedya», стр. 199.

штайчай большой разницы не было и что эти названия лишь отражали географические особенности двух районов Литвы. Но так ли это в действительности, должно показать изучение археологических, в особенности могильных, памятников.

Различие между грунтовыми могильниками западной и центральной Литвы, с одной стороны, и курганными восточной — с другой, выражается не только во внешнем виде, но и в вещевом инвентаре погребений. В западной Литве совершенно не известны шейные гривны с седловидными плоскими заходящими друг за друга концами с пластинками и без пластинок, витые шейные гривны с высокими коническими концами и др. Даже и для соседней территории центральной Литвы они не характерны, хотя единичные экземпляры встречаются и там.

Следует признать поэтому, что в позднем железном веке еще сказывались существенные различия между двумя охарактеризованными выше областями Литвы, хотя уже в этом периоде заметна тенденция к объединению, сплочению их в одно целое. Эта тенденция проявляется в последующую эпоху в распространении обряда трупосожжения по всей Литве. Мы полагаем, что на основании рассмотренных данных можно высказать предположение о принадлежности двух групп памятников двум племенам: грунтовые могильники оставлены упомянутыми в исторических источниках жемайтцами, а курганные могильники — аукштайчами.

2. Не менее характерным для этого периода надо считать и появление захоронений с трупоположением в районе распространения курганных погребений с трупосожжением.

Еще Ф. В. Покровский, исследовавший многие курганы восточной Литвы и западной Белоруссии, выразил мнение, что курганы с трупосожжением принадлежат литовцам, а с трупоположением — славянам¹. Позднейшие исследования в Вильнюсском крае в то время, когда он принадлежал Польше, подтвердили это мнение, так как в погребениях с трупосожжением наиболее обычны чисто литовские вещевые находки, а для погребений с трупоположением характерны славянские изделия.

Более систематическое изучение дало бы возможность в дальнейшем выяснить литовско-славянские отношения конца I и начала II тысячелетий н. э. Данных настоящего времени еще недостаточно для широких выводов. Однако нужно заметить, что курганные могильники с трупосожжением, датирующиеся VIII—IX вв., обнаружены даже к востоку от Бреславля — в Рудне, Белчицах, Гаравах², тогда как в начале II тысячелетия н. э. курганы с трупосожжением не выходят за пределы Литвы, намечаемые по этнографическим данным. Наоборот, в этом периоде на пограничной полосе Литовской и Белорусской ССР мы все чаще встречаемся со славянскими курганами. Так, например, в Пожечах Дисненского уезда половина курганов уже содержит трупоположения.

Погребения с трупосожжением в Пожечах на основании вещевых находок (в том числе арабской монеты X в.) нужно отнести к концу I и началу II тысячелетий н. э. Погребения с трупоположением, особенно в тех случаях, когда умершие захоронялись в могильных ямах, относятся к позднему времени — XII—XIII вв. Г. Цегак-Голубович совершенно правильно считает, что эти погребения с трупоположением принадлежат кривичам и дреговичам³. Кроме того, часть Черновичских (Дисненского уезда) курганов имеет славянский характер не только по обрядам, но и по инвентарю⁴.

¹ Ф. В. Покровский. Курганы..., стр. 197.

² А. Н. Ляуданский. Археологичныя досьледы у Полацкай акрузе. «Запіскі аддзелу гумантарных навук», кн. II, Минск, 1930, стр. 157—198.

³ Н. Сегак-Голубовичова. Указ. соч., стр. 178—203.

⁴ Она же. Zabytki archeologiczne wojewodstwa Wileńskiego, Nowogrodzkiego, стр. 24—26.

Следует упомянуть и могильник в Наврах Поставского уезда, в котором преобладают трупоположения, Платовский могильник, где обнаружены исключительно трупоположения, сопровождавшиеся погребальным инвентарем славянского характера¹. Даже в Ошмянском уезде мы встречаем чисто славянские курганные могильники в Высоках и Казаровщине, относящиеся к XIII—XIV вв. н. э.²

Наши выводы имеют предварительный характер. Только всестороннее исследование ряда областей Литвы помогло бы выяснить литовско-славянские отношения в конце I и начале II тысячелетий н. э. Пока же к сказанному можно добавить, что полное отсутствие оружия в большинстве литовских могильников начала II тысячелетия н. э., а также погребения умерших литовцев и славян в одном и том же могильнике указывают на мирные и дружественные отношения этих народов.

3. Третье основное явление — широкое распространение обряда трупосожжения в IX—XII вв. по всей Литве. На основании позднего появления обряда трупосожжения в западных областях Литвы в буржуазной археологической литературе высказывалось мнение о чужеземном происхождении этого обряда в указанных районах Литвы и Латвии и утверждалось, что он возник здесь в результате влияния норманов — викингов.

По поводу внедрения трупосожжений в Куршах указывался даже путь распространения обряда, который шел на север через Лимкуны в Клайпедский край и далее в Курши. Появление трупосожжений в Клайпедском крае также связывается с влиянием викингов, но считается, что этот обряд проник сюда с севера из Куршай, поскольку он появился здесь раньше, чем в Клайпедском крае.

Основываясь на материале последних археологических исследований в западной части Литвы, в особенности в Кретингском уезде, мы вправе дать вопросу иное освещение. Обряд трупосожжения в западной Литве появляется в конце VIII — начале IX вв., т. е. значительно раньше, чем в Куршах, где его появление датируется X в. Кроме того, переход к новому погребальному обряду происходит постепенно, без всяких ясно выраженных чужих влияний, только вначале еще сильно сказываются старые традиции, проявляющиеся в частичном сохранении погребений с трупоположением.

Что же является причиной перехода к обряду трупосожжений? Правильно ли мнение, что он появляется под влиянием викингов, которые с IX в. совершают набеги на восточную и южную часть Балтийского побережья? Разрешение этих вопросов требует особого исследования. Мы позволим себе лишь выразить сомнение по поводу высказанных в буржуазной литературе предположений. Сомнительно, чтобы население западных областей Литвы и Латвии восприняло новый обряд от своих противников — викингов, в то время как сжигание умерших уже давно практиковали соседние родственные племена. Конечно, нельзя отрицать того, что западные области имели довольно оживленные торговые сношения с норманами, на что ясно указывают некоторые находки на территории западной Литвы изделий норманского типа, датирующиеся в большинстве случаев X—XI вв. Тем не менее трудно допустить, что даже при наличии торговых отношений с викингами местные жители столь легко перенимали бы от своих противников чуждые религиозные верования.

Разрешить вопрос о причинах распространения обряда трупосожжения в западной Литве нам скорее поможет изучение соответствующих обычаев

¹ Она же. *Slowianskie Cementarzysko kurhanowe kolo wsi Platowa w powiecie i wojewodstwie Nowogrodzkim*. «Ateneum Wilenskie Rocznik», III, Zesz. I, Вильнюс, 1938, стр. 183—197.

² S. Jarochi. *Kurhany i Cimentavzysko w pow. Oszmianskim w gub. Wilenskiej*. «Swiatowit», т. III, 1901, стр. 46—48.

в центральной и восточной ее областях. В восточной и центральной Литве обряд трупосожжения появляется одновременно в V—VI вв. с той лишь разницей, что в восточной Литве в это время в курганах отмечены исключительно погребения с трупосожжением, а в центральной Литве — лишь единичные случаи трупосожжения. Однако в IX—XII вв. этот обряд повсеместно распространяется и в центральной Литве. Можно предположить, что отсюда он проник в западные районы, тем более что в IX—XII вв. наблюдается большое сходство погребальных обрядов центральной и западной Литвы. Существовавшие в первых веках н. э. различия в обрядах погребений западной и центральной Литвы в настоящее время почти совершенно исчезают, сохраняясь лишь в некоторых деталях, например размещении вещевого инвентаря в труположениях. Распространяющиеся здесь в дальнейшем погребения с трупосожжением ничем не отличаются от сожжений, практиковавшихся в смежных районах.

Возможно, что на распространение обряда трупосожжения в западных районах Литвы оказали влияние не викинги, как считали раньше, а обряд этот проник из восточных областей, распространившись сначала в центральной Литве, а позже и в западной, понемногу заменяя обряд труположения, а в начале II тысячелетия и окончательно его вытеснив.

Во II тысячелетии н. э. в Литве был распространен исключительно обряд трупосожжения, на что указывают не только данные исследования могильников, но и многие письменные источники, которые особенно подчеркивают языческий характер литовско-прусского обряда сожжения умерших. Сожжению были подвергнуты тела князей Кестутиса и Алгирдаса.

Литовцы противостояли с оружием в руках насильственному распространению христианства, и их борьба против поработителей — крестоносцев приобрела форму борьбы религиозной, одним из проявлений которой являлось сохранение обряда сожжения трупов умерших соплеменников¹.

Проникновение обряда трупосожжения из восточных областей в центральные и западные и распространение его в XIII в. по всей Литве следует рассматривать как одно из многочисленных проявлений совершившегося в это время культурного объединения всех областей Литвы, имевшей в XIII в., благодаря объединению, достаточно сил для отражения немецкой агрессии. Это явление надо интерпретировать как отражение начала формирования литовской народности.

4. Наконец, четвертое, характерное для этого периода явление — распространение массовых конских погребений. Такие погребения следует рассматривать как одну из необходимых принадлежностей погребального инвентаря, отдельные предметы которого помогают разрешить вопрос о характере занятий умершего. Погребенный конь — свидетельство того, что мы имеем дело с захоронением воинов.

Поскольку погребение коней сопровождалось богатым снаряжением, значительная часть которого представляла собой импортированные изделия (например, инкрустированные серебром железные предметы конского снаряжения), следует предположить, что лица, погребенные с конем, были более или менее зажиточными, принадлежавшими к особой группе конных воинов, появление которой вместе с другими фактами свидетельствует, что в Литве началось образование феодальных классов.

¹ См. Ф. Д. Гуревич. Указ. соч., стр. 35.

М. Р. В И Л С О Н Е

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ГОРОДЕ РИГЕ

Первые сведения о г. Риге имеются в летописях XII в. Генрих Латыш сообщает, что Ригу основал епископ Альберт в 1201 г.¹, а автор Рифмованной хроники утверждает, что город начал строить епископ Бертольд в конце XII в.² Альберт Штаденский в своей хронике пишет, что Ригу построил епископ Альберт в 1203 г. Автор Славянской хроники Арнольд Любекский повествует, что епископ Мейнгард основал свою резиденцию на месте, называемом Ригой³, в конце XII в. В хронике Германа Вартбергского создателями Риги названы крестоносцы, которые якобы основали город еще до 1198 г.⁴

Рижский синдик в 1564 г. утверждает, что город основали торговцы, которым принадлежало право на воды г. Риги⁵. Это подтверждается также рассказом летописца Генриха⁶.

В «*Rigische Rechenbuch*» 1688 г. основание Риги относится к 1223 г. Таким образом, данные письменных источников не позволяют сделать определенных выводов о времени основания Риги и об ее создателях.

В наше время вопрос о возникновении Риги затронут в очерке «Раннее средневековье в Латвии»⁷. Автор очерка считает, что в XII в., еще до основания города, на его месте было поселение ливов — одно из крупнейших торговых центров на территории Латвии, подобное Ерсике, Кокнесе, Даугмале, Межотне, Талси.

Крайне недостаточные сведения письменных источников по древней истории Риги за последние годы значительно пополнились археологическими материалами.

До 1938 г. археологических раскопок в центре Риги не производилось; исследовались лишь первые укрепления немцев XII и XIII вв. в окрестностях города — в старой Даугавгриве, Икскюле, Мартиньсала.

¹ *Henrici Chronicon Livoniae* ed. W. Arndt. In usum scholarum ex M. G. H., кн. IV, V. Ганновер, 1874; Генрих Латвийский, Хроника Ливонии. Перев. С. А. Анненского. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938.

² I. Meuser. *Livländische Reimchronik*. Падерборн, 1876, стр. 223—325.

³ *Arnoldi Lubicensis Chronica slavorum* G. H. Pertz *Scriptores rerum germanicarum*, in usum scholarum, Ганновер, 1868.

⁴ «*Hermannus de Wartberge Chronicon Livonicae scriptores rerum prussicarum*», т. II, стр. 9—116.

⁵ Нотариальное удостоверение о правах г. Риги на воды Даугавы от 31 января 1564 г. Оригинал — в Рижском городском архиве, опубликован в «*Monumenta Livoniae antiquae*», IV, ССХСУ, Рига и Лейпциг, 1844.

⁶ Хроника Генриха, кн. I, § 2.

⁷ J. Zutis. *Agrie viduslaiki Latvijā*. Рига, 1948.

В общем собрание рижских древностей носило случайный характер, обычно находки обнаруживались во время закладок фундаментов новых зданий.

С 1938 г. археологические раскопки производятся Рижским городским (бывш. Домский) музеем, наблюдающим за строительными площадками городских новостроек. В 1938—1940 гг. произведены раскопки на месте древней набережной реки Даугавы и в районе древней рижской гавани на берегу р. Риги. В 1947—1948 гг. раскопки на набережной Даугавы были продолжены. Обнаружена построенная в начале XIII в. городская крепостная стена. Одновременно велись раскопки на месте ратушной и рыночной площадей.

Выбор мест для археологических раскопок последних лет обусловливался планом послевоенного восстановления города; они производились в районах, предусмотренных для застройки.

Наиболее ценны для истории г. Риги раскопки древней набережной Даугавы. В 1938 г. на глубине 0,70 м в культурном слое XI—XII вв. найдены остатки сильно сгнивших свай, бревен. В слое XII—XIII вв. обнаружены деревянные камеры (1,5 × 1,5 м), заполненные крупными камнями, возможно являющиеся частью возведенного в XIII в. укрепления берега Даугавы. В том же слое обнаружен настил из досок по направлению к Даугаве, опиравшийся на сваи и укрепленный камнями. Края настила скреплены сосновыми бревнами. Под настилом проходил проток. В слое XIII—XIV вв. (на глубине 1 м) обнаружены следы двух дорог: одна из них покрыта сучьями, другая — камнями, и настил из липовых досок, представляющий собой дно водоема. В этом же слое вскрыт сруб постройки, вероятно сгоревшей во время большого пожара в конце XV в. Кроме того, обнаружены две мостовые древней набережной. Нижняя замощена колотым серым камнем и известняком, скрепленными глиной, верхняя — кирпичом и известняком. Последняя мостовая сооружена позже XIII в.

Предметы, найденные во время раскопок 1938 г., относятся главным образом к XI—XII вв. Среди них имеется много предметов рыболовного снаряжения (иголки для плетения сетей, поплавки из сосновой коры и дерева, глиняные, каменные и свинцовые грузила), остатки деревянной посуды, украшения ливов и латышских племен (рис. 41). Из украшений необходимо отметить бронзовую крестовидную булавку, подковообразные фибулы с утолщенными и фасетированными концами, фрагмент лентовидного браслета куров, пряжку от пояса, застежку. На существование ввоза с востока указывают находки фрагментов семи витых стеклянных браслетов (рис. 42). Интересны костяные черенок ножа, украшенный инкрустацией из серебра, и гребень. Найдено также много черепков глиняных сосудов славянского типа, сделанных на гончарном круге. Часть горшков орнаментирована волнообразными линиями. В употреблении были и бомбовидные сосуды с отогнутым краем.

В слое XIII—XVI вв. собраны черепки поливной керамики, покрытой главным образом зеленой и желто-зеленой поливой и украшенной вдавленным или выпуклым орнаментом. В верхних горизонтах слоя найдены черепки посуды из каменной массы, ввозимой из Рейнской области, а также немного фрагментов поливной посуды с цветным орнаментом.

Раскопки 1948 г. в районе набережной Даугавы не дали культурных слоев древнее XVI в. Из обнаруженных сооружений наиболее интересна постройка из кирпича — мельница с ручным жерновом. Она находилась вне крепостных стен и по всей вероятности сгорела во время большого пожара 1547 г.

В 1949 г. здесь обнаружена городская крепостная стена, построенная в начале XIII в., и четырехугольные глухие башни, о расположении которых

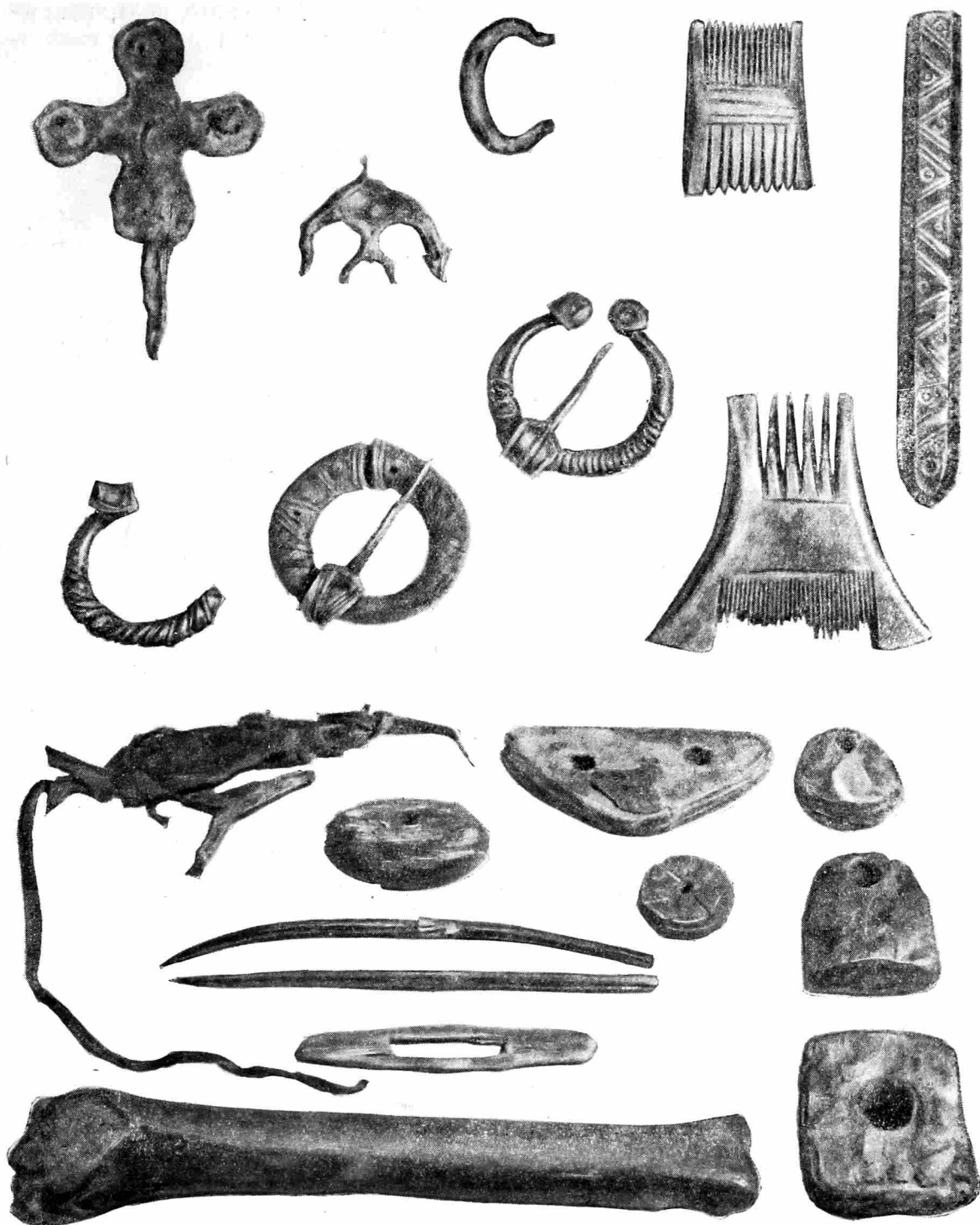

Рис. 41. Предметы из раскопок 1938—1939 гг. на набережной Даугавы: украшения, гребни, принадлежности рыболовства, „кошки“ и костяной конек для хождения по льду. Рига.

в этом районе точных сведений не было. Стена сложена из серого камня, доломита и кирпича, связанных известью.

В 1938 г. при закладке фундамента здания, в котором теперь помещается Академия наук Латвийской ССР, в районе р. Риги раскрыта древняя система городских укреплений, состоявшая из земляного вала, покрытого березовыми жердями, с двумя параллельно идущими рядами свай —

Рис. 42. Фрагменты стеклянных браслетов и серебряные слитки-гривны из раскопок на набережной Даугавы. Рига.

палисадами. В валу через каждые 20—30 м врыты дубовые бочки (на некоторых из них вырезаны знаки владельца). Возможно, что эти бочки служили водохранилищами на случай пожара. У подножия вала находился укрепленный досками ров. Удалось обнаружить остатки моста через ров, боковое укрепление мостового подъезда и часть подъездного настила. В середине XIV в. ров был засыпан. Возможно, что обнаруженные конструкции — остатки первых рижских укреплений, построенных в XII в.

Из найденных здесь предметов следует упомянуть бронзовую подковообразную ливскую фибулу с утолщением посредине, относящуюся к XII в., костяные гребни, железные топоры с широким лезвием и наконечник копья. Интересны два деревянных меча — игрушки (один из них сохра-

Рис. 43. Железный топор, бронзовая пряжка, костяной гребень, деревянные мечи-игрушки, верх кожаной туфли и плетеный лапоть из раскопок у р. Риги.

нился частично), по своей форме напоминающие мечи, бывшие в употреблении у латышских племен в X—XII вв. (рис. 43). Подобные игрушечные мечи найдены в Старой Ладоге во время раскопок, произведенных В. И. Равдоникасом в 1948 г.

Рига расположена на низком, сыром месте, поэтому в почве очень хорошо сохранились предметы из дерева и кожи: фрагменты кожаной расшитой обуви и плетеных лаптей (рис. 43), долбленная, точеная, клепаная деревянная посуда и много крышек крынок, обшитых берестой. Аналогичные предметы, относимые к X—XII вв., найдены на Межотненском и Талсинском городищах Латвии. Подобного рода предметы обнаружены и во время раскопок в Старой Ладоге и Новгороде, а также в Цантохе, Хайтабу, Сканере.

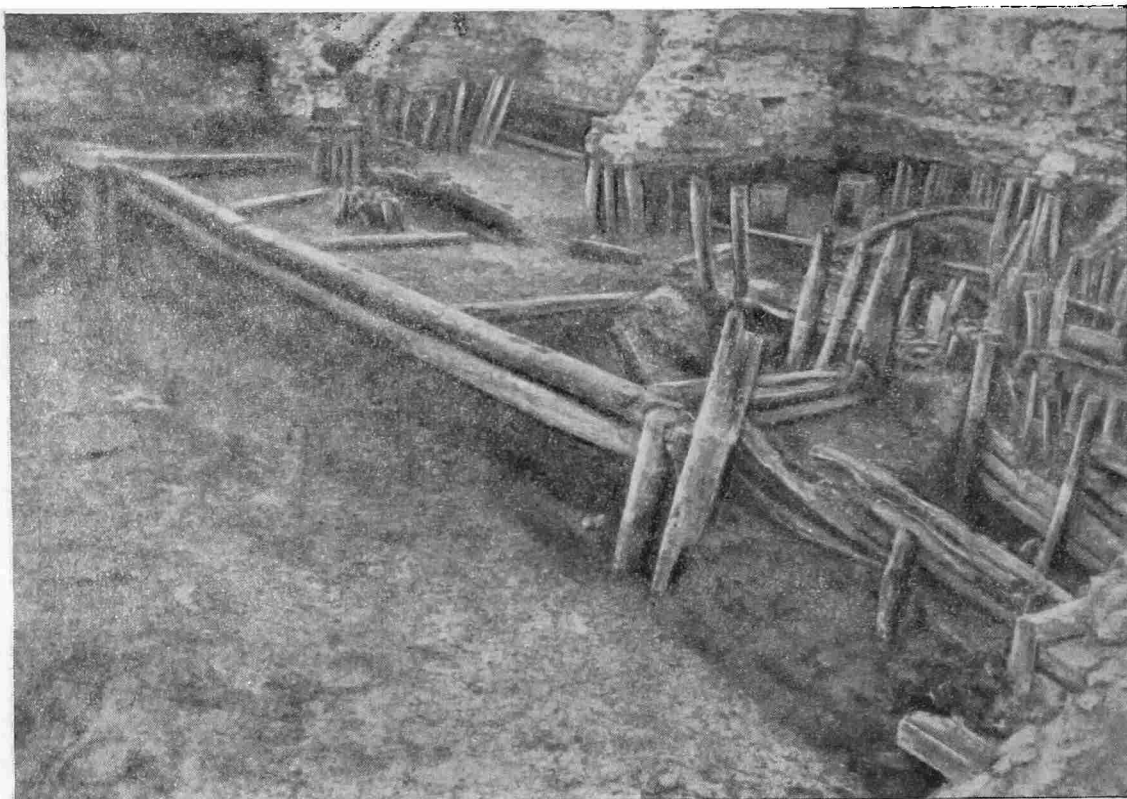

Рис. 44. Укрепление правого берега р. Риги (Рига).
1 — камеры укреплений; 2 — укрепление со сходами.

Довольно много найдено фрагментов тканей и вязаных изделий. Судя по способу выработки, орнаменту и цвету, часть их принадлежит латышам и относится к XVI—XVII вв.

Археологические раскопки на месте древней рижской гавани производились в 1938—1939 гг. (рис. 45). Древняя гавань находилась на берегу р. Риги (называвшейся также Ридзене, Ридзиня), неподалеку от ее впадения в Даугаву, на самом широком месте, так называемом Рижском озере, где ширина реки достигала 52 м.

Во время раскопок обнаружены три береговых укрепления на правом берегу и три на левом. Первое, самое древнее укрепление правого берега было сооружено из дубовых свай, скрепленных досками. Ближе к середине реки находилось второе мощное укрепление, представляющее собой ряды

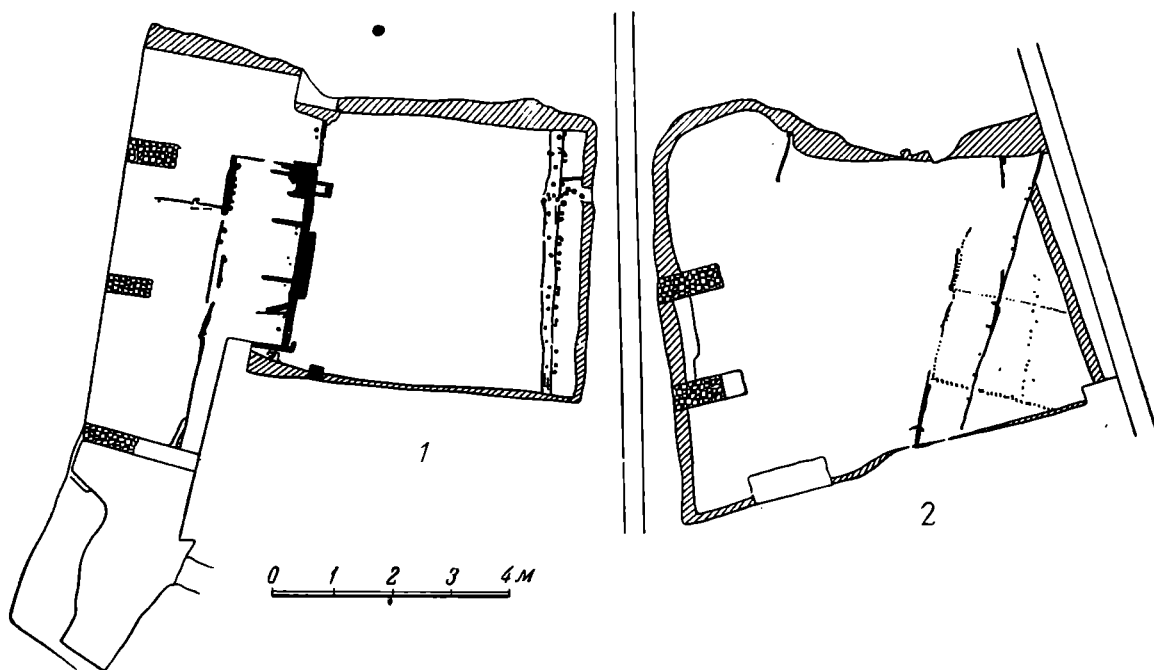

Рис. 45. Рижская древняя гавань: 1 — план археологических раскопок 1938—1939 гг., 2 — укрепления набережных. Рига.

забитых в берег сосновых и еловых свай, 1,5 м длиной, скрепленных деревянными якорями длиной до 2 м, земляной насыпью и камнями (рис. 44). Укрепления были возведены, повидимому, в XIV в. Набережная здесь мостилась мелким камнем и кирпичом.

В 1630—1650 гг. построено третье укрепление уже на канале, когда река Ридзене засорилась и была включена в систему нововозведенных городских укреплений как своеобразный ров. Корабельная гавань в это время перенесена на Даугаву.

На левом берегу Ридзене также обнаружены три береговых сооружения, сходные по конструкции: вбитые в грунт сваи, связанные стенами из досок. Земляной вал укреплен при помощи свайных камер.

Отдельные слои на месте древней гавани определить и датировать очень трудно, так как они перемешаны при углублении гавани и постройке зданий на месте засыпанной реки.

Из древнейших найденных предметов следует упомянуть три фрагмента латгальской бронзовой витой шейной гривны, подковообразные фибулы, кольца, костяные гребни и конек, железные топоры, наконечники стрел и копий, относящиеся к XI—XII вв. (рис. 41, 43, 46).

Среди находок в гавани много посуды и ее фрагментов, причем славянской керамики и бомбовидных сосудов без поливы сравнительно мало.

Значительно больше черепков посуды из каменной массы, орнаментированной и без орнамента. Принято было считать, что изделия данного типа импортировались из Рейнской области, главным образом из Зигбурга, Фрехена, Ререна, Кельна. Но обилие фрагментов подобной посуды должно вызвать сомнение, все ли они (в особенности наиболее простые образцы) — импортные. Не исключена возможность, что часть сосудов сделана на месте. Правда, на территории Латвии нет подходящей для их изготов-

Рис. 46. Фрагменты шейной гривны и подковообразная фибула из бронзы, железный топор и костяной черенок ножа, найденные на месте древней гавани. Рига.

ления глины, но возможно, что сырьевой материал попадал сюда в качестве корабельного балласта.

Много найдено посуды из красной и светлой глины, с поливой и без нее. Поливная посуда часто украшена орнаментом. Самый распространенный — разноцветный рисунок. Форма сосудов очень разнообразна: жаровни на трех ножках с рукояткой и без рукоятки, большей частью покрытые поливой только внутри; горшки с ручками и без ручек; миски и тарелки; ситообразные глиняные сосуды с ручками и тремя ножками; маленькие сосуды с ручками, прикрепленными горизонтально; сравнительно много миниатюрных глиняных горшочков. Найдено много печных изразцов XVI—XVIII вв., флиз, голландских белых глиняных трубочек, а также фрагментов стеклянной и деревянной посуды, фрагментов кожаных изделий.

Одна из интереснейших находок в гавани — дубовый корабль 14 м длиной (рис. 47). Обнаружены фрагменты другого обгоревшего дубового корабля, остатки нескольких лодок, якорей, принадлежности корабельного дела и рыболовства.

Точное время постройки гавани установить невозможно. Повидимому, она сооружена в XII в. В одном из писем (1297 г.) Рижского магистрата к Любекскому читаем, что через реку Ридзене строится подъемный мост. В 1610 г. в книге старейшин рижской Большой гильдии старейшина гиль-

дии Фрелих пишет, что при расчистке Ридзене рабочие обнаружили какие-то древние укрепления¹.

Для изучения древней истории Риги важное значение имеют не только археологические раскопки, но и случайные находки предметов и монет в самом городе и его окрестностях.

Древние поселения, могильники и места случайных находок в окрестностях Риги сосредоточены в низовьях Даугавы, как наиболее удобном месте для заселения.

Самая древняя находка в Риге — орнаментированный костяной гарпун, относящийся, судя по аналогичным находкам в Лубане и Кунде, к мезолиту (рис. 48). Найденные в Риге и ее ближайших окрестностях каменные ладьевидные топоры и долото, кремневые наконечники стрел относятся к концу неолита (рис. 48).

В центре «старого города», в районе р. Ридзене, на глубине около 1,8 м, при закладке фундамента дома найдено каменное шлифованное орудие. Подобные орудия известны из свайных построек культуры шнуровой керамики в Швейцарии.

Часть обнаруженных в Риге каменных топоров относится к бронзовому веку. На берегу Даугавы в Резнас и в Гильберти Катлакалнской волости имеются курганные могильники и городище Кландю Калнс, заселенное в течение всего I тысячелетия до н. э. Находок, относящихся к первой половине I тысячелетия н. э., в Риге и

ее окрестностях мало. Среди них бронзовая глазчатая фибула и двенадцать римских монет I—IV вв. н. э., два серебряных денария II в. (найжены в Торнякалнс) и одна бронзовая римская монета. В окрестностях Риги, у Булдури, обнаружен клад из семи бронзовых римских монет II в. и медного слитка. Следует упомянуть также находки монет в Мурниково Исклюльской волости и на о. Навессала. На пересечении улиц Католической и Московской найдена половина бронзовой шейной гривны середины I тысячелетия н. э. (рис. 49); половина серебряной шейной фасетированной гривны, относящейся к VI в., а также часть бронзового украшения латгаллов VII—VIII вв. н. э. найдены в Пардаугава (ул. Зеллю). В I тысячелетии н. э. в низовье Даугавы жили земгаллы. Следует упомянуть большой могильник земгаллов на левом берегу Даугавы, в Плявниекале, а также городища Даугмале и Леяс Кивути, на самом большом острове Даугавы — Доле.

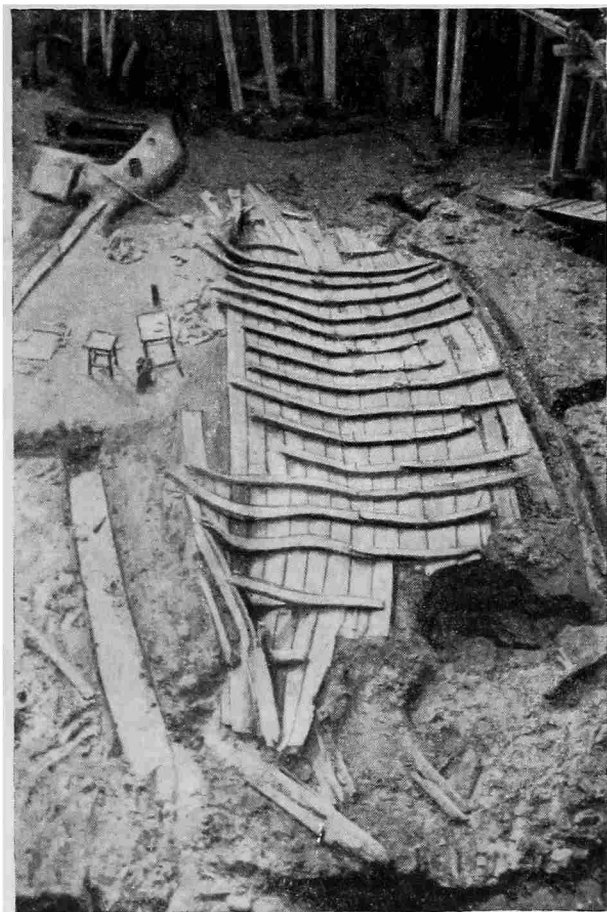

Рис. 47. Дубовый корабль, обнаруженный в гавани во время раскопок 1939 г. Рига.

¹ Das Buch der Aeltermänner grosser Gilde in Riga. «Monumenta Livoniae antiquae», кн. IV, Рига и Лейпциг, 1844, стр. 280.

С конца I тысячелетия н. э. правый берег Даугавы от Риги до Айзкраукле был заселен ливами. Возможно, что местами ливы жили также и на левом берегу Даугавы, попеременно с земгаллами (ливский могильник в Ливесмуйжа, усадьба Лауры). Аналогичные указания имеются и в топонимике (Кекава, Титурга и др.). Среди случайных находок в г. Риге, относящихся к этому периоду, представляют интерес подковообразная фибула с утолщенными концами и крестообразная булава, обнаруженные в «старом городе» (Вецпилсета), бронзовая витая подковообразная фибула со звериными головками на концах, найденная на правом берегу Даугавы

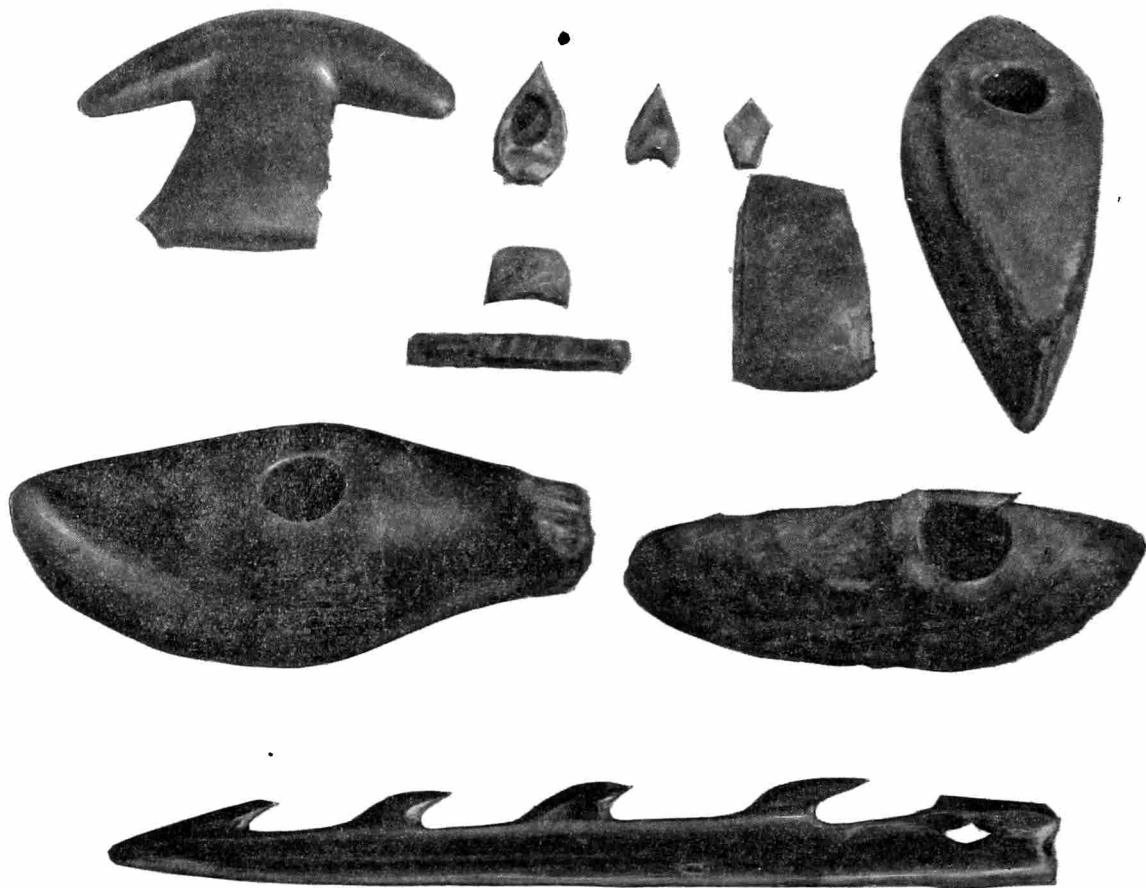

Рис. 48. Предметы каменного века, найденные в Риге и ее окрестностях: костяной гарпун эпохи мезолита и каменные орудия и оружие эпохи неолита.

у «Железного моста»; две бронзовые витые подковообразные фибулы с загнутыми концами (найлены в Волери и Вецпилсета); бронзовые ключ и ножичек — подвеска ливской формы, происходящие из района Ридзене (под Б. Гильдией).

Во время перестройки Домской церкви обнаружено погребение XII в. женщины из племени куров и отдельные украшения (рис. 49), вероятно остатки могильного инвентаря. Найденные здесь браслеты аналогичны фрагментам браслета, обнаруженного при раскопках на набережной Даугавы в 1938 г. В окрестностях г. Риги найдены также браслеты куров с утолщенной серединой и вдавленными концами.

Материалы, полученные при археологических раскопках, и случайные находки в г. Риге и его окрестностях дают полное основание сделать вывод, что низовья Даугавы, в частности район Риги, были заселены местными племенами еще задолго до немецкой агрессии в Прибалтике. Это позволяет опровергнуть утверждение, что Рига основана немцами и что все низовье Даугавы вплоть до Римбулы до XII в. н. э. не было заселено.

В XII в. н. э. район р. Ридзене и правый берег Даугавы на север от Ридзене были уже заселены, судя по находкам, ливами и латышскими племенами. Точное определение этнического состава населения в низовьях Даугавы затрудняется тем, что многие найденные в Риге предметы упо-

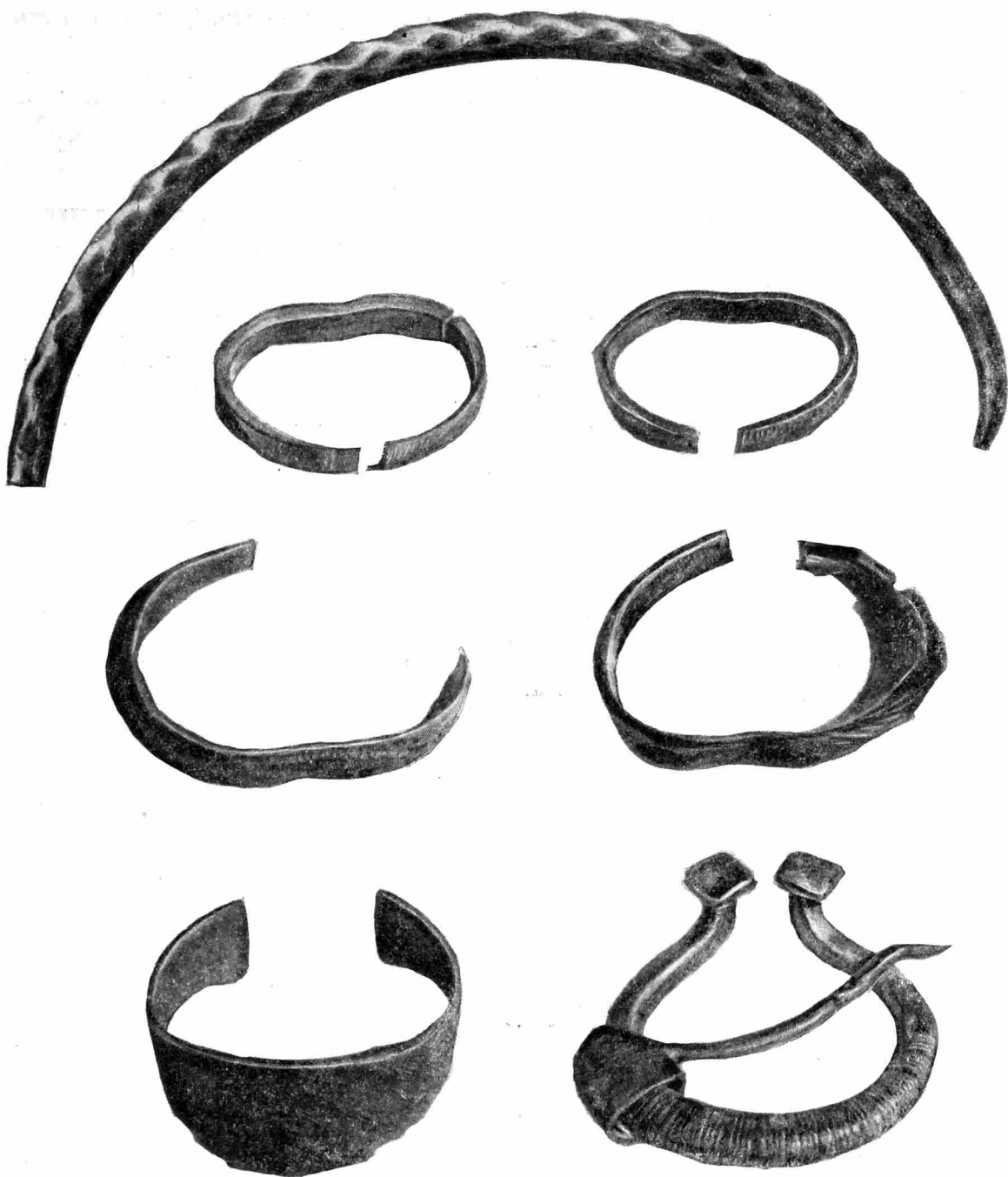

Рис. 49. Половина серебряной фасетированной гривны, найденная на углу Католической и Московской улиц; браслеты и подковообразная фибула из женского погребения, обнаруженного под Домской церковью. Рига

треблялись как ливами, так и латгаллами, курами и земгаллами. Весьма вероятно, что у р. Даугавы, на территории современной Риги, селились и ливы и куры и другие племена, так как эта местность была удобна для ведения торговли.

О связях населения низовья Даугавы с соседями в первые столетия нашей эры свидетельствуют находки в Риге римских монет. На развитие

торговли в позднейшее время указывает клад из 100 серебряных диргемов, найденный в Навессала, клад из Икскюля, состоящий из 96 серебряных диргемов и 5 медных византийских монет, обнаруженные на Даугмальском городище арабские, византийские, немецкие и англо-саксонские монеты X—XII вв. и импортированные с востока и запада предметы, найденные в Риге предметы славяно-русского импорта — серебряные слитки-гривны и витые стеклянные браслеты.

Характерно, что предметы, ввозимые в Ригу с запада, относятся только к XIII в., например две бронзовые, так называемые ганзейские, тарелки, словянская фигурка всадника, оружие, фрагменты доспехов. В XVI—XVIII вв. особенно много появляется посуды из каменной массы. Найдено много голландских трубок, печных изразцов, тканей и т. п.

Подтверждение тому, что население низовьев Даугавы в XII—XIII вв. занималось торговлей, скотоводством, пчеловодством, находим в хронике Генриха Латыша.

О развитии местного ремесла свидетельствуют найденные украшения, орудия, изделия из кожи, дерева и керамика, остатки мастерских для обработки кости и металла, относящихся к периоду не ранее XIV в. н. э. Найдены «древотазные шипы», орудия рыболовства и сельского хозяйства.

Археологические раскопки и случайные находки в г. Риге и окрестностях дополняют крайне недостаточные сведения письменных источников о быте и жизни местных племен в древности. Дальнейшие раскопки в Риге осветят новые стороны истории культуры и быта населения этого города.

Л. ВЕЛЛЕСТЕ

АНАЛИЗ ФОСФАТНЫХ СОЕДИНЕНИЙ ПОЧВЫ
ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕСТ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Цель настоящей работы — дать краткий обзор проводящихся в Институте истории Академии наук Эстонской ССР опытов применения анализа почвы как вспомогательного метода для установления мест расположения и размеров древних поселений. Указанный метод весьма прост, он основан на количественном анализе фосфатных соединений почвы.

В Эстонии вопрос об использовании этого метода возник лет десять назад в связи с изучением истории заселения страны. Однако для применения его в те времена не было материальных средств. С основания в 1946 г. Академии наук Эстонской ССР была создана твердая база для развития эстонской науки и стало возможно приступить к опытам применения анализа фосфатных соединений почвы в археологии. Исследовательская работа в этой области лишь началась; сам метод нуждается еще в дальнейшем усовершенствовании.

На мысль о возможности по содержанию в почве фосфатов обнаруживать местонахождения древних поселений натолкнулись при проведении агрохимических анализов почвы. Было замечено, что количество фосфатов в почве местами чрезвычайно возрастает и что богатые содержанием фосфатов участки совпадают с территорией древних поселений. Причина этого явления — накопление в почве на месте поселений органических остатков, содержащих много фосфатных соединений. Так, например, наиболее существенной составной частью неорганического вещества костей является кальциевый трифосфат. Кроме того, часть фосфора выделяется из переработанных в организме питательных веществ животного и растительного происхождения в виде экскрементов. Органические соединения фосфора, попавшие в почву, образуют при разложении клеток фосфаты, среди которых — легкорастворимые и труднорастворимые соединения. Количество первых в почве непостоянно: растения, потребляя их в качестве питательных солей, уменьшают содержание растворимых фосфатов, однако при интенсивном удобрении полей количество их может вновь возрасти.

В нейтральной почве накопившиеся на участках древних поселений труднорастворимые кальциевые фосфатные соединения сохраняются вплоть до наших дней в большом количестве, что и делает возможным определять местонахождения поселений. Однако процентное содержание фосфатов в пределах площади древних поселений не одинаково.

Колебание в содержании фосфатов объясняется концентрацией жизнедеятельности бывших обитателей в отдельных частях данного поселения,

обычно в его центре. В тех местах, где встречается больше всего фосфатов, культурный слой должен быть наиболее интенсивным. К окраинам процент фосфатов в почве уменьшается.

Степень насыщенности почвы фосфатами для различных поселений обуславливается, с одной стороны, продолжительностью существования поселения — чем дольше оно функционировало, тем больше наслоилось остатков, содержащих фосфор. С другой стороны, следует принимать во внимание и различия в образе жизни, а следовательно и в пище жителей, в зависимости от которой в почву попадали вещества, не везде в одинаковой мере содержащие фосфор. Наблюдения показали, что большее количество фосфатов приходится на охотничье-рыболовецкие поселения; в населенных пунктах, где преобладало земледелие, процент содержания фосфатов в почве значительно меньше. Наиболее низок он в тех поселениях, жители которых были уже знакомы с удобрением почвы и вывозили отбросы на поля.

Итак, при помощи анализа фосфатных соединений почвы можно установить, существовало ли на данном участке древнее поселение, его приблизительные пределы, части с наиболее интенсивным культурным слоем, число культурных слоев.

Пробы почвы берутся при помощи бура с делениями. Рекомендуется придерживаться системы направлений, дистанций и глубины, выбор которых зависит от местных условий и задач, поставленных при исследовании памятника. Чем больше взято проб, тем точнее и достовернее окажутся результаты. Важнее всего определить залегание культурного слоя, для чего пробы нужно брать с разных глубин, что даст возможность установить наличие одного или нескольких культурных слоев, их мощность и стратиграфию.

В тех местах, где мы имеем дело с особенно мощным культурным слоем (или слоями), рекомендуется заложить шурф и из стенок его брать горизонтальные пробы. При этом будет устранена возможность смешения слоев. Каждую пробу следует запаковывать отдельно и снабжать этикеткой, место их взятия фиксировать на плане.

Для определения содержания в почве фосфатов есть несколько методов. Мы применяли колориметрическое определение. Для очистки от камешков, растительных частиц и наиболее крупных комков почвы проба просеивается через двухмиллиметровое сито, перемешивается и от нее отвешивается частица, весом в 1 г, которую помещают в пробирку. К этой частице добавляют 20 г проявителя в составе: молибденовокислый аммоний, сернистокислый натрий и гидрохинон в сернокислой среде¹. Этот раствор нагревается (в водяной бане) не менее получаса. Если анализируемая почва содержит фосфат, то жидкость в пробирке приобретает при нагревании синюю окраску, интенсивность которой зависит от концентрации фосфора.

Концентрация определяется путем сравнения. Для этой цели готовится шкала из растворов, в которых известно содержание фосфора. За единицу при определении принимается степень окрашенности в синий цвет, получающаяся при содержании 0,003 мг пятиокси фосфора (P_2O_5) в одном грамме почвы. Сравнивая полученную при анализе окраску жидкости с окрашиванием на шкале, можно установить степень концентрации фосфора в пробе.

¹ Проявитель получается смешиванием следующих трех растворов: 1) 25 г молибденовокислого аммония растворяются в 800 мл дистиллированной воды, после чего прибавляется 200 мл концентрированной борной кислоты; 2) 20 г сернистокислого натрия растворяются в 90 мл дистиллированной воды; 3) 1 г гидрохинона растворяется в 100 мл дистиллированной воды и прибавляется одна капля концентрированной серной кислоты. Для получения проявителя берется 100 мл первого раствора, 10 мл второго, 10 мл третьего и 120 мл дистиллированной воды.

Для определения содержания фосфатов в почве наиболее употребителен в агрономии метод Аррениуса. Для растворения фосфата применяют лимонную кислоту. К исследуемой пробе прибавляют двухпроцентный раствор лимонной кислоты, после чего пробу взбалтывают в течение 48 час. Содержание фосфата в фильтрованном растворе определяют при помощи молибденовокислого аммония. Для количественного определения этот способ точнее, но требует больше времени, более совершенного лабораторного оборудования и больших знаний в области химического анализа.

Приведем несколько примеров практического применения фосфатного анализа при исследовании древних поселений на территории Эстонской ССР.

В 1947 г. в средней части Эстонии, около деревни Мустивере (недалеко от г. Вильянди), в карьере для разработки гравия, была обнаружена керамика среднего и позднего железного века. В профиле карьера выделялся мощный черный слой, начинающийся сразу же под дерном и достигающий местами более метра толщины. Из этого слоя на разной глубине были взяты пробы. Пробы из верхних частей показали содержание фосфатов в 40—46 единиц, пробы с глубины 85 см — до 56 единиц. Нормальное содержание фосфатов в почвах Эстонской ССР колеблется в пределах 2—6 единиц. Раскопки 1948 г. подтвердили, что на территории Мустивере существовало в течение продолжительного времени поселение, наиболее древний инвентарь которого относится ко второй половине I тысячелетия н. э. Начиная с этого времени, указанное место было, по всей вероятности, непрерывно населено вплоть до прошлого столетия. Во время раскопок взяты новые пробы почвы, на этот раз уже с более обширного участка. Пробы, содержащие фосфаты в пределах 28—70 единиц, помогли определить очертания древнего поселения. Пробы, взятые с участков, не занятых древним поселением, содержали фосфаты в нормальном для полевой почвы количестве.

Из древнейших укрепленных поселений Эстонии наиболее известно городище Асва на острове Сааремаа. Оно представляет собой продолговатый холм, длиной немногим более 100 м. Городище относится к концу эпохи бронзы и к началу века раннего железа и датируется приблизительно от середины I тысячелетия до н. э. до первых веков нашей эры. Взятые здесь почвы показали сравнительно устойчивое содержание фосфатов в 60—86 единиц окраски, лишь местами снижавшееся до 32 единиц. В пробах же, взятых вне городища, фосфатов почти совсем не оказалось. При варке проб почвы с высоким содержанием фосфатов в пробирке образовалась студенисто-зернистая масса, оказавшаяся превращенным коллагеном. Коллаген содержится в костях, сухожилиях, коже, рыбьей чешуе. Наличие его здесь вполне объяснимо, так как при раскопках городища найдено много костей животных и изделий из кости.

В юго-восточной Эстонии находится поздненеолитическое поселение Тамула, относящееся ко второй и третьей четвертям II тысячелетия до н. э. (рис. 50). Жители добывали себе пропитание рыболовством и охотой, о чем свидетельствует большое количество костей рыб и животных, найденных при раскопках. Находки позволили установить, что население стоянки не занималось скотоводством и земледелием. Поселение располагалось на мысу, вклинивающемся в озеро Тамула, против города Выру, лежащего на противоположном берегу озера. Залегающий на торфяной подпочве культурный слой впоследствии покрылся торфом. Раскопки производились лишь в небольшом масштабе — на участке, расположенном недалеко от вершины мыса. Чтобы установить пределы культурного слоя, простирающегося от озера в глубь материка, в 1948 г. были взяты пробы почвы на протяжении 155 м по прямой линии от вершины мыса. Как показали раскопки, культурный слой начинается здесь приблизительно на глубине 30 см. Пробы

почвы брались на глубине 40—50 см. Анализ показал, что участок древнего поселения простирается на 70 м в глубь материка (в западном направлении) от оконечности мыса. Больше всего фосфатов содержат пробы, взятые ближе к озеру; содержание в них фосфатов доходит до 180 единиц окраски. По мере удаления от озера содержание фосфатов в почве постепенно уменьшается, хотя все еще в пробах, взятых на расстоянии 70 м от оконечности мыса, они содержатся в количестве 100 единиц окраски. Дальше по направлению к западу фосфаты в почве совершенно исчезают, поселение туда уже не доходило. Таким образом, при помощи анализов установлен участок, на котором следует производить раскопки.

Приведем пример установления места поселения, расположение которого раньше не было точно известно. При углублении р. Выханду, протекающей в юго-восточной части Эстонской ССР, на дне ее были обнаружены многочисленные кости животных и некоторое количество черепков сосудов с

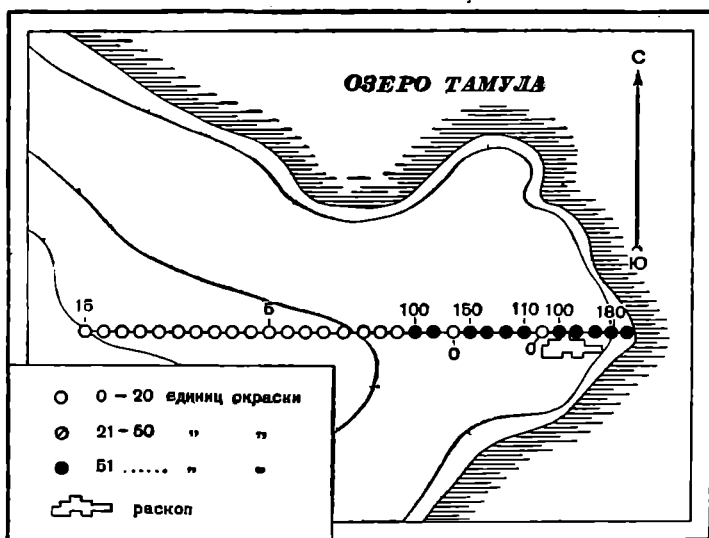

Рис. 50. План поздненеолитической стоянки на озере Тамула с обозначением пунктов, где брались почвенные пробы для фосфатных анализов.

ямочно-гребенчатым орнаментом. В слое торфа, отложившемся на южном берегу реки, были также найдены кости животных, из которых некоторые носили следы обработки. Место казалось подходящим для неолитического поселения.

В целях уточнения его границ осенью 1948 г. вдоль южного берега реки, на участке длиной в 700 м, были взяты пробы через каждые 5—10 м по прямой линии (рис. 51). Пробы почвы брались на разной глубине. В большинстве случаев культурный слой залегал на глубине 50—100 см. Пробы, взятые вдоль восточной части названной линии, на протяжении примерно 250 м, содержали фосфаты в минимальном количестве или вовсе их не содержали; в средней части линии количество фосфатов в почве постепенно повышалось, достигая на протяжении 30 м 25—50 единиц окраски. Дальше к западу, на протяжении 55 м, содержание фосфатов в почве резко возросло — до 80—120 единиц окраски. Еще дальше к западу содержание фосфатов стало снова быстро понижаться до обычного для почвы уровня. В западном конце линии оно снова резко поднялось, доходя на протяжении 70 м до 80—110 единиц окраски.

Таким образом, вдоль этой линии удалось выявить два сравнительно коротких участка с высоким содержанием фосфатов и тем самым определить места двух поселений. Между ними остается промежуточный участок,

длиною примерно в 300 м, вовсе не имеющий фосфатов или содержащий их немного, и только лишь в нескольких взятых с этого участка пробах содержание фосфата достигает 40—50 единиц окраски. Возможно, что западная окраина восточного поселения доходила до пунктов с фосфатами. Пробы же, взятые с промежуточного участка между западным и восточным поселениями, так как здесь не было культурного слоя, фосфатов не содержали.

В восточном конце предполагаемого восточного поселения пробы брались еще и в другом направлении — перпендикулярно реке. На этом участке, на протяжении 40 м от реки, они содержали фосфаты в количестве до 70—

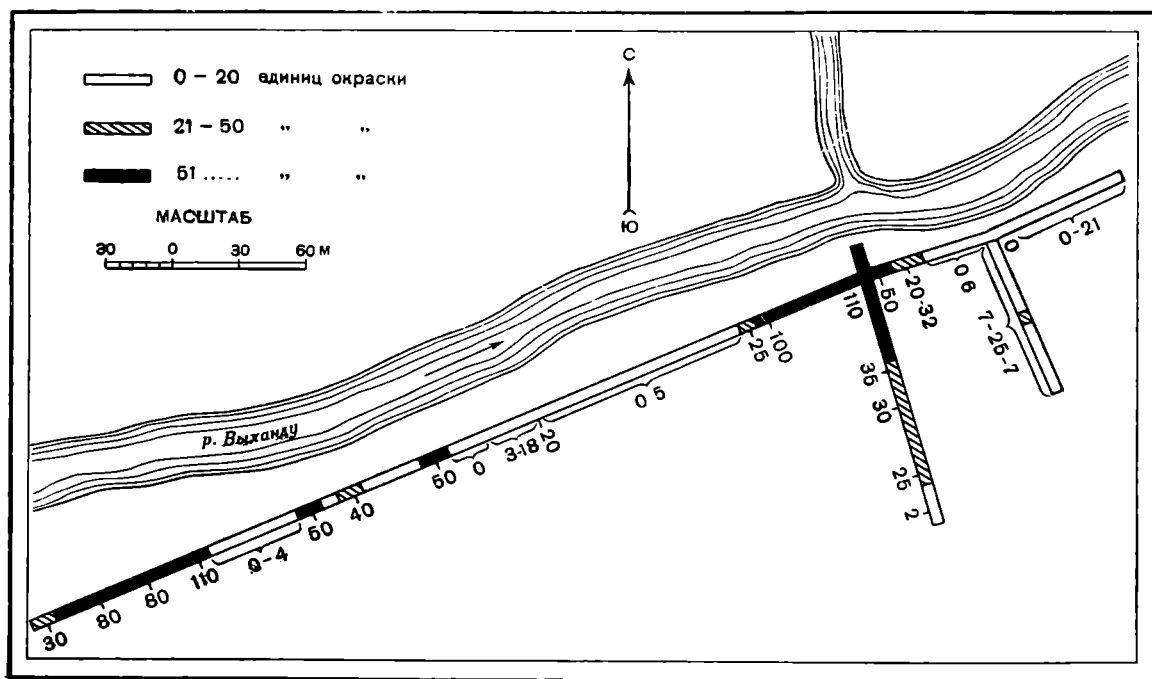

Рис. 51. План местности на берегу р. Выханду с обозначением участка, где были взяты пробы почв для фосфатных анализов и обнаружена неолитическая стоянка.

90 единиц окраски. Далее, по направлению к югу, содержание фосфатов резко снизилось до 40 единиц окраски, а затем постепенно и очень медленно на протяжении 70 м уменьшилось до 25 единиц окраски, после чего началась уже полевая почва с обычным содержанием фосфатов. На основании полученных данных можно предположить, что центр поселения находился недалеко от берега реки и что периферийные части его простирались более чем на 100 м от центра. Соответствует ли во всех деталях эта картина действительности, покажут археологические раскопки, которые также выяснят, существовали ли оба обнаруженных здесь поселения одновременно.

Возможность выявления поселений при помощи анализа фосфатных соединений почвы подтверждают и другие исследования. Так, например, содержание фосфатов в культурном слое торфяниковой неолитической стоянки Акали (Конса) на западном берегу Чудского озера, недалеко от устья р. Эмайыги, доходит до 140 единиц окраски в одном грамме, а в почве дюнной стоянки Ундва (неолит) на побережье Сааремаа — до 105 единиц. Из этого видно, что содержание фосфатов в почве неолитических стоянок не везде одинаково, но что в неолитическом культурном слое их в общем больше, чем в почве поселений более позднего времени, жители которых занимались земледелием.

Анализы показали, что фосфаты сохраняются и в минеральных почвах и в торфяниках. Поэтому описанный выше анализ применим всюду, где нет препятствующих факторов. Успешному применению метода могут помешать фосфаты, случайно попавшие в почву, а также содержащиеся в почве натуральные фосфаты.

Натуральные фосфаты, по всей вероятности, имеются в почве древнейшей стоянки Эстонии на холмике Ламмасмяги в торфянике Кунды. Этот холмик представляет собой бывший островок посреди древнего озера и состоит из известняка и суглинка. Кое-где известняковая почва Ламмасмяги и его окрестностей содержит натуральные фосфаты в большем количестве, чем обыкновенная полевая почва. Здесь анализ фосфатных соединений почвы еще не дал удовлетворительных результатов. Можно, однако, надеяться, что в дальнейшем, по мере усовершенствования, наш метод окажется применимым и на холмике Ламмасмяги.

Сектор археологии Института истории Академии наук Эстонской ССР с целью обнаружения древних поселений путем определения содержания фосфатов приступил к обследованию обширного участка — бассейна р. Пярну, где сделано много находок предметов каменного века. Пробы почвы из этого района, к сожалению, еще полностью не исследованы.

Подводя итоги, можно сказать, что анализы фосфатных соединений должны оказать существенную помощь археологам при поисках древних поселений и в определении их размеров и границ, что сократит подготовительную работу при раскопках. Химическое исследование почвы дает возможность, при относительно небольшой затрате рабочей силы, времени и средств, обследовать значительно большие участки, чем путем разведочных шурфов. Заменить последние химический анализ, конечно, не сможет, но как метод подсобной предварительной рекогносцировки он позволит иной раз избежать безрезультатных раскопок, а также облегчит более рациональное их планирование.

Вполне допустимо, что в будущем при помощи анализа фосфатных соединений почвы будут обследоваться обширные пространства, берега рек, озер, в целях обнаружения пока не известных древних поселений. Само собой разумеется, что этот метод нуждается в дальнейшем усовершенствовании в смысле техники взятия проб почвы и проведения количественного анализа. Описанный метод не требует больших расходов и сложного лабораторного оборудования. Его можно применять поэтому в экспедиционных условиях в полевой лаборатории с минимальным оборудованием.

Можно надеяться, что в Советском Союзе, где археологическими исследованиями охвачены огромные пространства, метод анализа фосфатных соединений почвы найдет успешное применение при проведении разведок, при поисках древних поселений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС — Археологический съезд
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия археологической комиссии
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты археологической комиссии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiquae
SRP — Scriptores Rerum Prussicarum

СОДЕРЖАНИЕ

✓ Г. Б. Федоров. Сессия Института истории материальной культуры АН СССР, посвященная археологии Прибалтики	3
✓ Ф. Д. Гуревич. Древние памятники юго-восточной Прибалтики и задачи их изучения	13
Х. А. Моора. Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики .	24
Р. Яблонските. Мезолит Литвы	40
Л. Янитс. Поздненеолитические могильники в Эстонской ССР	53
Л. В. Ванкина. Археологические памятники I тысячелетия до нашей эры на территории Латвийской ССР	66
М. Х. Шмидехельм. Каменные могилы в северо-восточной Эстонии	76
П. Ф. Тарасенко. Городища Литвы	86
П. Куликаускас. Исследование археологических памятников Литвы	92
Р. Куликаускиене. Погребальные памятники Литвы конца I — начала II тысячелетий нашей эры	108
М. Р. Вилсоне. Археологические раскопки в городе Риге	123
Л. Веллесте. Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений	135
Список сокращений	141

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *С. Т. Попова*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*

*

РИСО АН СССР № 4896. Т-06505. Издат. № 3355.
Тип. заказ № 228. Подп. к печ. 19/VII 1952 г.
Формат бум. 70×108. Бум. л. 4,5. Печ. л. 12,33.
Уч.-издат. 12,7. Тираж 1700.
Цена по прейскуранту 1952 г. 7 руб. 60 коп.
2-я тип. Издательства Академии Наук СССР.
Москва, Шубинский пер., д. 10.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
87	11 св.	Зарайский	Зарасайский
89	15 сн.	Зарасского	Зарасайского
96	37 св.	ройнах	района
100	11 сн.	тингского	Кретицского
109	6 сн.	Браславского	Бреславского
112	19 св.	слозь	стоць
135	14 св.	С основания	С основанием